

Ольга Мяхар
Новая жизнь

Юмористическая фантастика – 345

«Новая жизнь»: Издательство АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0602-9

Аннотация

Представьте себе реинкарнацию... Кролик? Уныло. Принцесса! Банально. Дворник...

эх. А если киборг с кучей наворотов, плазматическими пушками и нескончаемой регенерацией? Добавьте мелких духов, присматривающих за душой, вляпавшейся в такое тело, и кучу приключений в мире, где нет технологий, но зато в избытке магии и волшебства. Заинтересовались? И, кстати, это ведь не навсегда. Помните, как в сказке: „И когда ты совершишь много добрых дел, то однажды... превратишься в настоящего человека!“ А эльф, гном, маг и вампир с удовольствием в этом помогут.

Все еще сомневаетесь? Ладно. Только для вас. И только сегодня... добавим любовь, приключения и хеппи-энд! Согласны? Если да, то откройте книгу и ознакомьтесь с нашим предложением подробнее... А потом еще раз подумайте: так ли уж оно вам надо?

Ольга Мяхар **Новая жизнь**

ПРОЛОГ

— Лия.

Тишина. Шепот. Звуки. Темно.

— Илия. Открой глаза.

Тело словно чужое. Не слушается. Не повинуется. И так спокойно и тихо в груди.

— Открой глаза. — Голос настойчив и пробирается даже сквозь тысячу пологов сновидений. Скользит в мыслях, не дает уснуть, тя-а-нет.

Медленно приоткрываю глаза. Сфокусировать взгляд, разбудить сенсоры.

Небольшой яркий шарик плывет в сгустке тьмы прямо передо мной, на расстоянии метра. Асинхронная пульсация от него — в тепловом и инфракрасном спектре — посылает волны телепатической передачи в мой мозг.

— Илия. Ты меня слышишь? — настороженно.

Веки медленно смыкаются и вновь поднимаются вверх. Перенастройка сенсоров. Тьма упорно остается тьмой.

— Хорошо. Тогда слушай. Ты — девушка-киборг, и ты была уничтожена своим создателем очень давно, так как не справилась с заданием. Но сейчас решено тебя восстановить, подарить тебе еще одну жизнь и душу, которая уже угнездилась в твоей груди и полностью принята телом.

Поднимаю кисть, смотрю на длинные тонкие пальцы, выпустившие кинжалы прямых когтей.

— Почему? — Голос мягкий и нежный, а не металлический и скрежещущий.

— Почему киборг?

Молчу, закрываю глаза. Лавина эмоций накатывает неизвестно откуда, упорно набирает обороты, захлестывая. Психоз.

— Скажи, ты читала сказку о Пиноккио? Или Буратино...

Открыть глаза.

— Так вот. По аналогии было решено, что в тот миг, как ты совершишь достаточно добрых дел в новой жизни, твое тело вновь станет человеческим, причем точной копией этого.

А на кого я сейчас похожа? Смотрю на руки.

— Можешь даже имя взять... ну, к примеру, Бура. Или Тина... тоже неплохо.

— Сколько?

— Что?

— Сколько дел надо совершить? — Внутри что-то щелкает, меняется и перестраивается. И это нервнует.

— Точно неизвестно. Но все они должны идти от чистого сердца, или так и останешься киборг...

Из пальцев вырвались алые лазерные лучи. Вторая рука мгновенно перестроилась в пушку с широким дулом, и плазменный разряд врезал по и без того уже сильно дырявому черно-желтому шарiku.

Взрыв. Шипение, грохот, закладывающий уши, и жжение и горечь на языке. Руки потеряли чувствительность полностью, видимо, чтобы не повредить психику ощущениями прокатывающегося рядом сгустка пламени.

Все погасло. Искры медленно взмыли вверх. Я снова осталась одна в пустоте.

А потом приставила дуло пушки к черепу, и... кто-то перехватил контроль над телом, дуло отвели, а перед глазами появилось высокое прекрасное существо со скорбным взглядом и с чем-то черно-желтым в руке — воющим и истекающим светом.

— Зачем ты повредила посла? — Холодный голос, холодный взгляд.

Смотрю на посла, как раз на повышенных тонах объясняющего — кто я есть.

— Скотина!!! — торжественно закончил шарик и обиженно затих на ладони, кое-как сращивая дыры и восстанавливая обгрызенный плазмой почерневший бок.

— Надоел, — задумчиво.

Шарик замер. Ощущение, словно он пристально смотрит именно на меня. Недобро так... с агрессией.

— Что ж. Жаль. В таком случае я объясню дальнейшее и отправлю тебя в мир.

— Куда?

— В мир. У него нет имени — он слишком молод. Но именно там ты и будешь жить.

— Жить? — Чуть удивленно.

— Жить. — Жестко.

— А теперь...

Дальше я не разобрала.

Но на всякий случай напряглась. И внезапно ощутила, как на плечах появилось что-то легкое и шевелящееся.

Страхиваю, отлетаю назад и удивленно наблюдаю за зависшими прямо передо мной миниатюрными, всего с ладонь ростом, существами. Одно — анрелочек (ярко-голубые глаза, нимб, крылышки и золото чуть волнистых волос). Второе — гэйл (черные мягкие волосы в творческом беспорядке, сверкающие рубиновые глаза с интересом наблюдают за окружающим миром, а узкое аристократичное лицо словно сияет силой, красотой и загадочностью).

— Нравятся?

Были бы моего размера — влюбилась бы в обоих. Странная, непривычная своей эмоциональностью мысль мелькнула и погасла, не оставив следа. Осторожно протягиваю руки к обоим. Анрелочек позволил себя поймать, ласково мне улыбаясь. Гэйл — выпустил в ладонь целую кучу мелких молний, с улыбкой пронзил ее хвостом с оригинальным сердечком на конце, вдобавок еще и укусил за палец, намертво к нему присосавшись и хлюпая... кровью? У меня и кровь есть, оказывается.

— Это две половинки отражения твоей души: белая — анрелочек (пытался осторожно разжать мои пальцы, ему не очень нравилось пребывание в кулаке), и черная — гэйл (от пальца оторвался, медленно стер капельки крови с лица и клыкасто улыбнулся, при этом алые глазки зло сверкнули). — Душа, доставшаяся тебе, была довольно... шепотная, если не сказать больше. Так что с этими двумя по крайней мере будет не скучно.

— ?!

— С каждым злым делом у черной половинки будет увеличиваться способность к магии. С каждым добрым — у белой. И если тьма в твоей душе однажды заслонит свет... человеческое тело ты не получишь никогда.

— Поняла.

— Ну что ж... вот и все. А теперь я отправлю тебя в мир, где магия правит людьми вместо технологий, а люди — далеко не единственная и даже не главная раса среди живых существ. Ты готова?

Отрицательно качаю головой.
— Тогда иди, — Усмешка и любопытство в глазах.
И все снова меркнет, тьма окутывает разум, погружая в толщу сна. Последнее, что я помню, — задумчивый красивый голос нечистика:
— Зуб даю — будет весело.

ГЛАВА 1

Она сидит в замке. А точнее — в башне. Где-то под крышей. Перед нею — окно, рядом — тумбочка и шкаф. Еще стол. Поломанный и грязный.

— Феофан! Феф! Ты как?!

На подоконнике на коленях стоит черный гэйл с кожистыми крыльями, сложенными за спиной, и пристально смотрит на лежащего перед ним анрелочка, скрестившего руки на груди.

Анрелу дали пощечину. Реакция — ноль. Почесали в затылке — дали вторую. Опять реакция — ноль.

Девушка сидит в углу и наблюдает.

Черный нахмурился, после чего засиял и, приложив руку ко лбу блондина, пронзил его молнией. Фигурка задергалась, задымилась, громкий горестный вопль резанул по нервам.

Руку от дымящейся макушки убрали. Белый дух сел и ошарашенно огляделся по сторонам.

— Где я? — испуганно.

— Тут! — гордо.

— Где — тут? — с подозрением.

Нечистик подмигнул ему и радостно обнял, прижимая вырывающегося белого духа к своей груди.

— Со мной! Феф, как же я испугался! Все-таки не абы кто, а полдуши чуть не сдохло.

Анрел вырвался, отполз и попытался слететь с подоконника на пол. Рухнул, застонал и пополз в угол. Киборг и гэйл задумчиво за ним наблюдали.

— Феф, ты чего?

— Не трогай меня. Мне больно.

— Когда тебя трогают? — с любопытством.

— Когда меня поджаривают, — с укором.

Анрелочек дополз до края свесившегося с кровати одеяла, тут же в него завернулся и глубоко вздохнул, прикрыв глаза.

— Ребята! — подала голос Иля.

Оба тут же уставились на нее.

— Никак хозяйка очнулась, — удивленно, черный.

— Как вы себя чувствуете? — вежливо, анрел.

— Я... я — Илия. Наверное.

— Хм... А я — Иревиль. А вон там — Феофан, — Ей махнули с подоконника, после чего с него элегантно прыгнули и уверенно пошли к одеялу.

Одеяло испуганно закопошилось. В голубых глазах анрелочка мелькнуло отчаяние.

— Вылазь, — твердо, протягивая руку анрелу.

Анрел замотал головой.

— Я не кусаюсь, — ласково.

Снова мотает, отползая назад.

Рычание... анрела буквально сгребли в охапку, извлекли из одеяла и радостно потащили к хозяйке, удерживая в руках вырывающееся чудо в перьях.

Девушка протянула руку, но на нее та-ак посмотрели, что руку она убрала.

— Итак! — Анрела усадили на пол и радостно плюхнулись рядом, — Мы — отражение твоей души. Как видишь... темная сущность у тебя сильная, крутая и офигенная, — ни тени

сарказма в тоне. — А светлая — запуганная и забитая, робкая... жмущаяся к темной.

Анрел как раз пытался отползти, но его поймали за край туники и не отпускали.

— Ну...

— Вот и познакомились. А теперь прости — нам пора.

— Куда?

— На выход, — серьезно, — А ты что, решила тут поселиться? Я против. У Фефа аллергия на пыль.

Анрел чихнул, угрюмо посмотрел на все еще держащего его за тунику Иревиля, и из его пальцев вырвалось что-то белое, тонкое, мгновенно спеленавшее черного духа, надежно его обездвигив.

Девушка зачем-то хлопнула в ладоши. Иревиль громко выругался и начал кататься по полу, пытаясь освободиться от странных пут. Анрел, сидя неподалеку, с интересом за ним наблюдал.

Илия же подхватила Феофана, посадила его на правое плечо и подошла к огромному старинному зеркалу, стоящему у двери.

Хм... как она выглядит? Вопрос актуальный для каждой девушки. В волосы вцепились крохотные ручки, перья крыла мягко щекотали щеку. Анрелочек очень боялся упасть, так как не до конца еще оправился.

— Феф! — с пола, трагически.

— Что? — не оборачиваясь.

— Я... я больше так не буду, — угрюмо.

Анрел обернулся, просиял улыбкой (все это хорошо отражалось в зеркальной поверхности) и ласково пропел всего одно слово. Пути спали, рассыпаясь золотом искр. Иревиль недовольно встал, размял крылья, руки и нагло взлетел вверх, приземлившись прямо на левое плечо. Ухо и щеку тут же укололи шипы на крыльях, и когтистая рука вцепилась в прядь волос, также не добавляя комфорта.

— Хм... ладно. А что же у нас в зеркале? Это... это ты!!! Божественно красивая, сногшибающе сексуальная! Длинные ресницы, ноги, волосы, руки и так далее. Грудь рвет рубашку, зад — штаны, а на лице сияют губы, очи, затмевая все!

Ну... это я хотел бы, чтобы так было. Очень... Н-да-а-а... Феф, что за внешность они ей подсунули? ГДЕ ГРУДЬ, Я ВАС СПРАШИВАЮ?!

Феф дернулся, поскользнулся и упал, повиснув на прядке волос.

— Держись! — рявкнули в левое ухо, и с плеча соскользнул гэйл, подлетая к анрелу и подхватывая того на руки, после чего бережно водружая его обратно на плечо.

Девушка же все еще разглядывала собственное отражение, глядящее на нее прямо из зеркала.

— Ты как? — с правого плеча.

— Спасибо, хорошо, Иревиль... но я бы и сам справился.

— Можешь звать меня Рёва.

— ?

— Да не бойся, я не злой... а ты такая лапа!..

— ?!

— Как представляю, что ты — моя вторая половинка... ути-пути...

— ИРЕВИЛЬ!!!

У уха что-то сверкнуло, черная клякса рухнула на пол, застыв в жуткой позе. Девушка отшатнулась, случайно на нее наступила, тут же отпрыгнула и удивленно уставилась. Взгляд черного говорил о многом. Смерти в муках ей желали как минимум.

Анрел сидел на плече, хмурый и сердитый. На пол не смотрел, но косился.

— Оправится? — Феф. Угрюмо.

— Да, — неуверенно.

Косились все сильнее.

Девушка осторожно отлепила от пола временно обездвигенную тушку и сунула ее в

руки анрелу.

— Лечи давай. А то умру — будешь убийцей, — дергая ножкой.

Шокированный дух прижал к себе хрипящего нечистика и осторожно кивнул. После чего мягко засветился белым и с силой прижал больного к груди.

Иревилъ вздрогнул, выпучил глаза, завопил как резаный и стал вырываться, агонизируя на глазах.

Нахмурившаяся Илия тут же вырвала его из объятий сосредоточенного анрела и, двумя пальцами придерживая за крыло, подвесила перед носом, разглядывая дымящуюся половинку своей души.

— Что опять не так? — вежливо спросила она.

— Меня благословили, — с ужасом сообщил пациент, глядя на удивленного анрела, как на спичку, оказавшуюся ядерной боеголовкой.

— Но ты... жив?

— Если бы он еще и "аминь" прошептал... крылья и рога отвалились бы точно.

Ей демонстрируют отпавший хвост. В алых глазах шок, рука, держащая хвост, чуть дрожит. Духа осторожно посадили обратно на левое плечо и вернулись к созерцанию отражения.

— А из зеркала на Илию смотрела высокая девушка нескладной наружности. С короткими светло-русыми волосами, скелетистая и тощая — что сзади, что спереди (я про грудь). Пытающаяся выпрямиться в надежде, что еще не все потеряно, — грустно декламировал занимающийся самолечением гэйл. — Ребра четко обозначились. Их уже можно пересчитывать. Лопатки выпирают буграми, кожа... проблемная. Особенно лица. "И это киборг?" — спросите вы! "Да!" — мрачно сообщу я. Не красавица. Ну да ничего, бюст — не главное в нашей жизни... а в ее случае — и все остальное тоже.

Медленный поворот головы в сторону улыбающегося гэйла, пытающегося прилепить хвост на место.

— Не говори так! — справа, — Вы очень красивы. Почти совершенны! — Анрел? На душе девушки теплеет, она медленно улыбается. — И неважно, что только в душе. — Добил. — Главное — не внешняя красота, а внутренний мир. Помолитесь, и вперед!

Тяжелый вздох, отвернуться от зеркала и пойти к двери.

— Так голой и пойдешь? — снова слева.

— Да, — все еще спокойно.

— Не. Мне-то что. Иди хоть как. Но учти, голые дистрофики на улицах этого мира приговариваются к осмеянию и тыканью пальцами. Могут и обхамить, — задумчиво.

— Одеяло! Возьми одеяло! — заволновался анрелочек и рванул к сему предмету, мужественно пытаясь его поднять.

Силенок не хватало, так что он его скорее волок, чем нес к киборгу.

Гэйл с умилением за ним следил.

— Какой хорошенький, — улыбнулся он. — Мой! — с гордостью.

Девушка только кивнула, отбирая одеяло и накидывая его себе на плечи. Завернувшись, почувствовала, как у уха что-то колется и режется. Вспомнила — на плече что-то сидело. Пришлось доставать Иревиля, отряхивать и сажать обратно. Ее пообещали лично пытать в аду. Анрелочек же уже уселся справа и довольно улыбался, тяжело дыша от перегрузок.

— Ну и как я выгляжу? — неуверенно. Подвязавшись шнуром от гардин и вновь стоя перед зеркалом.

— Как-как... — задумчиво, слева. — Как скелет в одеяле, вот как... сногсшибающе! — язвительно.

— Рёва, ну зачем ты так? — расстроено, справа.

Нечистик замер и расплылся в счастливой улыбке. Ее начали тыкать локтем в щеку.

— Нет, ты слышала? Рё-ова. Блин, я в аду!

— Так плохо? — удивленно.

— Так круто, — фыркнув.

Анрелочек хмурился, соображая: что он такого брякнул.

— А... я думала, что гэйлы и анрелы друг друга недолгобливают... а ты Феофана прямо-таки обожаешь, — поправляя шнур и понимая, что далеко она с этим одеялом не уйдет.

— Ну... вообще да. Но, во-первых, я не гэйл! А отражение темной половинки твоей души, хоть и маленькое... а во-вторых, анрелы — существа чистые, светлые и наивные, что ли. А каждому грязному и порочному хочется хоть раз в жизни заполучить в вечное пользование частицу такого вот света, — Красный как рак Феф смущенно рассматривал сложенные на коленях руки. — Чтобы мучить, издеваться, прикалываться... и все равно получать любовь в ответ. Это же круто! — Анрел сменил цвет на белый. На Рёву смотрели с ужасом, переходящим в возмущение. — Он же как котенок. И никуда от меня не денется, ибо мы — одно целое. Так что... — мечтательно.

Но тут его перекрестили и благословили одновременно, обрывая на самом интересном.

Через валяющегося на полу Рёву с дымящимся крестом на лбу пришлось после этого переступить и идти к двери уже без него. Ни она, ни Феф на нечистика даже не покосились. Потом догонит. Сам. Если захочет.

ГЛАВА 2

Признаться честно, девушка опасалась того, что окажется снаружи.

Но там оказалась всего-навсего длинная, уходящая вниз винтовая лестница и стоящий на ступенях высокий красивый парень с взведенным арбалетом и нервами. В нее прицелились, сощутив глаз, и выстрелили.

Анрел красиво заслонил девушку собой, но его сшибло прямо в воздухе что-то черное и рычащее, а стрела все же вонзилась в грудь киборга, отбросив ее назад и заставив съехать по стене на холодный каменный пол.

Больно не было. Было странно. А еще в голове что-то щелкало. Щелкало...

— Вот ты и попалась, нечисть, — довольно усмехнулся парень, поднимаясь по ступеням и не сводя с жертвы удивительно красивых, абсолютно черных глаз — в тон волосам, бровям, ресницам... длинным таким, пушистым.

Красив.

Щелк.

Высок.

Щ-щелк.

И острые концы верхней пары клыков лишь слегка выглядывают из-под тонкой губы приоткрытого в улыбке рта.

Ще...

Встать. Прыгнуть, резко ударить с разворота ногой. Парня сметает, его тело пробивает стену, но он успевает зацепиться за камень и через полсекунды запрыгивает обратно. Выпустил когти. В руке — оружие... крест.

Бьет наотмашь. Голову отворачивает влево...

Повреждения — ноль.

Снова бьет. Рукой, полосуя когтями. Добавить ногой и локтем в прыжке с разворота.

С грохотом катится по ступеням. Прыгнуть следом. Надо добить. Опасен. Для новой души опасен. Для Илии.

— Нет! — Перед глазами зависает что-то белое, синеглазое и упрямое.

Ловлю в руку, но кисть пронизывает сильный разряд. Пальцы на автомате разжимаются. Черный мелкий хватает белого и куда-то уносит.

Неважно. Цель... цель исчезла...

Догнать.

Залы, переходы, коридоры, галереи. Вот он.

Сильный толчок ногами, прыжок вперед и вверх. Из рук вырываются лезвия, тело

закручивается в смертельную спираль, а глаза четко фиксируют его местоположение.

Удар. Вскрик. Кровь.

Встать и сделать шаг назад.

Цель... более неопасна. Уничтожить?

Нет.

Выход из режима боя.

Стоит. Ее шатает. Смотрит на лежащее перед нею окровавленное существо, с бульканьем сглатывающее собственную кровь.

— Иля!

Что-то белое метнулось к груди, заглянуло в глаза, сжало зубы и тихо спросило:

— Что ты... хочешь?

— Вылечи, — Что-то скребет и мечется в груди, не дает успокоиться, бьется и просит прекратить. Она не понимает, но послушно шепчет снова: — Вылечи.

Анрел быстро кивает, опускается на парня, и мелкую фигурку окутывает белое сияние.

— Феф! Лучше я. Он же вампир, его нельзя лечить тебе.

Анрел замирает, хмурится, медленно кивает. По полу идет, гордо посверкивая глазами, гэйл и жестом просит друга отойти. Потом смотрит на нее:

— Уверена? Это зачтется в минус. Он — вампир. Зло в чистом виде.

— Уверена, — хрипло, но твердо. Щуря глаза.

Феф пожимает плечами и кладет маленькую ладошку на лоб вампиру. Алая вспышка, рев и крик выгнувшегося дугой пациента... тишина.

Кажется, на миг зажмурилась. Кажется... кажется...

Открыть глаза. Вампир ровно и медленно дышит, раскинувшись на полу, и все еще весь в крови. Но жутких ран больше нет, а рука не вывернута под странным неестественным углом.

— Я устал, — угрюмо. Рёва.

После чего фигурка падает на руки подбежавшего анрела.

— Феф... — с улыбкой.

Анрелочек кивает, садится, кладет его голову себе на колени и замирает.

Замирает и девушка, завернутая в огромное старое одеяло, сидя на полу около тела вампира и не понимая, что ей делать дальше.

Длинные ресницы задрожали, и черные странные глаза распахнулись, с трудом сфокусировав взгляд.

— Ты кто? — хрипло.

— Девушка, — задумчиво.

— Не ври, — Кашель. Он медленно садится, мотая головой и приходя в себя. — Девушки так бить не умеют. Такое чувство, будто по мне камнями лупили.

— Прости. — А что еще она могла сказать?

Он выдохнул, уперся руками в пол и встал. Его качнуло, схватился за голову и снова сел обратно на пол. Но на нее уже смотрел вполне трезво и явно все вспомнив.

— Так ты и есть дух этого замка?

— Я?

— Ну не я же, — раздраженно.

Илия смотрит на дергающего ее за ногу Иревиля. Вампир в упор его не замечает... значит, может видеть лишь она?

— Нет, я не дух. Я...

— А впрочем, духи так бить не умеют, — понативно кивнул вампир. — Жаль. Я-то думал, что наконец-то нашел заказ и смогу вечером свалить из этого места.

— Заказ?

— Ну да. Я из агентства "Нечисть и Ко". Не слышала?

Отрицательное движение головой.

Морщится.

— Мы выполняем разные заказы по устранению привидений, взбесившихся духов, нечисти и прочей мелкой шушеры, надоедающей жителям этого хренова города. Понимаешь?

— Нет.

— Ну... а кто ты вообще такая? И почему в одеяле? Любовник вышвырнул без одежды? — Парень хмыкнул, разглядывая ее с праздным любопытством соседа, а не с неистовой страстью сходящего с ума от вожделения мужчины.

Ей почему-то стало очень обидно, и она ему дала в челюсть.

Не рассчитала — вампир въехал лицом в колонну и затих.

Двое мелких удивленно посмотрели на Илию.

— Уже два плохих дела, — хмуро замечает анрел.

Черный показывает большой палец и одобительно кивает.

И снова все трое ждут пробуждения "спящей красавицы". А еще девушка думает о том — можно ли хоть что-то сделать с внешностью? Ну увеличить кое-что, или... она же киборг, а значит, должна быть пластична и легко перестраиваться.

Но базы данных упорно твердят, что нет — нельзя. Или они просто не в курсе как.

Очнулся! Бурная радость анрелочка. Все трое как раз играли в карты, и он жутко проигрывал, уже сидя, собственно, в одних трусах. Девушка, в свою очередь, оказалась без одеяла, но в пододеяльнике (который рисковала через минуту потерять). А потому вампиру обрадовалась даже чересчур бурно: подскочила к нему, обняла и радостно прижала к груди.

Вампир вырывался, хрипя и пытаясь понять, за что его убивают в третий раз.

— Лямур! — промурлыкал Феф, сдавая карты и тоскливо косясь на валяющиеся около черного тунику, сандалии, арфу и нимб.

— Как тебя зовут?

Ее отодвинули и в данный момент хватали ртом воздух, глядя настороженно и нервно.

— Сим.

— ...хорошее имя.

— Угу. А ты?

— Илия.

— Идиотское имя.

Рука сама собой сжалась в кулак. Сим понятиливо отполз, не отводя от нее взгляда.

— Прости, но что хорошего в названии навозной плесени?

— Плесени? Н-да-а-а-а-а... — подал голос все слышавший гэйл.

— Нет, тогда меня зовут... Бура.

— Хм?

— Сокращение от Буратино.

— А-а-а-а... ну хорошо, пусть будет Бура. А что это означает?

Мысленное удовлетворение. Ну хоть новое имя не звучит в переводе как что-то вонючее и страшное.

— Секрет, — Блок информации в базе данных.

Парень пожимает плечами и встает.

— Ладно. Бура так Бура. А мне пора, еще надо найти ту гадость, что заказали. Так что бывай. Всего тебе и побольше, и... извини за стрелу, — скользнув взглядом по уже затянувшейся ране на груди.

Лия кивнула, неуверенно улыбнувшись.

— И он ушел. Насвистывая. Бросив ее на полу полуголую и несчастную. А БЫЛА БЫ КРАСАВИЦЕЙ — ХРЕН БЫ ОН ЕЕ ТУТ ОСТАВИЛ!!! — Снова Иревиль, радостно разглядывая карты.

Девушка же сидела, смотрела на свои руки и пыталась согнуть внезапно потерявший чувствительность мизинец правой руки... он перестал сгибаться.

— Феф!

— А?

Анрел тут же вскочил и подбежал к Лии. Иревиль угрюмо смотрел на свой выигрышный расклад, понимая, что фиг он теперь услышит пение петуха из-под одеяла в исполнении блондина.

— Чего? — В глазах — море внимания.

Отчего так странно тепло в груди?

— Я не чувствую мизинца... я поломалась?

— Нет, — покачал головой анрел, ежась от сквозняка.

Девушка потянулась к гэйлу, тасующему колоду, нагло изъела одежду и вручила ее анрелу. Алые глазки сверкнули крайне угрюмо и возмущенно. Но она смотрит только на уже облачившегося в тунику и сандалии довольного анрела.

— Ну... каждое доброе дело будет делать тебя чуть-чуть человеком. А злое... превращать в деревяшку... ну, то есть потихоньку обездвиживать.

Анализ информации.

— И что делать?

— Срочно кого-нибудь спасти, — серьезно сообщает блондин, перемещаясь к ней на плечо.

Иревиль тут же перелетел на второе, а из конца коридора, по которому еще недавно ушел вампир, послышались громкий визг, рев и грохот, от которого завибрировал пол и со звоном посыпались стекла.

— И я даже знаю кого, — поощрительно промурлыкал ей на ухо черный, усаживаясь поудобнее и продолжая тасовать колоду.

Девушка кивнула, вскочила и резко рванула вперед. Но запуталась в пододеяльнике, взмахнула руками и рухнула на левый бок. Под нею что-то пискнуло, и перед глазами мелькнули разбросанные по полу миниатюрные карты.

Анрел лежал сверху, на ее правом ухе, тяжело дыша и умоляя быть поаккуратнее.

Кивок. Встать сначала на корточки. Отскрести от пола Иревиля и подняться окончательно на ноги. Привыкнуть к новому телу оказалось не так-то просто.

— Ты как? — уже уверенно шагая по коридору и переходя на бег.

— Плохо. — Рёва, лежа на ладони и не открывая глаз.

— Очень? — уворачиваясь от колонны.

— Да, — трагично.

Но тут на нее выскочило что-то зубасто-чешуйчато-щупальцевидное, громко завизжало, брызгая зеленой слюной. Девушка рефлекторно кинула в это что-то первым попавшимся под руку... собственно, Иревилем.

Пролетая мимо анрела, гэйл выпучил глаза, открыл рот, что-то заорал, и... его проглотили, булькнув напоследок.

— Иревиль! — вскрикнул анрел и рванул следом, но киборг успел поймать его и одновременно увернуться от очередного удара щупальцем.

Чудовище взвыло, окатило ее зловонным дыханием и рвануло вслед за удирающей с ненормальной скоростью фигуркой.

— Пусти! Я должен ему помочь!

Отрицательно машет головой, пытаюсь понять — как же включить режим боя. Душа создавала помехи, мешая четкой работе тела и кувыркаясь в груди...

Внезапно правую руку обожгло, анрел резко увеличился в размерах, став под два метра ростом, вырвался, сжал в руках длинный сверкающий меч и, распахнув широкие белоснежные крылья, рванул обратно.

Все заняло считанные мгновения, она даже не успела затормозить, а визжащее за спиной чудовище уже было изрублено на мелкие куски, среди которых копошился, стоя на коленях, анрел.

— Иревиль?!

Анрел сверкнул синими очами. Но тут руки его замерли и крайне осторожно достали из чего-то особо противного маленькую фигурку кашляющего и вздрагивающего всем телом

Иревиля.

Анрел прижал фигурку к груди, бережно сомкнул над ней крылья и мягко засветился белым светом.

— Ему же нельзя, — растерянно. Девушка.

А еще через минуту анрел вновь стал маленьким. И уже спаситель и спасенный сидели на полу среди ошметков нечисти, глядя друг на друга и улыбаясь — ну, точнее, улыбался только анрел. Гэйл же довольно усмехался, показывая другу большой палец.

Илия удивленно нахмурилась, сделала было шаг назад, но тут впереди снова что-то грохнуло и завизжало ну совсем невыносимо. А девушка почувствовала, как отнимается вся правая рука.

Пришлось, бросив этих двоих, рвануть вперед, спеша успеть туда, где ее явно ждало доброе дело.

ГЛАВА 3

"Доброе дело" предстало перед нею в виде отважно сражающегося с огромным страшным монстром вампира. Монстр имел вид высокой клыкастой женщины, постоянно визжащей и этой своей звуковой волной пробивающей стены, колонны, пол и все остальное. Вампир раз пять проткнул ее полупрозрачный балахон клинками — не помогло.

Киборг внимательно следил за ними, анализируя и пытаясь понять — как помочь, не навредив.

— Уходи отсюда! — рявкнул вампир, оголив клыки.

Заметил?

— Не уйду.

Закрыть глаза, сосредоточиться. В голове тут же начало что-то тихо щелкать.

Вампир поднырнул под привидение и с силой вонзил меч в левую ногу. Ногу не отдернули. На меч не обратили внимания. А вот второй ступней его с силой придавило к полу, после чего призрак опустил голову и открыл рот.

Сейчас, пока его не размазали криком.

Рвануть вперед, врезаться в ногу, которой привидение удерживает вампира. Нога сдвинулась, но не сильно. И все же... Сим как-то извернулся и выскочил из-под нее. Девушку же схватили за шею мощной полупрозрачной рукой и резко вздернули в воздух, рискуя эту самую шею переломить.

— Ты!!! — рычание.

После чего привидение открыло рот и громко, с силой, закричало, обрушивая на жертву смертельную тяжесть, вибрацию и страх...

В теле девушки что-то щелкнуло. Очень сильно и зло.

"Режим боя, — шепнуло сознание, — активирован".

И взбесившаяся жертва вырвалась из захвата, в прыжке врезала ногами в грудь монстру и, развернувшись, всадила в нее когти, располосовывая прозрачную ткань и вонзаясь в тоненькую маленькую ниточку, пульсирующую зеленым в глубине груди. Нитка лопнула с протяжным звоном. А Лию ударом мощной лапы сбило с ног, швырнуло в стену, пробив ее телом большую брешь. И дальше она полетела с огромной высоты далеко вниз — на камни мостовой.

Вампир вскочил и рванул следом. В последний момент успел схватить ее за руку и удержать страшно тяжелое тело. Даже для него — тяжелое.

А после девушку втащили внутрь, положили на пол и рухнули рядом, тяжело дыша и глядя на истаивающее в центре зала тело поверженного "заказа".

Работа была выполнена. Пора уходить. Но... он все же остался. Глядя на ее лицо и с трудом приходя в себя.

— Иревиля, отойди от тела!

— Не волнуйся. Ща все будет в ажуре.

- Где?
— Феофан, не мешай. Она же робот. У нее просто сдохла батарейка, ща подзаряжу.
— Чем? — напряженно.
— Этим! — с гордостью.
— А... что это за пластинки?
— Сейчас все поймешь. Ты, главное, не подходи. Разряд!

Молния шарахнула в тело девушки. Сидящий рядом вампир успел увидеть смазанное движение, после чего в него вонзились когти, двести двадцать вольт и визжащий Иревиль, которого он не заметил.

Далее все отключились. Кроме духов.

— Иревиль?

Тишина.

— Иревиль, ты там живой?

Стон, из подмышки девушки выбирается что-то мелкое, дымящееся и посверкивающее.

— Ну и как, — со вздохом, — зарядил?

— Что-то пошло не так, — устало. Садясь на ее плечо и свешивая ножки вниз.

Он грустно посмотрел на придавленного телом хозяйки широко раскрывшего глаза и все еще дергающегося в конвульсиях вампира.

— А ты, кстати, не в курсе, как вампиры к электричеству относятся?

Анрел пожал плечами, грустно вздохнул и тоже перелетел на плечо, сев рядом с взъерошенным другом.

— Еще идеи будут?

— Да, — мрачно.

— Какие? — осторожно.

— Я что-то не то зарядил. Надо попробовать в других местах.

Оба смотрят на вампира.

— Он не выдержит, а оттащить мы ее не сможем, — глубокомысленно.

— На войне как на войне, — пожал плечами черный. За что получил по уху. — Ай!

— Моя очередь. Я ее оживлю.

Черный только фыркнул и спрыгнул на пол, благоразумно отходя подальше: методы лечения анрела он недолюбливал и лишний раз быть благословленным не хотел.

Феофан же встал, поднял вверх лицо и начал светиться мягким белым светом. Иревиль присвистнул и залюбовался другом. Анрел, не отвлекаясь, воздел руки вверх, что-то прокричал тоненьким голоском, и... небо расчистилось, вниз скользнул белый луч света, осветил сквозь пролом в стене тела вампира и девушки и... мягко завибрировал в такт молитвы анрела.

Черный еще подумал: что же чувствуют вампиры, которых и благословляют, и отмаливают, и поливают солнечным светом одновременно? А взывший, сгорающий заживо Сим уже вырвался из-под Илии и в данный момент носился по залу, не приходя в себя и заходясь в крике.

Иревиль укоризненно посмотрел на замершего анрелочка. Тот ошарашенно следил за вампиром, запоздало понимая, что натворил.

К счастью, Сим догадался упасть, прокатиться по полу, гася пламя, и даже умудрился одной рукой вытащить из-за пазухи какой-то бутылек, отпивая из него и восстанавливаясь буквально на глазах. На так и не пришедшую в сознание девушку он смотрел почти с ужасом, сжимая в другой руке меч и явно размышляя на тему: а не она ли виновата?

— У меня больше нет идей, — грустно вздохнул анрел и сел на плечо Илии.

— А вот сейчас он ее прирежет, и у нас не будет еще и хозяйки, — мрачно просветил его черный.

Феофан взволнованно оглянулся и ошарашенно уставился на приближающегося к девушке с мечом в руке вампира. Смотрел он исключительно на Илию, и лицо его намекало на моря крови.

— Нервный какой-то попался, — вздохнул Иревиль и, щелкнув пальцами, пронзил тело подкрадывающегося Сима сразу тремя внушительными молниями.

Анрел, в свою очередь, успел спеленать тело вампира оковами еще до того, как оно рухнуло на пол.

Феф и Иревиль переглянулись и довольно улыгнулись друг другу.

— Знай наших! — с гордостью кивнул гэйл и подошел к Илии. После чего задумчиво ее попинал и уныло сел на пол.

— А теперь что? — любопытствовали сверху.

— Ждать! А вдруг она на солнечных батарейках? Вот подзарядится, тогда и пойдем.

Небо снова заволокло тучами, хлынул дождь.

Двое маленьких духов угрюмо за ним наблюдали, думая каждый о своем.

А хозяйка все никак не хотела приходить в себя.

Вампир зашевелился и сел. Задумчиво посмотрел на лежащую в позе звезды девушку, приложил руку ко лбу, застонал. Духи с интересом за ним наблюдали. После этих глубокомысленных действий парень подошел по синусоиде к Илии, склонился над ней и осторожно потеревил за руку. Реакция — ноль.

Тогда, выругавшись, он попытался поднять ее на руки. Раздался натужный стон, а затем грохот двух упавших тел.

— Киборг — это вам не хухры-мухры, — глубокомысленно изрек Рёва.

Феф покивал, уже сидя неподалеку на полу.

Сим вяло зашевелился и громко в голос выругался, проклиная все и вся. Анрел нахмурился, гэйл усмехнулся. Парень вылез из-под девушки и подошел к пролому в стене. Высунувшись наружу, он огляделся, сел на корточки и зачерпнул руками воду из ямки в камне. Потом встал и, подойдя к Лии, плеснул ей на лицо.

Все замерли.

Киборг вздрогнул, ресницы затрепетали, глаза осторожно приоткрылись. Хмурясь, парень склонился над девушкой и хотел что-то сказать, но тут ее веки распахнулись, из-под них полыхнуло алым, и два лазерных луча выжгли прямые борозды в шевелюре вампира. Вампир так и остался стоять с открытым ртом и вытаращенными глазами. Иревиль же восхищенно присвистнул и подмигнул насупившемуся анрелу.

— Сим? — тихо. Удивленно. С пола.

— А?

— Ты дымишься, — серьезно.

— Ну...

Девушка села, потом встала. Глаза ее уже снова были светло-кариими, а выражение лица — задумчивым.

— Что произошло? С монстром.

— Ты его победила, — снова пряча кинжал в ножны и на всякий случай отходя назад.

— Это хорошо? — поворачиваясь к анрелочку и внимательно на него глядя.

Сим проследил за направлением ее взгляда, но никого на полу не заметил.

— Ну. В общем и целом да.

Анрелочек тоже успокаивающе кивал. Гэйл показывал большой палец, из его глаз выстреливали лазерные лучи, что ему явно сильно нравилось.

— Я... рада. Наверное.

— Слушай, мне вообще некогда тут расслаживаться. Короче, спасибо за все и... пока!

Огромные печальные глаза поразили вампирадо глубины души.

— Я тебе надоела, — медленно.

— Э-э-э-э... нет, — брякнул он, отступая на шаг назад.

— Хочешь... меня поцеловать?

Иревиль хихикнул на полу. Анрелочек стоял с отвисшей челюстью и ужасом в глазах.

— Ну... спасибо, конечно, но ты... несколько не в моем вкусе.

— Но спасенные принцессы всегда целовали своих спасителей в сказках. Я читала.

Кажется. — Хмурясь и проводя ладонью по неровному ежику волос на макушке.

Память о двух прошлых жизнях медленно восстанавливалась. Жизни киборга и человека сплетались между собой, приводя к полному бардаку в голове. И все же... что-то она уже помнила.

— А ты принцесса? — тут же насторожился вампир, резко передумав сматываться.

— Нет, — улыбнувшись. — Я — киборг.

— ...кто?

— Киборг! Могу вот так.

Лия подошла к колонне, резко ударила по ней кулаком и выбила впечатляющих размеров осколок, рухнувший на пол и оставивший на нем нехилую вмятину. Симу стало жарко, он заторопился домой.

— Ну... молодец. Хорошая девочка! Мне пора, меня ждут.

После чего рванул по коридору с фирменной скоростью удирающего вампира. Стены сливались в единое смазанное пятно, ветер бил кинжалом в лицо, но он все равно умудрился усмехнуться.

— А КУДА БЕЖИМ-ТО?!!

Парень повернул голову и с ужасом уставился на ничуть не отставшую девушку, бегущую рядом и пытающуюся ему улыбаться.

Нечистик и анрел в это время висели на ее плечах, трепеща на ветру и громко голоса от перегрузок.

— Так. Стоп!

Зря отвлекся — не вписался в поворот и влетел в дверь, выбил ее собой и рухнул на пол, пробороздив его носом, курткой и новыми штанами. Теперь еще и дырявыми.

— Ты как? — Она говорила настолько ровно и спокойно, словно и не гнала сейчас с бешеной скоростью вслед за чистокровным вампиром.

Сим застонал, кое-как сел и крайне угрюмо уставился на девушку.

— Ты маг?

— Я киборг... с душой.

— Но ведь умеешь колдовать. Молнии там всякие, скорость, сила, эти жуткие глаза...

— Че он сказал? — набычился гэйл. — У кого там глаза жуткие? Ща я ему такие фонари нарисую, что будет светить и радоваться!

— Рёва, не надо, это друг! — воззвал анрел, восседающий на макушке девушки и пытающийся отдышаться, — Не порть девочке знакомство, ей обязательно нужны друзья.

— А мы чего — не друзья? — тут же надулся Иревиль, но руки в карманы сунул.

— Это не колдовство, это... ну вот смотри.

Рука девушки щелкнула, резко вытянулась, утолщилась, формируя дуло, направленное вперед и вверх.

— Гм... ну, это круто. А что это та...

Плазменный заряд с воем и ревом вырвался на свободу, пронесся мимо виска вампира и врезался в стену далеко позади него.

От грохота заложило уши. Осколки камней пронзили парня буквально всего. Его подхватило и выбросило из зала обратно через остатки многострадальной двери. Стена и еще пара-тройка за нею были уничтожены, а дворец начал с ревом и грохотом оседать набок.

— Бежим, — пискнул держащийся за сердце гэйл, охреневающий от масштабов повреждений.

— Сима, Сима возьми! — надрывался мельтешащий перед носом девушки анрел. — Нам друг нуже-э-эн!!!

Лия кивнула, прыгнула в коридор, подняла на руки обмякшее тело вампира, подбежала к ближайшему окну и выпрыгнула наружу. С четвертого этажа. Из рушащегося здания дворца.

— МАМА, И ЕЕ НАМ НАДО ВОСПИТЫВАТЬ?!

— Держись! Держи-ись!!!

А потом все накрыло волной пыли, камней и грохота.

ГЛАВА 4

Вампир устало постучал в дверь родной конторы. Он почти висел на плече девушки, ноги слушались плохо. Лил дождь, сверкали молнии. И Симу в данный момент было более чем паршиво.

Нахохлившиеся анрел и гэйл, лежащие на плече девушки и укрытые краем ее плаща, с интересом разглядывали большое каменное здание. В нем было четыре этажа, на двери висела довольно старая деревянная вывеска с нечетким названием "Нечисть и Ко", выведенным черной краской. Серый унылый фасад, лишь слегка скрашенный неуверенными листиками ползучих растений, проглядывающих тут и там, вызывал зевоту.

Тишина в доме. Во всех окнах темно и пусто. Открывать им явно не спешили.

— Маг! — рявкнул вампир, — Эдо! Крут! Это я, Сим! Откройте, гримр вас подери!!!

Тишина. Ни звука. Сим выругался и начал с силой дергать за веревку колокольчика, прибитого над дверью. В итоге веревка оторвалась вместе с колокольчиком и повисла в руке угрюмо рассматривающего ее вампира.

— Гм... — сообщил он, стараясь не смотреть на девушку, которая чуть ли не на руках дотащила его досюда.

И это при такой-то погоде — ну, короче...

Лия осторожно перекинула его руку обратно через шею и усадила зашипевшего сквозь зубы вампира на ступени под козырек.

— Твои друзья точно там? — Тон спокойный. Изучала вывеску.

— А где им еще быть? — мрачно. — Стопудово дрых...

Девушка рывком отодрала вывеску, замахнулась и врезала ею по двери. Грохот, щепки, рухнувшая внутрь дверь и худой человек в тапочках и ночнушке, сжимавший свечу и удивленно на нее смотревший.

— Здравствуйте, — кивнула девушка, подхватила застонавшего вампира на руки и внесла его в дом, предварительно долбанув головой и ногами о косяк.

Человек неуверенно кивнул, сжал ключи и сделал шаг назад.

— ...Варгана! — выругался вампир. — Привет, маг. Знакомься — это Иля. Наша новая работница. Сил немерено, да еще и колдует так, что лично я чуть не помер.

Анрелочек и гэйл тут же вылезли из-под плаща и метнулись к камину. Гэйл дунул огненным дыханием и поджег дрова всего за секунду. Все вздрогнули и обернулись. Анрел тут же сел на каминную решетку, снимая мокрый балахон и протягивая к огню посиневшие от холода ноги.

— Это не я, — растерянно сообщил старик.

— Я ж говорю, она — магичка, — кивнул Сим и со стоном улегся прямо на стол, на который его перед этим и посадили.

— Что с тобой? — Маг подбежал к вампиру.

Увидел жуткие раны и тут же начал суетиться, одновременно зажигая магическими светлячками свет, левитируя из лаборатории в подполе какие-то колбочки и громко сетуя на безголовость одного очень непоседливого вампира.

Девушка же отошла к камину, скинула накидку, платье, рубашку и... поняла, что позади нее оборвались стенания, а анрел делает какие-то странные знаки руками.

— Э-э-э-э... милая, — откашлялся маг, стараясь не глядеть на девушку.

— Да?

— Ты... а впрочем, ладно. Держи и укутайся хорошенько.

К ней по воздуху пролетело теплое махровое покрывало, до этого лежавшее на одном из стоящих у окна кресел. Девушка радостно в него закуталась и даже робко улыбнулась.

— Раздеваться можно только в одиночестве! — просветил ее Феофан с чугунной решетки.

— Почему? — озадаченно.

— Потом покажу, — заверил ее Иревиль, начисто игнорируя гневные взгляды анрела.

Так они и сидели у камина, грелись и ждали, пока маг вылечит стонущего на столе вампира.

А потом девушка уснула, свернувшись клубочком, чувствуя тепло огня. И последнее, что она запомнила, — все ее пальцы снова гнулись.

Рассвет. Угли давно остыли. Она лежит на толстой шкуре у камина и теперь вспоминает — кто она и как сюда попала.

— Феофан?

Из-под края пледа вылез встрепанный и сонный анрел, сжимающий в руках тунику и широко зевающий. Гэйла она обнаружила на своем животе. Он сладко спал, не реагируя на внешние раздражители.

— Вставайте, девушка, — раздался позади нее бодрый голос. — Мы не смогли перенести вас в кровать, но уж завтрак приготовить сумели вполне. Так что он вас ждет...

— Кто — вы?

Сонно потянулась, села, глядя на невысокого щуплого старичка. Кажется, его звали...

— Я — маг. Позвольте представиться еще раз. — Ей мягко улыбнулись. — А вы находитесь в конторе "Нечисть и Ко". Надеюсь, помните? — Он скорбно указал на две половинки двери, кое-как прислоненные к выходу.

— Ну... да, — кивнула, опять сонно потягиваясь.

Душа все более уверенно располагалась в выданном ей теле. И теперь, когда прямая опасность больше не угрожала, с любопытством высовывала свой нос, пытаясь действовать и реагировать как обычно. Механическое холодное сознание киборга послушно затихало в глубинах разума, не мешая и временно передавая контроль над телом своей "хозяйке".

— А что на обед?

— Ну... скорее, еще завтрак. Сейчас довольно раннее утро. Хотя все в этом доме едят когда им вздумается и вечно пропадают по своим делам.

— А вы...

— А я — маг, лекарь, подспорье в самых сложных делах. Но обычно меня оставляют здесь, дабы не утруждать старый организм великими деяниями. Да, если поторопишься — застанешь Эдо. Он элв. И притом недурен собой. Что тебе наверняка будет небезынтересно.

Она кивнула и стремительно пошла на кухню.

Маг только улыбнулся, глядя вслед девушке.

Влетаю на кухню — и замираю.

Элв... красив — не то слово. Высокий, стройный. С острыми ушками, с длинными пушистыми ресницами и высокими скулами...

— ...здравствуйте.

На меня глянули чуть раскосые, полные раскаленного золота глаза. Тонкие губы изогнулись в едва заметной полуулыбке, после чего он продолжил пить чай из изящной кружечки, вновь отвернувшись к окну.

— Я — Илия, — с какой-то непонятной гордостью. Запоздало вспоминаю — что именно означает мое имя.

Элв вновь повернулся ко мне, глядя уже с состраданием.

— Точнее, Бура, — хмуро.

Имя Илия меня привлекало больше, но тут уж ничего не поделаешь.

Он снова отвернулся, не удостоив и словом.

Я вздохнула, выдохнула и с улыбкой продолжила, ибо поболтать с ним внезапно стало чуть ли не целью моей жизни:

— А ты красивый.

Ноль эмоций.

— И затылок красивый. Волосы белые, мягкие — мне бы такие...

Кончик изящного ушка чуть дернулся. Видимо, и здесь знали, что такое вши. Или же

был некий их аналог.

— Явно — мылся недавно. Пахнешь... приятно. — Шумно вдыхаю и выдыхаю, склонившись над его макушкой и пытаюсь понять, куда меня несет.

Это нервное, а также мой старый личный способ пробиться сквозь стены равнодушия и холода людей... хотя он вроде бы и не человек вовсе.

— Отойди. — Голос дивный, мягкий и такой приятный — прокатывается серебристыми пузырьками по нервам, еще долго отзываясь нотками сожаления в моей душе...

Хм.

— А почему у тебя кожа желтая? Болел? — Лукавлю, кожа, скорее, медовая и очень красивая. А как идет к его глазам...

— Послушай, — тихо. Напряженно, — Я хочу допить свой чай в одиночестве. Так что не могла бы ты...

— Ладно, если я тебе как шило в... горле — я просто быстро перекушу и уйду.

Морщится, кивает.

— Только побыстрее.

Киваю, сажусь, радостно глядя на плюшки с вареньем и горячую бурду, которую мне проще назвать чаем. Начинаю есть, немного чавкая (никак не привыкну к новым челюстям — ими стать можно жевать, боюсь прикусить щеки). Сербаю чай из кружечки, по полкружки за глоток, довольно быстро опустошаю чайник.

На меня уже смотрят в упор, не мигая и сжимая ручку своей чашки так, что, к примеру, у меня она бы уже давно отломилась. Улыбаюсь и смущенно снова сую в рот булочку. Очень вкусно. Честно...

А еще минут через пять — довольная — встаю наконец-то из-за стола и, подмигнув застывшему элву, выхожу с кухни, громко хлопнув за собой дверью.

За дверью тихо выругались на странном наречии, после чего все стихло.

Пять минут спустя (по внутренним часам): смотрю с улицы в окно кухни и радостно улыбаюсь все еще сидящему за столом элву, как раз отпивающему очередной глоток чая. Киваю ему, машу рукой, наблюдаю.

Красивый.

Элв медленно встал, демонстративно отвернулся, поставив со стуком чашку на стол, и элегантно вышел из кухни. Бегу в дом. Мне он... любопытен.

А на левом плече — подзуживает Иревиль, убеждая, что, как говорил некий Феофан, мне в этом мире срочно нужны друзья и этот явно подойдет. Анрел же где-то пропал, сказав, что по делам. Хм...

Элв как раз поднимался по ступеням широкой старинной лестницы наверх, о чем-то сильно задумавшись. Я остановилась и неуверенно подумала, что ему, может быть, не до меня. И вообще у парня явно куча проблем, а тут еще я со своей дружбой лезу.

— Ну да, ну да... а ты реши его проблемы, — предложили слева, — У тебя теперь суперсила и мегамощь.

— Не все решает сила.

— И крутые мозги... целый процессор.

— Я не умею ими пользоваться.

— Да?.. Это проблема. Хотя... большинство девушек не умеют пользоваться мозгом...

Со вздохом затыкаю гэйлу рот, шагая вслед за элвом и не обращая внимания на возмущенный писк.

— Эдо!

— Что? — напряженно. Продолжая подниматься.

— Я... я хочу подружиться. А у тебя явно страшные проблемы... нет, если просто что-то болит — скажи, я отстану.

Элв остановился, медленно повернулся ко мне и прожег меня взглядом, полным такого количества презрения и унижения, что даже я поняла... проблемы есть.

— Болит?

— Нет.

— А чего тогда столько чашек выпил?

— Мисс Бура, не могли бы вы оставить меня...

— Я же вижу — тебе плохо, — гнула я свою линию.

Глаз элва дернулся.

— А я помогу. Я очень сильная... да и просто выслушаю, если надо. Просто попробуй...

— Мое терпение не безгранично, — все еще вежливо сообщил элв. — И если вы...

— Ты. Можно на "ты". Я же тыкаю. — Бровь дернулась еще раз. — Ну так что? Девушка бросила? Денег нет? Или просто кто-то нахамил, залез в душу и прошелся грязными сапогами? — цитирую слова сидящего на плече Ирвиля, нашептывающего их мне на ухо.

Внезапно он вздохнул, прикрыл глаза и тихо заговорил. Я даже осеклась от того, как резко и начисто исчезли вся агрессия и неприятие из голоса. Остались только безысходность и спокойствие.

— Через три дня это заведение закрывается. У нас нечем заплатить Совету Теней, и контракт будет расторгнут. Так что все сейчас работают только на то, чтобы добыть денег. Но... такую сумму собрать мы просто не сможем. Вы понимаете?

Осторожно киваю.

— А потому, если вам совершенно нечего делать, мисс, я советую спуститься вниз и просто наслаждаться последними днями в тепле и уюте этого дома. Потом, как и мы все, вы станете бездомной и безработной. А в городе Теней это равносильно смерти.

— Почему?

Элв нахмурился.

— Откуда вы?

— Из... издалека... наверное. Я мало что помню вплоть до вчерашнего вечера.

— Хм... что ж, тогда я объясню. Каждый, кто живет в городе, обязан работать и платить налог. Каждый месяц определенная сумма изымается из банковского хранилища жителя. И в случае, если положенной суммы там не окажется, человек, элв или любое другое существо... просто исчезает. Его заберут Тени. Куда и зачем — никто не знает. Но все работают и стараются заработать денег к сроку любыми законными методами.

— И если вам все понятно, миледи, то я прошу оставить меня в покое и дать наконец побыть в одиночестве, дабы обдумать, что можно еще сделать в наших условиях.

— А какой долг? Ну... сколько нужно денег?

— Тысяча пятьсот шестьдесят семь риз. Это золотые монеты, если вы и этого не помните.

— Это много?

— Очень, — раздался голос за моей спиной.

Обернувшись, я увидела приземистого крепкого парня с широкими плечами, коричневой кожей и острым пронзительным взглядом черных глаз.

— И сейчас все работают только для того, чтобы найти эти деньги.

— Но... я не понимаю. Почему надо заплатить сумму, которую агентство собрать не в состоянии. Вы новички?

— Мы не новички, — усмехнулся гном, поднимаясь ко мне. Элв, воспользовавшись моментом, уже вновь поднимался вверх, скорее всего в свою комнату, — но в последнее время нам сильно не везло, пришлось потратиться кое на что, и... вот мы стоим перед выбором: покинуть город послезавтра или же продолжать искать заказы.

Он остановился напротив, с интересом изучая меня и даже и не думая улыбаться.

Для них всех все было очень серьезно... И чем тут я могу помочь? Ведь, если помогу, это будет доброе дело?

— А есть заказ на нужную сумму и чтобы в сроки уложиться?

— Есть один. — К нам уже поднимался маг, — Кстати, этот молодой человек — Крут. Из расы гномов, если ты не поняла.

— Бура, — протянула я руку.

Ее пожали. Сначала легко, потом крепче, еще крепче, еще... уважительно цокнув языком. Я в ответ сжала его кисть так, что разом хрустнули все пальцы, а парень со стоном рухнул вниз, преклонив одно колено, хватая ртом воздух и пытаясь не заорать в голос.

— ...простите.

Руку я отпустила. Маг в шоке рассмотрел быстро опухающую кисть, после чего нас обоих потащили вниз. Крута — лечить, а меня... я за компанию увязалась.

— Моя рука... — стонал гном. — Как я на дело пойду?

— Я не знала, что ты такой хилый, — хмурясь.

Ошарашенный взгляд.

— Какой я? — с угрозой.

— Вторую руку дашь?

От меня отвернулись, сжав зубы и пытаясь не орать, пока маг накладывал мазь. Но вот когда старичок достал огромный шприц с толстенной иглой и радостно повернулся с ним к гному... даже мне стало жаль бедолагу.

— Это чего? — угрюмо.

— Шприц! — с ласковой улыбкой.

— Не надо мне никаких уколов. Само...

— Само-то само, дорогой мой, а вот с инъекцией — уже через час будешь как новенький.

Гнома перекосило, он почему-то посмотрел на меня.

— А куда надо его воткнуть? — мне было любопытно.

— В зад, конечно... не в руку же, — улыбнулся врач, обходя гнома с тыла.

Взволнованный парень вскочил и сделал шаг назад.

— А что... — храбрясь, — иголки поменьше не было?

— Ну... можно попробовать и без укола. — Маг поправил очки, продолжая подкрадываться к паникующей жертве.

— Да? — радостно.

— Но клизма получится литра на два.

— Да?! — с ужасом.

Я присела на край стола, с интересом наблюдая за происходящим.

— Маг! — рычание.

— Что?

— Не приближайся, хуже будет.

Маг огорченно остановился и повернулся ко мне:

— Ну и что мне с ним делать? Чисто дитё малое.

Я покосилась на уже минут пять набивающегося со своей помощью гэйла и поманила пальцем врача.

Шептались мы с ним довольно долго... но в итоге шприц хоть и с недоверием, но отдали. Я же под пристальным взглядом гнома тут же его спрятала за спину и зачем-то ему помахала.

— Ла-адно. Тогда порошки, — жестко сообщил маг.

Мы все спустились в его подвальную лабораторию. Здесь было тесно, пыльно. В небольшом очажке пылало синее пламя, посреди комнаты стоял большой деревянный стол, рядом стул. А по краям теснилась куча сундуков и шкафов со всякой разностью. В противоположном от очага углу располагались ведущие наверх, в зал, каменные ступени.

И, пока гном отходил от шока и даже рискнул помочь магу в поисках неизвестной дряни, я отдала шприц в руки Иревилю.

Лицо гэйла так и просияло счастьем и весельем. Он с натугой поднялся в воздух, чуть не выронил тяжелый предмет и, спрыгнув с плеча, по пьяной синусоиде полетел к стоящему

к нему спиной гному, целясь тому в пятую точку и распевая боевую песню:

Погибли наших сотни!
Не дрогнет копье в рука-ах!
Но мы победим сегодня!
Поселим в их душах стра-ах!
Вонзим наши копья смело!
И им поразим усе!
Боец я ужасно смелый!
Хоть мал, но могу еще!!!

Услышав конец строки, гном, будто что-то почуяв, неожиданно выпрямился и резко обернулся. Шприц резко мотнулся вбок и, описав дугу, завис за его спиной. Гном пробуравил меня взглядом, маг же с интересом косился на шприц, склонившись над сундуком и продолжая в нем копать.

— А где шприц? — подозрительно и немного нервно.

Гном шел на меня, игла мотылялась позади, прицеливаясь.

— Потеряла, — с улыбкой.

— Да? — напряженно.

Он наконец-то остановился. Шприц тоже завис где-то на уровне чуть ниже поясницы и немного отлетел назад.

Разгоняется, сообразила я.

— А... как у вас дела? — глупо. Знаю.

— Дела?

— Погода сегодня чудесная, — продолжала я, не отводя взгляда от шприца.

Маг тоже следил за ним, затаив дыхание.

— Ну...

И тут Иревиль с громким боевым кличем бросился вперед. Шприц с гудением пронзил воздух, смачно вонзился в ягодицу гнома, за секунду влил все содержимое внутрь, треснул, превращаясь в смятую гармошку, и завис, медленно покачиваясь из стороны в сторону — в такт судорожно дергающейся ягодице.

— Есть! — рявкнул гэйл, сияя счастливой улыбкой.

Гном не реагировал, застыв с выпученными глазами и зачем-то разведенными в стороны руками...

Потом он очень тихо и испуганно сказал: "Грымр" — и осторожно обернулся, глядя на внушительный пузырь, моментально вспухший под кожей, и на гнутый шприц, повисший на вошедшей до самой кости погнувшейся иголке.

— Гм... кажется... укол частично вошел... в кость. Что не так уж страшно, — задумчиво сообщил маг. — Можете вынуть иглу, голубчик?

Гном тихо взвыл, прикоснулся к шприцу и взвыл громче.

— Явно поражена кость... ему обязательно должно быть больно, — кивнул маг.

— Блин, как дети малые! — фыркнул Рёва и с силой выдернул шприц, упершись для верности в ягодицу ногами и отчаянно маша крыльями.

Гном заорал и рухнул на пол, теряя сознание и прижимая руку к месту атаки.

Я посмотрела на разглядывающего окровавленный шприц гэйла. Тот только восхищенно цокал языком, вертя шприц в руках и улыбаясь, как ребенок.

Но тут сверху из люка в подвал впорхнуло что-то белое, чистое и радостное. Увидело "труп" гнома, а также зависшего с окровавленным "орудием пыток" Рёву и наши с магом задумчивые физиономии, ахнуло и налетело на гэйла, требуя подробностей и угрожая придушить нимбом.

— Иревиль!

— А?

— Тебя вообще оставить нельзя и на полчаса? Ты кого убил?
— Да не убивал я! Смотри, кровь... красиво?
— Очень, — хмуро, — Ты извини, но я так это оставить не могу.
— А?
— Благословение свыше!
— А-а-а-а-а-а-а-а-а!!!
— Прости, Рёва, но я не позволю тебе превратиться в садиста со стажем. По крайней мере пока я рядом.
Дымящаяся фигурка гэйла красиво раскинулась на полу, дергая ножкой.
— Это... я его попросила.
Синие глаза анрелочка гневно метнулись ко мне. Я вздрогнула, сама не понимая, чего боюсь.
— Так это ты подбила его на злодеяние? Он же еще маленький... совсем не ведает, что творит!
— Фефа... — простили снизу. — Мы укол делали. Благое дело, блин.
— Не ругайся, — нахмурился анрел. — Это правда? — уже ко мне.
— Ну... да. И никакое это не оружие, а просто шприц. Мы гному руку лечили.
Анрел внимательно осмотрел погнутый и искореженный шприц, коснулся его ладонью, вздохнул и неуверенно кивнул.
— Наверное, я... погорячился. Прошу меня простить.
— Да какие проблемы, — уже стоя на карачках, кашляющий Иревиль. — Все свои, все все понимают. Я вон тоже, если б вернулся, а ты бы летал с бензопилой, кроша всех в фарш, немного... испугался.
Анрел благодарно улыбнулся и подбежал к Иревилю, подавая руку:
— Спасибо, — смущенно.
— Ой... ты хоть знаешь, откуда это слово произошло? Меня спасать не надо, тем более так.
— Ну... тогда благодарю.
Нечистик довольно заулыбался.
— Мы ж почти братья. Чего уж там.
Я улыбнулась, размышляя: прижать их к себе сейчас или же пока не стоит. Но тут на полу зашевелился гном, и пришлось отвлечься. Что-то мне подсказывало, что надо было срочно уходить, пока не отомстили за новейшие технологии лечения. А судя по виду поднимающегося с пола гнома, "благодарить" меня будут долго и сердечно.

ГЛАВА 5

— Сим!!!
Вампир шарахнулся обратно, не успев войти в дом.
— Че? — испуганно и нервно.
— Я... я так рада, что ты вернулся!
— Да? Я ненадолго... кое-что захватить. А что случилось?
— Ну я хотела спросить о заказе, который решил бы все финансовые проблемы.
— Наши?
— Я теперь часть команды, — с улыбкой.
— Поздравляю, — мрачно.
Он уже взбегал по лестнице на второй этаж, явно не сторяя от желания со мной общаться. Толстый мягкий ковер, покрывающий ступени, радовал довольно спокойным рисунком и сочетанием золотистых, зеленых и бордовых цветов. Стены, выкрашенные в нейтральный бежевый, украшали портреты каких-то людей, гномов и элфов. (Была там и парочка магов в балахонах.) А между ними висели пылающие теплым желтым светом зажженные магом подсвечники.

Уютно.

— Сим.

Но передо мной ловко захлопнули деревянную дверь на первом же лестничном пролете. Поразмыслив, я поняла, что лестница, переходящая в винтовую выше первого этажа и сильно кто муже сужающаяся, вела не столько на этажи, сколько... скорее, в квартиры, что ли, каждая из которых занимала целый блок и начиналась и заканчивалась высокой дверью на одном из пролетов этой лестничной спирали.

Дверь я толкнула. Но было заперто.

Тогда я постучала.

— Какие-то проблемы? — На плечо сел Иревиль и радостно продемонстрировал перебинтованную руку.

Несчастный анрел топтался рядом, с опасением на нее глядя.

— Очень больно? — Феф.

— Не парься, хотя, конечно, приятного было мало, — многозначительно.

— Подлечить?

— Не надо! Сама заживет, — гордо.

— Нет, я так не могу. Меня терзают муки совести, — переживал ерзающий на плече Феофан.

Гэйл довольно улыбался, поглядывая на анрелочка и явно им любуясь.

— А если так? — ему под нос сунули какую-то мелкую белую конфетку.

— Это чего? — с подозрением.

— Новейший продукт, — приободрился анрел, — называется: "Раз, и все!"

Я хмыкнула. Гэйл сморщился и отодвинул от лица ценный продукт.

— Я, пожалуй, еще поживу. Спасибо.

Анрел удивленно посмотрел на него, потом на конфету и тяжело вздохнул.

— Да, наверное, ты прав... хоть они и изобретались для людей и прочих существ, но все же изобретались анрелами. Прости.

Дух отвернулся, прикусив губу и опустив голову. Челка скрыла выражение дивных глаз. Иревиль забеспокоился.

— Эй, эй. Феф, ты чего? Ты чего, из-за меня? Да давай сюда свою конфе...

Конфету мгновенно протянули на ладони, сияя улыбкой так ярко, что я бы на месте Ревы и мышьяк сожрала.

Нечистик явно рассуждал похоже, а потому с максимально счастливым видом сунул в рот конфетку, с хрустом ее раскусил и замер.

Мы с Фефом с любопытством за ним наблюдали.

— Что чувствуешь? — не выдержала я.

— Э-э-э-э... рука вроде бы... не болит.

Бинт размотали. И впрямь как новая.

Анрел радостно смотрел на Рёву, чуть ли не прыгая от счастья.

— Ну вот и хорошо, — кивнула я.

Но тут у гэйла резко отвалились рога, хвост и клыки. Он замер, испуганно глядя на выпавшие и теперь лежащие на ладони зубы.

— Фе-фа, — осторожно протянул он.

— Побочный эффект! — уверил его анрел.

Дальше — больше. Над головой вдруг засиял нимб. Крылья покрылись перьями, втянулись когти. Кожа белела на глазах.

— Мама! — истериковал гэйл, шупая нимб и тут же дуя на обожженные пальцы, — Это я чего... теперь анрелочком буду?

— Какой странный эффект. Ну-ка, съешь это!

— Чего это? — с недоверием. Пытаясь отодрать нимб от макушки.

— Антидот, — растерянно сообщил Феф.

Таблетку тут же сунули в рот, потребовали еще. Больше не было. Пробный образец.

Бледный Иревиль цветисто выругался в ответ на эту информацию — быть подопытным кроликом ему явно не нравилось.

— Ну как?

Следим за гэйлом.

— Зад чешется.

— Хвост? — обрадованно. Феф.

— Не знаю... что получится.

Я закашлялась, анрел завис, пытаюсь сообразить — какие могут быть варианты.

— Хвост! Мой хвостик! Мой родимый хвостик! Ну Феф, если бы не... о, и нимб отвалился. И рога растут, расту-ут! Ура.

С крыльев также опало оперение, а кожа снова потемнела...

Счастливый Иревиль бурно обрадовался, после чего на пробу сотворил фаербол, прицелился и шандарахнул по двери комнаты, с гордостью глядя на застывшего в глубине квартиры, как раз идущего в ванную полуголого Сима. На голове его была шапочка, в руках — резиновый утенок, полотенце сползало с бедер. Смотрел он крайне изумленно, изо рта высовывалась ручка зубной щетки.

— Э-э-э-э... не помешала? — с улыбкой.

Анрел закрыл гэйлу глаза, зажмуриваясь сам.

Сим все пытался что-то сказать. Но тут взглянул на себя, покраснел, что-то прорычал и резко рванул в ванную, хлопнув за собой дверь.

— Я тебя тут подожду! — крикнула я вдогонку.

Кажется, меня эмоционально и далеко послали. Но я все равно вошла, окинула взглядом убранство довольно большой комнаты и села на диванчик, поджав ноги и с любопытством оглядываясь по сторонам.

— А что тут произошло? — В комнату заглянул маг, удивленно рассматривая то, что осталось от двери.

— А где Крут? — надеюсь, он все еще без сознания или привязан к кровати... больным нужен покой.

— Где-то бегают, тебя ищет.

— Да? — нерадостно.

Нечистик захихикал, анрел показал ему кулак.

— Но, судя по тому, как бегают, — он полностью излечился. Это плюс, — с улыбкой.

Я уныло покивала, но тут же приободрилась и, указав магу на другой край дивана, пригласила его войти.

— Хм... вообще-то мы обычно не ходим друг к другу без приглашения... — засомневался старичок, но уже уверенно прошел в комнату и послушно сел неподалеку.

— Расскажите о задании, — жалобно. — Пожалуйста.

— Да это не тайна, — пожал он плечами, — Совет Теней отдаст полторы тысячи риз и гарантирует полное освобождение от налогов навсегда тому, кто победит на следующем турнире нечисти.

— Хм... и что это за турнир?

— Да обычный турнир, в котором, как и всегда, победит слуга Теней и оставит с носом кучу горожан. Погибнут многие, но желающие поглазеть на турнир заплатят хорошую цену за места. Так что и польза: уничтожение слишком сильных выскочек, рискнувших бросить вызов Теням. И веселье для народа, что опять же приглушит недовольство и успокоит массы.

— А... как можно записаться?

— Я понимаю, — грустно кивнул маг, глядя на меня добрыми глазами старого человека. В комнату сквозь большое, в полстены, окно проникал лишь мрак забранного пеленой облаков неба, и стучали о стекло редкие капли сонного дождя, — Ты молода и сильна. И даже очень сильна. Но против Теней... словом, тебе не выиграть. Ты пока еще совсем ничего не знаешь и явно чужачка. Мой тебе совет, девочка, не суйся, куда не следует, ибо...

— А почему нет? — напряженно, — Если проиграю — и вам забот меньше. А выиграю — всем польза.

— Если проиграешь — восстановишь против нашего агентства весь Совет разом. И сбежать из города никому уже не удастся.

Я повернула голову. В проеме, опираясь сильными ногами на лежащую на полу дверь, стоял Крут и внимательно смотрел на меня.

— Ты... как в целом? — пискнула я.

— Охрененно, — просветил меня гном и вошел внутрь.

— Я так рада. — Облегченный выдох и моя счастливая улыбка явно были не к месту.

— Короче. Не стоит тебе туда соваться.

— А когда турнир?

— Завтра, — маг.

— Хм... но ведь никто пока не знает, что я одна из вас, так что... могу и сама за себя выступить.

— Но тогда освобождения от налогов мы не увидим как своих ушей. В случае твоей победы, конечно, — покачал головой маг.

Я немного приободрилась. Мою победу не считают чем-то ну совсем нереальным.

— Я тоже хочу высказаться, — сообщили мне на левое ухо.

— погоди, — прошептала я.

— Ладно, тогда только тебе скажу: иди и всем надавай по самые помидоры!

— Не слушай его! — взволнованно зашептали на правое. — Не ходи никуда. Что тебе этот город? Завтра все выедете за его стены, и повидашь новые места. И вообще убийство — грех.

— Ну-ну. Беги, поджав хвост, — язвительно.

— Отступление — не есть бегство, — насупленно.

— А если еще и по-тихому, да друзей подставив.

— **ИХ НИКТО НЕ ПОДСТАВЛЯЕТ!!!**

Такое ощущение, что моя голова — пункт передачи информации от одного уха к другому. И иногда сенсоры зашкаливают.

— Не ори, — ошарашенно.

— Пойми! Ударил по правой — подставь левую... Ой... не то.

— Угу, а лучше сразу — на колени и в петлю.

— Иревиль! Не начинай.

— А что сразу Иревиль? Тут бизнес гибнет! В муках.

— Бизнес не живой.

— Пожалей народ — всю жизнь вкалывали, а тут явился ты и всех распинал.

— Я не пинал!

— Фефа. Ты неправ. Ежели эти несчастные завтра останутся без куса хлебушка...

— Ты в своем уме? Тысячу золотых риз назвать хлебушком.

— ...с маслицем... и икоркой. Ты будешь виноват.

— В чем?

— Во всем, — мрачно.

Тяжелый вздох справа.

— Убийство...

— А кто сказал, что она будет убивать?

— Иля?! — напряженно.

— Не буду, — послушно. Ибо оба уха уже чесались.

— А-а... ну тогда... ладно, — растерянно.

— Йес! — слева.

— Чего не будешь? — уточнил гном, пытаясь присесть на подлокотник кресла той стороной зада, которая не болела. Удавалось с трудом.

— Я завтра буду выступать на турнире. Но только вам решать — за одну себя или же за

всю контору.

Из ванной вышел злой распаренный вампир.

— Я все слышал, — мрачно. — В любом случае надо послать за Эдо и проголосовать.

— Я тут. — Все вздрогнули и оглянулись на дверной проем. Элв задумчиво смотрел на меня, хмуря тонкие брови. — И я согласен рискнуть и поставить на девочку. Просто потому, что не терплю трусость. — Гордо и немного задрал нос.

— Что ж, — пожал плечами гном, — тогда уж и я за нее. Негоже гному в чем-то уступить элву.

— А я против, — вампир, хмуро. — Она, конечно, сильная, но все же девчонка, и бросать ее на арену... я себя после этого буду чувствовать хуже бабы. — Сим сплюнул на пол и подошел к кровати, накидывая на плечи куртку. Серые от старости штаны уже были на нем.

— А я — "за", — маг. Задумчиво. — Ее магия очень странная. Но она и довольно сильная. Ато, что девочку никто не знает... так это даже хорошо. Совет не насторожится.

— Итак, — приободрилась я, — большинством голосов — "за"! Когда бой?

— Завтра, — усмехнулся гном, — И я очень настоятельно советую тебе выспаться.

Я удивленно него уставилась. При чем тут сон?

Все загадочно покивали и вышли, что-то обсуждая на ходу.

Мы с вампиром остались одни в комнате. Он мрачно на меня посмотрел и язвительно уточнил:

— Так и будешь сидеть или выйдешь с моего этажа?

— Ой, прости, — смущенно и с улыбкой, — И... спасибо.

— За что? — не оборачиваясь и надевая что-то вроде часов на запястье.

— За то, что ты единственный подумал обо мне как о слабой девушке.

Вампир замер и обернулся. Но я уже вышла на лестницу и спускалась вниз, мечтая о вкусном обеде и горячем чае в придачу.

Утро колыхнуло занавески на кухне. Я, завернувшись в три пледа, мирно сопела на небольшом и сильно прогнувшемся под моим весом диванчике. На подушке рядом сидел гэйл и зевал, разминая крылышки и глядя на затянутое все тем же серым покрывалом туч небо.

— Пора ее будить. — Анрел, подходя к гэйлу и грустно глядя на спящую девушку. — У нее сегодня большой день.

— Не бойсь. Мы будем рядом, а потому пропасть не дадим, — оптимистично. Широко зевая и косясь на мага, тихо накрывающего на стол. — Плюшки... — задумчиво.

— Подумай. Одна. В чужом мире, на арене с монстрами, — драматизировал Фэф, мрачней все больше.

— С повидлом или без... С повидлом!

— А?

— Плюшки, говорю, с повидлом. Полетели?

— Иревиль! Это не нам, имей совесть.

— Мя-ау-у-у-у-у-у... — за окном.

Анрел и гэйл притихли, настороженно глядя на окно.

— Не дай бог, кот, — вякнул гэйл.

Маг вышел из кухни, прикрыв за собой дверь.

— Не упоминай всуе имя... — промямлил белый.

Но тут девушка приоткрыла глаза и тоже прислушалась.

— Мяу, — тихо. Жалобно.

Я села, зевнула и встала с жалобно скрипнувшего пружинами дивана.

— Иль, а там булочки, — жалобно пискнули с подушки.

— С повидлом! — поддакнул анрелочек.

— Котенок, — улыбнулась я и подошла к окну, выглядывая на улицу.

Под окном сидело пушистое несчастное нечто, очень грустное, ободранное и страшно

грязное. Оно смотрело на застывшую напротив нее странную колышущуюся массу — полупрозрачную и серую — и прижималось спиной к стене.

Котенок? Хм... отдаленная схожесть. Мелкий, круглый, с четырьмя лапками, с тремя хвостами и длинными острыми ушками, он смотрел на массу удивительно красивыми, сверкающими золотом глазами и тихо мяукал, понимая, что это конец. Помощи ждать неоткуда, серая жугь приближается, а сам он был раз в пять меньше ее. Все же мяуканье перешло в шипение, шерсть вздыбилась, из лап выдвинулись длинные тонкие когти, а во рту показались два ряда острых мелких зубок.

Я рывком распахнула окно, запрыгнула на подоконник и сощурилась.

— Гм... Феф... ты как, с кошками ладишь? — сильно несчастным голосом, сзади.

— Нет, — испуганно.

И я выпрыгнула в окно.

Вонзить когти в серый ком, полосую студенистую плоть, — просто, но бесполезно. Раны затянулись мгновенно. Долбануть током? Лазеры... Не выходит.

Масса разозленно облепила кисть, скользнув к шее. Ощущения гадливости и холода, накрывающие кожу, едва не вызвали рвотные позывы. Пришлось сжать зубы и рывком выдернуть руку, чувствуя, как эта дрянь повисает на кулаке. После чего сконцентрироваться и долбануть ее таким разрядом, что дымиться начинаю сама.

— Замри! — сзади. Громко.

Послушно не двигаюсь, а в кулак влетает приличная шаровая молния, разряжаясь на поверхность трепещущего в конвульсиях сгустка. Следом летит что-то белое и извивающееся, обматывает шипящий ком и разрезает его, словно лазером, на тысячи мелких комочков, которые осыпаются на землю, истаявают и почему-то уже не могут срастись назад.

— Бура!

Маг перелезает через окно, чуть не падает и подбегает ко мне с расширенными от страха глазами и трясущимися руками. Поворачиваю голову — отшатывается. Мой взгляд, наверное, холодный и безжизненный, как металл. Оно и понятно — снова машина перехватила управление телом, посчитав, что мне угрожает реальная опасность. Скоро приду в себя. А пока...

Разжимаю кулак и смотрю на маленький пищащий комочек, растекающийся вонючей лужицей по ладони.

— Что же ты наделала, Бура?

— А что не так? — Гэйл. Но маг не слышит.

Оба духа — довольные, но настороженные — уже сидят на моих плечах.

— Это же тень. Детеныш Теней. Тебя убьют, Бура, ты слышишь? Убьют, — растерянно и тихо. Садясь на землю и хватаясь руками за голову.

Выход из режима боя.

Зрачки сужаются, вновь проявляются смытые сущностью киборга эмоции, я медленно прихожу в себя.

— Мяу, — сзади, тихонько.

Поворачиваюсь, смотрю на котенка, осторожно беру его на руки. Шипит, царапается, сверкает искрами глаз. Красивые... глаза красивые. Сам же — серый и грязный. Отмыть бы.

— Что случилось? — из окна выглядывает Сим.

Улыбаюсь ему, перемахиваю через подоконник и иду в дом.

— Она убила детеныша Теней, — маг. С улицы.

Я еще слышу, как когти вампира вонзаются в подоконник, но дверь за спиной закрывается, ударяя о косяк, а я иду в ванную вампира, поднимаясь по ступеням винтовой лестницы.

Котенок мыться отказывался категорически. А тут еще и средства для мытья были какие-то странные: в колбочках, баночках и коробочках. И я никак не могла понять — где что. А посему ориентировалась на запах.

В ванной слышался свирепый вой хищника, мое рычание и плеск воды. Я вытерла рукой воду со лба и уверенно продолжила полоскать в огромной ванне, полной воды, выдирающегося грязнулю. Анрел и гэйл сидели на краю, болтали ножками в воде и с интересом наблюдали за процессом. Пару раз гэйла таки смыло волной, но он упорно залезал обратно, страшно злой и мокрый. Улыбающийся Феофан только подливал масла в огонь.

Но тут мои размышления прервал грохот распахнувшейся двери. Меня схватили за локоть и резко развернули, после чего отвесили пощечину и прожгли яростным взглядом.

— Ты сдурела? — Сим тихо. На пределе. Сверкая глазами и сжимая зубы. — Ради какой-то зверюги убила Тень! Да нас теперь всех уже через час схватят и казнят прилюдно!

— Вы не виноваты, — спокойно, холодно, не отводя глаз. — Это сделала я. Можешь выдать меня Совету, если хочешь. А сейчас, будь добр, покинь ванную, или я сама тебя вышибу через... стену.

Вампир явно растерялся. Я не испугалась, не отшатнулась и была почти спокойна.

Он отпустил руку, сделал шаг назад, выругался и вышел, шарахнув дверь. Я повернулась к ванне. В углу, на ее краю, стояли и прижимались друг к другу Феофан и Рёва. Они не отрываясь смотрели на мокрое нервное существо, медленно к ним приближающееся. Котенок облизнулся, дергая мокрыми хвостами, и сощурил сверкающие глаза.

— Э-э... Иля, — пискнул Феф, — если не трудно... спаси нас!

Иревиль попытался усмехнуться, выпуская когти и прикрывая анрелочка собой.

— Да не бойсь, Феф. Мне он на один... коготь! Ща я ему покажу отвагу нечистого духа! — Алые глазки грозно сверкнули.

Котенок прыгнул. Оба заверещали, гэйл выпустил длинную ветвистую молнию, попал в зверя, и все трое красиво вспыхнули разрядами, ибо мокро, а кот упал неподалеку.

Я вздохнула, сграбастала кота и продолжила мыть тихо и очень жалобно мяукающего хищника.

Дымящиеся Феф с Ревой сидели в углу, держась за руки, и угрюмо за мной наблюдали.

— Кх, кх... ты же его не оставишь? — осторожно Феф.

— А куда я его дену? Пускай с нами будет, — пожала я плечами, окуная булькнувшего зверька в воду. — Готово!

— Бли-ин, — Рёва тихо.

Выйдя из ванной с замотанным в полотенце котенком и спустившись вниз, я увидела собравшуюся в зале первого этажа команду. На меня сурово посмотрели и кивнули на стул.

Я села.

— Гхм... турнир начнется в полдень. Пора выезжать, — маг.

— Мы решили, что выступаешь сама за себя, — перебил его гном, тяжело на меня глядя и сжимая в руках длинный тяжелый металлический топор. — Более того, нам неприятности с Тенями не нужны. Так что выметывайся отсюда. Ты нас не видела, мы тебя не знаем.

Киваю. Встаю.

— Да погодите вы! — Сим? — Ничего ведь еще не случилось. А вдруг обойдется!

— На ней метка, — Эдо. Мрачно.

Смотрю на свою руку. Правую. Ту, которой держала гот комок. Кожа и впрямь потемнела и теперь была покрыта черными извилистыми линиями до локтя.

— Метка убийцы, — снова элв, сквозь зубы.

— Ну... всем пока, — пожала я плечами и, потягиваясь, пошла к двери, — Только не могли бы вы напоследок подсказать мне, где находится... Колизей, или где здесь бои происходят?

На меня никто даже не посмотрел. Да и вообще такое ощущение, что меня тут чуть ли не боятся. Хотя... ну что я такого сделала? Не понимаю.

— Труссы, — тихо. Иревиль.

— Не ругайся, — так же тихо Феф, осторожно глядя меня ручкой по щеке. — Мы тебя не бросим.

— Да! — слева. — Мы не то что эти уроды! Мы своих не бросаем! Да, Феф?

— Уг...

Но тут гэйл встал, вспыхнул глазками и резко взмахнул крыльями. По комнате прошло что-то большое и серое. Резко стемнело, после чего в окно влетело яркое и сияющее нечто, разделилось на три сверкающие молнии и... врезалось в тела гнома, элва и вампира.

Громкие вопли, вспышки, грохот падающих тел. Довольный хохот стоящего на плече и держащегося за мое ухо Иревиля.

— Что, получили?! Вот вам мое фирменное колдовство!

— Иревиль! — анрел. В шоке.

— А не фиг, — довольно.

— Но так же нельзя, — испуганно.

— Не фиг, — настойчивее.

— Мяу, — из моих рук.

Котенок осторожно тянулся лапкой к плечу, с интересом разглядывая довольного духа.

— Иля, держи монстра крепче... его бы покормить.

— Чем? — разглядывая дергающиеся на полу тела недавних товарищей.

— Не мной, — со значением.

— На кухне были плюшки, — анрел. Нервно.

— Фефа, какие плюшки? Ты в глаза его смотрел? Ему мясо надо! Мя-со. И поскорее, пока он нас не сдохмячил.

— А у вас есть мясо? — я, обращаясь к испуганно застывшему у стола магу.

— Что, простите? Мясо... есть немного.

— Дайте, — спокойно.

— Да, да. Конечно, конечно. Идите за мной, мадемуазель.

И мы торжественно прошли на кухню, где мне и коту было выдано аж полкило свежего мяса, вынутого из сундука с голубым льдом.

Котенок радостно мяукнул и тут же в него вцепился, спрыгнув с рук.

— Что я говорил? — Рёва.

— А... что вы намерены делать теперь? — маг. Смотрит все еще испуганно, но уже взял себя в руки.

Из зала доносятся крепкие выражения и стоны.

— Записаться на бои, — пожимаю плечами.

— Хм... ну-ка, дайте-ка мне свою руку, девушка.

Покорно протягиваю потемневшую конечность. Что-то при этом щелкает в груди, и рисунок на глазах начинает светлеть, а вскоре и вовсе исчезает, сменив цвет кожи на прежний — белый.

— Не могу поверить! — Маг очень нервно рассматривает мою руку, тормоша ее и царапая ногтем запястье. — Но как?!

— Нанотехнологии, — улыбаюсь.

— Круто, — пискнули слева.

— Это... это все меняет! Теперь вы в безопасности. Доказательств нет, и... просто так вас уже не казнят. Впрочем, и нас тоже.

И меня потащили обратно в зал. Я только оглянулась на котенка, продолжающего вгрызаться в сочный кусок.

— Она больше неопасна! — радостно возвестил взъерошенный маг, демонстрируя всем мою руку.

Все трое, еще дымящиеся и с хмурыми рожами, сидели на столе и угрюмо смотрели на меня.

Вампир, правда, сполз на пол и осел уже там.

Общаться явно никто не хотел. Феф тихо отчитывал Иревиля, намекая, что он мне все отношения с народом поломал.

— Ну и что я теперь сделаю? — угрюмо. Слева.

— Ох, горе ты мое. Ладно, в этот раз я помогу. Но больше так не делай.

Хмыканье гэйла. И мягко начавшая светиться фигурка анрелочка, взмывшего к потолку.

— Можете мне не верить, — холодно сообщила я, — но сейчас вам полегчает.

Сим показал мне средний палец, а гном — руку до локтя. Элв ничего не показал, только смотрел презрительно и гневно.

Анрелочек что-то выкрикнул, распахнул крылья и медленно, с чувством перекрестил всех троих.

Слева тихо заржали.

— Ты чего? — поворачиваю голову.

— А они все — нечисть, — хихикнули тихо.

Я в шоке открыла было рот, но одежда и волосы парней неожиданно вспыхнули, а глаза расширились от боли.

Дальше все рванули в душ — тушить пламя.

В дверях ванной образовалась пробка, все ругались, орали и толкались. Но в итоге вломились внутрь, разодрали душ и облились ледяной водой с ног до головы.

На плечо медленно опустился смущенный анрел.

— Я... не подумал, — тихо.

— Да не парься, им полезно, — радостно. Слева.

Тяжелый взгляд анрела был ему ответом.

Через час в зале маг бинтовал лежащих в притащенных по такому случаю креслах потерпевших. Все угрюмо смотрели на меня, обдумывая еще раз изложенную мысль о том, что я могу участвовать в турнире, ибо метка исчезла.

— Пусть валит, — глубокомысленно прокашлял гном.

— Чтоб ее там сожрали, — вампир, зло.

— Поддерживаю большинст... ой!..во, — элв.

— Ну... я пошла?

— Иди, — хором.

И я вымелась из конторы, прикрыв за собой все так же прислоненную к косяку дверь. У ноги что-то мяукнуло, и я заметила пытающегося пролезть вслед за мной котенка. Он смотрел жалобно и старался изо всех сил. Тяжелая дверь не поддавалась.

— Оставь его, — Феф. — Котенку не место на поле боя.

— Поддерживаю, — Рёва смотрел жестко и хмуро.

Киваю и возвращаюсь в дом, подхватив на руки кроху.

На меня посмотрели так "радостно"... что начать говорить не могла еще секунды две.

— Что-то случилось? — маг, склонившись над грудью гнома и накладывая на ожоги зеленую мазь.

— Да... не могли бы вы позаботиться вот о нем?

— Пригрози им, — шепот на ухо. Слева.

— А то всех убью, — неуверенно.

Глаза команды были неподражаемы. Я почему-то улыбнулась.

— Она издевается, — элв. Сжимая зубы.

— Оставляй, оставляй, — маг. — Я позабочусь.

— Все же... мне как регистрироваться: от себя или от вас? — спуская кота с рук.

Мне высказали сразу три мнения — от кого именно стоит регистрироваться. Все неприличные.

— Ладно, тогда от вас, — кивнула я и вышла на улицу, вовремя прикрыв дверь так, чтобы котенок не смог проскользнуть следом.

— Это конец, — в тишине зала сообщил гном.

Все молча смотрели на мяукающего у двери и обиженно скребущего по ней лапой зверька.

ГЛАВА 6

Хм... и впрямь, Колизей. По крайней мере сильно напоминает по виду древнеримское строение: с ареной в центре и уходящими от нее вверх рядами сидений, на которых уже начала собираться ранняя публика.

Я подошла к концу небольшой очереди и спросила, где туг запись на участие в боях. Меня осмеяли и послали. Я угрюмо дала в глаз самому смешливому. Завязалась потасовка, анрел угрюмо следил за ней с ближайшего фонаря, а Иревилль радостно подзуживал меня на ухо.

В итоге подбежали какие-то гномы, вытащили меня, попытались скрутить — не удалось, тогда просто утащили куда-то в глубь улицы, обещая показать место записи в "гладиаторы".

В темном пустом переулке меня попытались избить еще раз. Я ответила тем же, вырубая с одного удара. Рёва растроганно сказал, что мною гордится. (Анрел сообщил, что лично он страдает, но пока молчит.)

А из тени вышла высокая фигура красивого мужчины с серой, словно металлической, кожей, и со мной наконец-то заговорили без попыток насилия.

— Я вижу, ты действительно довольно сильна, — мягко, тихо. Стараясь не нервировать.

Осторожно киваю, вглядываясь в серые матовые глаза. Запах расположенной неподалеку помойки притуплял нюх, но духи его я уловила довольно точно. Мозг проанализировал и сообщил, что состав их довольно необычный и влияет на центры удовольствия и страха обычных существ. А еще что это не духи, а его реальный, настоящий запах. Так что, по идее, я должна была его испугаться. Но я не человек. И центр страха в голове легко поддается контролю.

— Хм... ты не боишься? — словно читая мои мысли.

— Нет.

— Дай ему в глаз, — слева, азартно.

Анрел только застонал.

— Зачем?

— Он — Тень!

— Ты — Тень?

— Да, — слегка удивленно, — А ты разве... откуда ты? — Глаза сверкнули интересом, он сделал еще один шаг ко мне.

— Я хочу участвовать в боях. Я из конторы "Нечисть и Ко".

— Но...

— Мне можно участвовать?

— Запись закончилась полтакта назад, — хмуря изящные брови, — Ты не успе...

— Тогда ты проведешь меня.

Обалделый взгляд одного из правителей этого города.

— А ты наглая, — мягкая усмешка, интерес в глазах и протянутая ко мне рука, — Что ж... хорошо. Идем.

Я послушно прикоснулась к чуть прохладной коже, чувствуя, как в тело впиваются тысячи игл мощных разрядов.

— Ай! — слева. Подпрыгивая.

Анрел отлетел от меня в сторону, удивленно потирая пятку.

Мозг выдал, что меня только что пытались обезвредить и одновременно прощупать. Приказ вернуть агрессивное воздействие обратно исходил даже не от меня, а от прагматично-холодного разума, который имел только одну цель в своем существовании — защищать.

Тень сжала зубы и отдернула руку, держась за парализованное плечо. Рука безвольно

повисла. На меня смотрели уже серьезно и без улыбки.

— Кто ты? — жестко. Словно плетью стегнули.

— Киборг.

Замер, чутко вслушиваясь.

— Не врешь... что ж. Я не знаю, что это значит, но ты арестована именем Совета Теней. — Он слегка отвернулся и кивнул.

И тут же из мрака каждой арки начали появляться такие же серокожие существа, одетые в стального цвета форму и с небольшими трубочками в руках. Трубочки были наставлены на меня. Лица Теней не предвещали ничего хорошего.

— Погоди.

Но от меня отвернулись, и парень уже шел обратно к арке, из которой появился.

— Боишься, что я — та, кто сможет победить вашего монстра? — зло. — Значит, так вы отлавливаете сильных претендентов и изолируете от боев?

— Хочешь, я его молнией поражу? — гэйл явно тоже разозлился.

— Его надо просто благословить, — не менее хмуро справа.

— Давай одновременно! На счет три, — Иревилль явно проникся идеей двойного залпа.

— Как скажешь, напарник.

Рёва восхищенно покосился на гордо выпрямившегося на моей макушке анрелочка.

— Ра-аз...

— Ладно, — Парень внезапно остановился, но так и не обернулся ко мне, — Отведите ее в пункт приема заявок. Пусть выдадут снаряжение и напишут название ее конторы. — И уже тише: — Если так уверена, что сможешь бросить нам вызов, я с интересом посмотрю, что из этого получится. И даже лично позабочусь о твоих похоронах.

После чего он отступил в тень и исчез, словно его и не было.

Слева разочарованно выругались, а анрелочек уселся на моей макушке, задумчиво почесывая нос и складывая крылышки за спиной.

— Ушел, — обиженно. Рёва.

— Не переживай, — улыбнулась я, уже шагая вслед за необычным конвоем. — Мы с ним еще встретимся. Я чувствую.

— Да? — растерянно. С макушки.

— Да.

На песке арены Колизея еще видны следы крови от недавнего проигрыша. Я сижу на лавке в странной высокой комнате с окнами, выходящими на арену и расположенными в метрах четырех над ней, и с интересом смотрю на ряды зрителей, многотысячной массой расположившихся на ступенях амфитеатра. Вокруг меня суетятся воины. Пару раз меня толкнули, о чем-то спросили. Но я продолжаю смотреть наружу, не реагируя на вопросы. Мне все равно. Я... я, кажется, счастлива. Ведь мечтой моего детства как раз была та, в которой я выступала в древнем Колизее, поражая монстра под рев бушующей толпы.

Анрелочек и Рёва стояли на подоконнике и также смотрели на арену. Там как раз в ее центр вышел высокий, покрытый шрамами гном с внушительной мускулатурой и зло огляделся по сторонам, потрясая громадным тесаком, рыча и воя под рев толпы.

— Ишь как надрывается, — Рёва, грустно. — Прошлый вон тоже орал, орал.

— Не напоминай, — Феофан, все еще зеленый, стоял рядом.

Прошлый проиграл... трагически. Его разодрали и сожрали. Анрелочка чуть не стошнило, но он храбро досмотрел все до конца.

— О, смотри какая киса! — Иревилль восхищенно изучал огромную пушистую "кошку", выбежавшую на арену из центральных ворот.

— И впрямь, красивый зверь, — улыбнулась я.

Больше гнома раз в десять, гибкая и быстрая, она открыла пасть с впечатляющим набором клыков и широко зевнула.

— Такую не хочешь? — на меня ехидно посмотрели.

— Нет.

— Она голодная, — Феофан. С состраданием.

Гном взвыл, поднял тесак и кинулся на кошку. Та взмахнула хвостом и припала к земле, с интересом на него глядя.

— Забавляется.

Топор сверкнул и с чавкающим звуком погрузился в мощную лапу. Зверь отскочил и обиженно взвыл.

— Садист! — Анрел прикрыл глаза.

Нечистик покосился на него и хмыкнул.

Тем временем гном, окрыленный успехом, снова бросился на кошку. Та отскочила и, поджимая лапу, начала носиться по арене, убегая от орущего во всю глотку, видимо для храбрости, воина.

— Ее покормили, я уверена.

Гном, видимо, тоже это понял и остановился, тяжело дыша и садясь на песок. Он вытер пот со лба, отложил секиру и угрюмо уставился на кошку. Та же — села неподалеку и начала вылизывать рану, недовольно глядя на воина.

— И это у них называется арена со всякими ужасами? — Иревиль ходил по подоконнику и хмурился. — Да это просто клоунада. Они издеваются.

Обиженно взывшая публика явно была того же мнения. Но тут раздался тихий, быющий прямо по нервам звук, и кошка с гномом замерли друг напротив друга, словно чего-то ожидая.

Шерсть кошки вздыбилась сотнями острых игл и затвердела. Глаза вспыхнули алым, клыки увеличились втрое, а когти мягко вышли на всю длину из пальцев мягких лап. Она тихо зашипела, резко прыгнула и... исчезла.

Остались только смазанные контуры. Я еле успела разглядеть, как взбешенный хищник прыгнул к гному, ударил того лапой по груди, подкидывая его тело вверх и назад, и резко скакнул прочь, вновь застывая в отдалении и внимательно следя за врезавшимся с силой в стену арены и рухнувшим вниз телом.

Анрел вскрикнул, а гэйл мрачно улыбнулся. Песок быстро набухал алой кровью, а толпа безмолвно замерла, пытаясь понять, что произошло.

— Почему они не останавливают поединок? Он проиграл, — кажется, это я сказала вслух.

— Бой только до смерти, — сказал кто-то за спиной.

Я не обернулась, чтобы узнать кто.

Гном же вяло зашевелился, пытаясь встать и нашарить рукой секиру, воткнутую в песок аж на середине арены. Не найдя ее, он медленно встал, держась дрожащей рукой за стену и глухо кашляя кровью, которой тут же быстро окрасились борода и растерзанная кольчуга на груди. Хмуро взглянул на довольно заурчавшую кошку, вновь припадающую к земле и готовящуюся к еще одному прыжку, он вытащил из ножен кинжал и выставил его перед собой, сжав зубы и расставив в стороны ноги для упора. Спиной — прислонился к стене. Слишком тяжело стоять? Да. Наверное.

— Я... я не могу смотреть. — Дрожащий анрелочек отвернулся, опустив голову и сжимая кулаки.

Иревиль только вздохнул и посмотрел на меня.

— Мне не нравится битва. Это уже не бой, а избиение, — сообщил он, взъерошивая волосы на затылке.

Киваю, сужаю глаза и резко, с силой, врезаю кулаком по стеклу. Защищенное магией, суперкрепкое, оно рассыпается на тысячи осколков от моего кулака. Ребята отпрыгивают в стороны, сзади что-то ошарашенно кричат воины, а кошка резко взмывает вверх, готовясь к последнему броску.

Режим боя. Активирован. Режим ускорения. Активирован. Уточнение запроса: обезвредить. Принято.

И тонкая фигурка девушки слетает с подоконника на арену быстрой смазанной тенью.

Успела. В последний момент, но успела. Появилась словно из ниоткуда перед носом кошки. Удар в лоб ладонью, прогоняя волну силы по телу, отпрыгнула назад, врезаясь пятками в арену и поднимая целую тучу песка и пыли.

Кошка припадает на все четыре лапы. Шипит и недовольно оглядывает нового противника. Еще прыжок. Удар. Отскочила, зло мявкнув, и прыгнула снова.

Удар.

Когда же ты поймешь, глупая?

Только после пятого раза.

Врезалась в стену, обиженно взвыла и скрылась в темном проеме открытой клетки, расположенной за стеной арены.

Подойти к гному, протянуть руку. Оттолкнул. Спросил: кто меня просил? И поковылял к выходу, зажимая раны на груди.

А я осталась стоять, глядя на балкон с особыми местами — для тех, кто входит в Совет. Встретилась взглядом с серыми глазами недавнего знакомого. Он улыбнулся мне и чуть приподнял бокал с вином в руке, одобряя недавнюю победу.

— Почему он не злится? — анрел, удивленно. — Ты же выскочила без очереди.

— Потому, что все еще впереди, — Иревилль, дергая меня за ухо и указывая влево. — Ты сорвала им развлекательную программу, но прогонять нас не будут. Зато нас убьют.

Повернуть голову, взглянуть на распахивающиеся с тихим скрежетом высокие черные ворота и ощутить разом нахлынувшую полную бесконечную тишину.

— Все... стихло, — задумчиво.

— Купол. Они закрыли купол!

Поднимаю голову и смотрю на появившуюся словно из ниоткуда, закрывшую арену и отгородившую меня от зрителей полусферу.

— Значит, сейчас будет плохо, — Иревилль сжал кулаки. — Иль, если что — мы рядом, но... особо на нас не рассчитывай.

Киваю и уступаю сознание давно заталкивавшему его вглубь разуму машины. Глаза изменяют цвет на черный, из пальцев выходят длинные тонкие когти, а мысли и чувства мои словно обрубает.

Скорей всего, это будет совсем неопасно. Еще одна кошка или медведь. Но на всякий случай тело включило полную защиту. Защиту души от всех возможных внешних факторов повреждения...

Из ворот медленно вышел, ступая босыми ногами по белому песку, человек... наверное. Белая кожа. Черные глаза и волосы.

Похож на Сима, но... другой.

Высокая гибкая фигура. Длинные руки и ноги. Худое, узкое лицо. Красив, очень красив. Но пугающей дикой красотой хищника. Движения чуть ломаные, не совсем человеческие. Смотрит прямо, на лицо — ни единой эмоции. И одет в потрепанные временем и боями штаны и куртку. Когда-то черные, а теперь просто серые.

Остановился. Смотрит.

Девушка стоит там же, где и раньше, и так же не шевелится. Лицо — бесстрастно и спокойно.

И он медленно, словно неохотно, растягивает губы в улыбке. После чего из плеч и пальцев выскальзывают длинные тонкие жгуты, чуть извиваясь, висят в воздухе и осторожно обвивают его руки и тело.

Он опускает голову так, что рваная челка закрывает глаза. Что-то шепчет и исчезает.

А в следующее мгновение девушку сносит назад, вбивает в стену так, что на песок сыпется камень и крошево, а потом вырывает из стены и вбивает, вминает в пол арены, прогибая его воронкой, и оставляет тело девушки лежать изломанной куклой.

Парень же вновь появляется словно из ниоткуда. Медленно, так же медленно, как и до этого, идет к черным воротам, и окровавленные жгуты осторожно втягиваются в его тело.

— ИЛЯ!!

Крик. Словно издалека.

Повреждений... сорок процентов, тридцать, двадцать...

Десять.

Приемлемо.

Закончить восстановление.

Распахнуть глаза.

Сесть.

Ноги вывихнуты так же, как и руки. Скрежет суставов, с щелчком встают на место металлические кости.

Встать.

Он остановился.

Выбираюсь из воронки, ладонью вправляю на место выбитую челюсть и стираю кровь с губ. Левый глаз не видит. Правый... в лучшем состоянии. Хорошо.

Пять процентов повреждений.

— Его ускорение? — тихо, жестко. Вопрос к системе.

Пятый уровень. Максимально допустимый для нас — шестой.

Активировать.

Щелк. Щелк.

Он оборачивается. Черные глаза смотрят спокойно, чуть сощурившись.

Щелк...

Ветер приподнял волосы и швырнул назад. Склонил голову набок, жгуты вновь скользят из рук на волю.

Щ-щел...

Шестой уровень активирован. Тело готово к использованию.

Он прыгнул первым. Я улыбнулась и прыгнула второй.

Давай поспорим?..

Удар, перехватить руку, сломать, врезать ногой в грудь и оттолкнуться всем весом своего тела. Хруст его ребер. Сжимающиеся вокруг лодыжек, шеи и запястий жгуты. Раскрутилась так, что обматываюсь вся. Врезаться в его тело, почувствовать руки, обхватывающие за талию. Глаза сверкнули, он улыбнулся. А в следующий миг я уже вырвалась — вся в ошметках удавок на горле и руках, — чувствуя, как оголяются контакты под срезанной и содранной кожей.

Отпрыгнуть, опустившись на обе ноги и правую руку. Уклониться от удара телепатической волны, оставившей еще одну воронку в теле арены. Еще вбок. Вверх и влево. Столкнуться с ним, успеть заметить оскал довольной усмешки. Вляпаться в загустевший плотный воздух, зависнуть, словно муха в паутине.

Сила воздействия... предельная. Предельная.

Нет.

А он стоит внизу, смотрит, щурясь от яркого света огней арены, и улыбается мне. Ласково, мягко и так нежно.

После чего меня сминает, сжимает, как консервную банку под каблуком бомжа, как старую бумагу в руке писателя... ломая ребра, руки, шею и выжимая из горящих легких последние капли воздуха.

Опасность. Опасность! Повреждения — шестьдесят процентов. Семьдесят. Восемьдесят...

Надо что-то делать.

— Держись, — слева, тихо.

После чего в тело врезается мощный ветвистый разряд шаровой молнии, заряжая батареи на максимум, воздух всего на миг становится прежним, а тело падает вниз, корчась и дергаясь от боли и количества повреждений.

Он подходит. Садится на корточки и смотрит на меня.

Бледные окровавленные пальцы осторожно касаются моих губ. Жгуты я вырвала с

корнями, точно помню.

А он смотрит. Все еще смотрит, не отрывая взгляда от моих расширенных застывших зрачков.

— Кто ты?

Голос тихий. Холодный и жесткий, как металл. Мне нравится. Так нравится.

Повреждения — девяносто.

Голоса нет — связки отказали.

— Кто ты? — настойчивее. Чуть хмурясь и охватывая горло тонкими пальцами.

Сжимает, позвонки входят в мышцы, в трахею, пережимая ее и пищевод. Не давая дышать.

— Поломалась, — отворачивается, сжав зубы и явно разочарованный.

Встает, засовывает руки в карманы куртки и молча уходит от сломанной окровавленной фигурки девушки, застывшей на песке арены.

— Феф, что делать? Она не выкарабкается.

— Я...

— Только не реви!

— Я не реву, — сквозь всхлипы, — но она же...

— Можешь вылечить?

— Нет!

— Ты только не волнуйся. Давай так: сначала я, а потом ты. Хорошо?

Нечистик стоит возле меня, смотрит на мою грудь и хмурится. Ему тоже больно смотреть на меня. Заплаканный анрел сидит неподалеку и отворачивается. Он потратил все силы на то, чтобы разредить воздух, и теперь просто не может ничем помочь.

Нечистик прикладывает к моей груди маленькие ладошки. Тоже на пределе. Тоже шатается, но упрямо сжимает зубы и пытается пропустить через меня разряд.

— Иревиль...

— Не мешай. Я смогу. Смогу! — упрямо. Сжимая зубы.

— Давай вместе?

Оборачивается, удивленно смотрит на подошедшего анрелочка, хмуро кивает:

— Давай.

И они, взявшись за руки и приложив ладошки к коже хозяйки, отдают последнее. Разом и стараясь войти в резонанс. Анрел вспыхивает белым светом, сжимает зубы и упрямо стоит. Иревиль тяжело дышит, почти уткнувшись в меня. Оба рухнули на колени, оба дрожат от боли, но раз за разом прогоняют через меня волны своих сил.

А тихий голос в глубине сознания мягко продолжает отсчитывать: повреждения — восемьдесят девять процентов. Восемьдесят. Семьдесят пять. Семьдесят один...

Тихий стук упавших тел. Замершие на песке анрел и гэйл потеряли сознание и больше ничем не могут помочь неуверенно зашевелившейся девушке...

Она привстала на руках.

Он остановился у ворот, еще не веря.

Она встала на колени. Потом на ноги. Голову не поднимает. Кулаки сжаты, тело слушается с трудом.

Он резко поворачивается, глаза сужены, из горла вырывается рык.

— Да кто же ты? — шепотом.

После чего прыгнул на предельной скорости, выбрасывая всю ту энергию, что все еще была, превращая воздух вокруг нее даже не в камень — в сталь! И врезаясь в нее на пределе, на максимуме, выпуская жгуты — обрывки, сверкая глазами и сжимая зубы.

Кто?!

Она уже подняла голову, улыбнулась и резко, с разворота, врезала ногой, ломая воздух, ребра парня — и без того треснувшие — и откидывая его далеко назад. Так, что тело впечаталось в створки ворот, выбило их и исчезло в глубине ниши. Девушка же снова рухнула на песок и затихла. Рядом с лежащими неподалеку анрелом и гэйлом. И наконец-то

отключая режим боя.

ГЛАВА 7

Очнулась я на грязном вонючем матрасе в полной темноте, чувствуя, как кто-то лазает по моей ноге.

Крысы?

Нога резко врезалась в стену, впечатав в камень отвратительное животное.

— А-а-а-а!! — завопил грызун, кусая за ногу.

— Иревиль?! — удивленно.

— А-а-а-а-а!!!

— Иля, немедленно отпусти его. Он тебя лечить пытался! — возмущенно у уха.

Киваю и отвожу ногу назад. Тихий шмяк и тишина убедили меня в том, что Рёве легче.

— Добейте, — попросили тихо и грустно.

— Я сейчас! — анрел.

— Так и знал, что меня прибьет кто-то с нимбом, — угрюмо.

— Не говори ерунду. На, жуй.

— Опять таблетка? А антидот? — капризно.

— Сначала таблетку.

— У меня хвост отвалится, — шепотом.

— Вырастет, не волнуйся. Ешь.

— И зубы, — трагически.

— Не откроешь рот — я тебе их выбью, — мрачно.

— Садист.

— Рёва!

— Ладно, давай свою пиллюлю.

— На.

Тихое хрумканье.

— О, нимб вылез.

— Вот антидот.

— Не, погоди... а что, если я так побуду. Не помру?

— Зачем?

— Ну... я на небе таких девочек видел...

Сдавленные звуки.

— Фы мве фее фубы выфил!

— Зато ты антидот проглотил.

Рычание.

— Иля, ты как?

Феофан склонился к моему лицу, и я сощурилась от света его небольшого нимба. Также я увидела алые глазки крыс, не рискующих подойти ко мне именно из-за анрела, которого грызуны явно побаивались.

— Что я тут делаю?

К анрелу подошел Иревиль, угрюмо наматывающий на кулак хвост и тяжело вздыхающий.

— Ты победила, — улыбнулся Феофан мягко и ласково. — Но после победы тебя оттащили сюда и заперли.

— За что?

— Будешь новой игрушкой Теней, — раздался голос откуда-то сбоку.

Сажусь, стиснув зубы от сильной боли в шее, и осторожно поворачиваю голову в сторону, откуда донесся звук. Зрачки расширились до максимума, поглотив радужки. Темнота превратилась в полумрак, спектр сменился на инфракрасный. Он. В соседней камере за решеткой сидит он. И смотрит на меня. Спокоен, мягкие и уже достаточно

отросшие жгуты скользят по камням пола у его ног, сам же парень прислонился спиной к стене, откинув назад голову и положив кисть на согнутую в колене ногу.

Решетки его и моей камеры разделяет небольшой коридор. Я привстала и подползла к двери, обхватив прутья изувеченными пальцами и чувствуя сильную слабость во всем теле.

— Сколько я спала?

— Двадцать восемь дней.

Вздрагиваю и неуверенно усмехаюсь. Но он смотрит все так же холодно и спокойно. Не шутит, гад.

— А... почему ты здесь? Не можешь сбежать?

Он поднял вверх левую руку и показал небольшой серебристый браслет на ней.

— Это контролирует мои способности. С ним я не сильнее обычного человека.

Смотрю на собственную кисть, застывшую на решетке. Браслет. И не один, а три. Перестраховщики хреновы.

Каков уровень повреждений?

Мысленный вопрос тут же подтвердился ответом: Повреждения внутренних органов — сорок шесть процентов. Повреждения костной ткани — семьдесят один процент. Повреждения...

Хватит.

Смотрю на стоящую в углу баланду, а точнее, на тарелку из-под нее. (Крысы все подъели и даже изгрызли посуду.)

Хочу есть! Нужно поесть, очень надо.

Смотрю на прутья решетки... хм?

Глаза парня сверкнули, он настороженно следил за тем, как я без малейших усилий перекусила широкий стальной прут, разжевала его и умудрилась проглотить. Желудок внутри перестраивался в ядерный реактор, что требовало охрененного количества энергии.

Через два часа решетки просто не было. Всю съела. Зато появился материал на восстановление костей. Они будут не такими прочными, как раньше, но я уже могу встать и сжать и разжать пришедшие в норму пальцы, задумчиво глядя на них.

Подняв лицо, смотрю на парня и склоняю голову набок. В черных глазах — ни тени страха. Любопытство, и только.

Подхожу к его решетке и берусь за нее руками.

— Хочешь выйти?

— А выпустишь? — мягко.

И на миг мне показалось, что в камере сидит не просто парень, а древнее и довольно жуткое существо, которое ни в коем случае нельзя выпускать на волю.

— Да.

— Э-э... Илечка. — Сзади растерянно. — Я, конечно, понимаю твой порыв. Но этот мальчик опасен.

— Выпускай! — Иревил. Радостно.

— Иля, — напряженно, — ты даже не знаешь, что он будет делать на свободе. Он может начать убивать всех подряд. Тебе придется взять полную ответственность за все его поступки!

Киваю и с силой разгибаю прутья, проскальзывая внутрь. Он встает и смотрит. Не дыша. Не реагируя. Будто замерший перед последней атакой зверь.

Протягиваю руку к его запястью. Осторожно касаюсь его. Почему мне так неудобно? Все рецепторы просто воют об опасности.

— Иля! — Феофан, взлетая на плечо и беспомощно заламывая руки.

Иревил остался стоять на полу, сунув руки в карманы и усмехаясь.

Я же рывком сдираю с запястья парня серебристый браслет.

— Спасибо, — Шепот. Ветер.

Мимо меня промелькнул силуэт, скользнул сквозь решетку и вырвался на волю... почти.

Успеваю схватить его за куртку, и он резко останавливается, не спеша расставаться с частью, видимо, ценного предмета.

— Что-то еще? — насмешливо.

Не оборачиваясь, киваю.

— Я победила тебя, забыл?

Молчание.

— Ты теперь мой слуга, не так ли?

— Какой слуга, — на правое ухо, шепотом, — что ты несешь?

Я просто жду. Ударила наугад и почти уверена, что меня вместе с моим наглым заявлением сейчас пошлют куда подальше.

— Хм... не знал, что ты знакома с законами моего племени.

— ?!

— Что ж, — Шаг назад.

Я осторожно разжимаю пальцы, а он поворачивается ко мне, рывком раздвигая прутья так, что в щель теперь пролезет и слон.

— Ладно. Я побуду с тобой. Но только пока не смогу победить в честном поединке.

Осторожно киваю.

— Рабство плохо, — обреченно. Справа.

— Фефа, ты отстал от времени. Рабство — круто! Особенно если в рабах мощная зверюга, мочащая всех подряд, — с улыбкой — с пола.

— А это кто?

Ошарашенно смотрим с Феофаном на парня, тыкающего пальцем в застывшего на полу Иревиля.

— Он меня видит? — уточнил гэйл, разглядывая палец.

— Тебя трудно не заметить, — пожал плечами мой новый раб и сел на корточки. Из его руки выскользнул жгут, обвился вокруг черной фигурки и поднял ее в воздух. — Симпатичный, — с улыбкой.

— А еще сволочь редкая, — улыбнулись ему в ответ и шарахнули током так, что жгут разжался, а парень с шипением схватился за обвисшую конечность.

Иревиль гордо взлетел ко мне на плечо, показал язык парню и довольно усмехнулся.

Я только хмыкнула и тихо сказала:

— Тронешь их, и я за себя не отвечаю. Понял?

Он смотрит на гэйла, не отвлекаясь на меня.

— Понял?! — повышая интонацию.

— А где ты их взяла? Отдашь одного? — с любопытством.

Я только вздохнула, мотнув головой и угрюмо выходя наружу. И что мне с ним делать?

Парня, кстати, звали Гриф. Не знаю, настоящее это имя или нет. Да и мне все равно, если честно.

Из подземелий прорывались с боем. Причем бился только он. Ускорялся, избивал тюремщиков и стражу, вновь замедлялся и шел рядом, не выказывая никаких эмоций. Еле убедила его никого не убивать. Долго не понимал: почему?

Зато кучу эмоций у него вызывали мои половинки души. Он постоянно тырил с плеча анрелочка и радостно его разглядывал, сжимая в руке. Иревиль страшно злился и жестко мстил. Но парня ничего не учило, и он только отмахивался от гэйла, восхищаясь анрелом, как ребенок новой красивой игрушкой.

Феофан переносил все стоически, рассказывал о милосердии, заповедях и пытался учить парня слову Божьему. Не уверена, что Гриф понял хоть что-то, но, когда Феофан садился на его плечо и вещал целыми строками Священного Писания, — явно был счастлив и готов выслушать не только Новый, но и Старый Завет от корки до корки.

Нечистик же сидел у меня на макушке, ревновал и бросал на них гневные взгляды. Идея о том, что раб — это круто, уже не занимала его так, как раньше.

Свобода! Я даже и не заметила, как быстро мы поднялись на поверхность. Дождь лил

как из ведра, небо вновь заволокли тучи, а у выхода стояла одинокая фигурка человека с серой кожей и глазами цвета стали.

— Вот мы и встретились снова, Бура-тино. Я ведь правильно произнес твое имя?

Гриф замер за плечом. Его глаза сузились, а из плеч и пальцев выскользнули черные жгуты, обвиваясь вокруг рук наподобие рукавов.

— Ты нас пропустишь?

— Хм... а почему бы и нет? Я сегодня добрый, — приглашающе делая шаг в сторону.

— Ловушка, — мрачно сообщили с макушки.

Я медленно и осторожно двинулась вперед. Тело восстановлено далеко не полностью, и сейчас меня поймать гораздо проще, чем раньше. Но рядом идет Гриф. И вот с ним-то придется повозиться.

— Скажи, — замираю.

Так и знала — просто так пройти не даст. Дождь скользит по длинным прядям волос того же цвета, что и его глаза. И только теперь заметно, что уши Тени чуть заострены, а глаза слегка раскосые, с приподнятыми уголками.

— Ты ведь не из этого мира?

— Нет, — Зачем врать.

— Тогда почему ты здесь? — Голос все еще спокоен, но в нем чувствуется напряжение.

— Не волнуйся. Свергать никого не хочу, — он усмехнулся, оценив шутку, — просто мне нужно найти свое место в мире и жить. Знаешь...

Задумался.

Покорно стою и мокну под дождем. Гриф отошел в сторону и настороженно оглядывается. Босые ноги будто скользят, а не ступают по камню. Кого-то ищет? Зря... из-за облачности вокруг одна сплошная тень: где-то гуще, где-то светлее, но появиться подкрепление может сразу и отовсюду.

— ...пока ты была без сознания, мы узнали, что тебя невозможно убить. Ни магией, ни оружием, ни даже сдавить прессом. Было перепробовано все. Но ты продолжала дышать.

Снимаю с макушки гэйла. Держу на ладони. Смущенно отводит глаза.

Ну и ну... Так эти двое меня все эти дни вытаскивали с того света? А я-то гадала, откуда у меня столько повреждений после... долгого "сна".

— Спасибо, — тихим шепотом.

Иревиль сконфуженно чешет затылок.

— Это все Феф, — буркнул он и, спрыгнув с моей ладони, полетел к анрелу, сидевшему на плече Грифа.

— За что? — Тень смотрит удивленно.

Ах да, он же их не видит.

— За то, что отпускаете, — пожала я плечами.

— Хм, — Он вздохнул и отвернулся. — Только помни, — уже растворяясь в тени здания, — если ты снова пересечешь дорогу Совету... он не остановится ни перед чем.

Угу. Я так и поняла, что Тени не струсил от того, что не смогли сломать и удержать, а просто изъявили высшую милость и отпустили сами. Ну-ну.

Отвернувшись, я махнула рукой Грифу и пошла вперед, чувствуя, как по голове бьют косые струи дождя, и зябко ежась в тонкой, местами рваной рубашке.

ГЛАВА 8

Ребята мне та-ак обрадовались: застыли, открыли рты, а маг меня еще и перекрестил.

— Ты ж погибла, — Крут. Ошарашенно.

— Я воскресла, — мрачно разглядывая гору снеди на накрытом в зале столе.

— А-а... ну, проходи, — неуверенно. Отхлебывая вино из бокала.

Но тут следом за мной в комнату вошел Гриф, и вином подавились, кашляя, сжимая в руке бокал и пытаясь что-то сказать.

— Знакомьтесь. Гриф. Он будет здесь жить. Кто против — говорите с ним, он явно готов всех выслушать.

После чего я прошла к столу, оставляя на ковре влажные следы, одернув прилипшую к телу рубашку, села в свободное кресло и потянулась к ближайшему блюду с исходящей паром какой-то поджаристой птичкой.

Мне явно понравится. Тем более что желудок уже снова в норме.

Гриф, нимало не смущаясь, сел на подлокотник моего же кресла и тоже потянулся к блюду. Успел схватить дичь раньше меня и довольно вонзил в нее зубы.

— Эй! А я?! — обиженно.

Мне презентовали крылышко, на которое я угрюмо воззрилась.

— Гхм, — кашлянул Сим.

Маг растерянно смотрел то на одну, то на другого.

— Короче, хорошо, что ты жива. Верхний этаж — твой и Грифа. Там две двери, так же, как и на третьем. Половина этажа тебе, половина — Грифу.

Киваю, пододвигая к себе салат и ни на кого не глядя.

— От налогов нас освободили и премию выплатили. Спасибо, — тихо.

Все-таки смотрю на вампира. Он же смотрит в окно, на лице проступают желваки. Злитесь?

— Мне очень жаль... что мы тебя бросили. Отдыхай, сколько понадобится. Ты спасла контору, и... мы все тут у тебя в долгу.

Осторожно киваю. Мне почему-то хочется, чтобы смотрели на меня, а не в окно и не в тарелку или на Грифа. Но все просто молча продолжают есть.

Н-да-а. Не так я представляла себе триумфальное возвращение после победы. Не та...

— Мяу. — На колени вспрыгивает что-то мелкое, тощее, со свалявшейся шерстью. Котенок?

— Что с ним? — Я злюсь, я правда злюсь.

Зверек же осторожно утыкается носом в мой живот, ложится и сворачивается клубочком. Рукой можно прощупать все ребрышки. Ему что, еды не давали вовсе?!

— Он ничего не ел с тех пор, как ты ушла, — мягко сказал маг, — Пришлось кормить насильно, уж извини.

Вздыхаю и киваю.

Чего уж там. Гриф сует мне в руки кусок мяса, кивает на котенка. Беру и осторожно подношу мясо к носу пушистика.

Золотистый глаз открывается, мои пальцы бережно обнюхивают, после чего зубки откусывают и довольно пережевывают подношение.

— Будет жить, — Иревиль.

Они с анрелочком как раз стоят на краю стола и наблюдают за зверьком.

— Ему бы молока, — хмурится анрелочек.

— Вон в том кувшине. Ща притащу.

Все угрюмо смотрят на воспаривший и летящий зигзагами ко мне кувшин. Пару раз посуда чуть не навернулась, но молоко донесли, после чего я взяла тарелку из-под салата, поставила ее на пол и залила ценным продуктом.

Котенка спустила следом.

Молоко обнюхали, тяжело вздохнули и довольно шустро начали лакать. Гэйл, севший на край кувшина, вытер пот со лба.

А я в первый раз за много дней... улыбнулась.

Апартаменты мне выделили неплохие. Гриф упрямо вошел вместе со мной, хотя я раза три ему ткнула пальцем в соседнюю дверь и пояснила, что живет он там. Парень продолжал молча стоять у той же двери, что и я.

Тогда я повернулась к той самой соседней и подошла к ней. Эта зараза последовала за мной.

— Он тебя защищает, — объяснил Феофан.

— Угу, мало ли, вдруг они в ванну крокодила посадили и сунули в зубы фанату. Типа "с новосельем"! — фыркнул Иревилль.

Кот мякнул на руках. С тех пор как встала из-за стола, он напрочь отказывался с них слезать. Гриф — без комментариев. И смотрит еще так... насмешливо.

— Ладно, пошли вместе. — Вздох. — Убедишься, что я в безопасности.

Апартаменты начинались с небольшого коридора, справа полки шкафа и вешалка, слева — двери в ванную и туалет.

Далее шла довольно большая комната, соединенная с еще двумя поменьше, расположенными опять же справа и слева. Слева — спальня. Небольшая и довольно уютная. Справа — что-то вроде рабочего кабинета. Стул, стол — все дела.

В гостиной стоял большой мягкий диван, напротив которого располагалось огромное окно вполстены и с широким подоконником, обитым чем-то мягким. На нем будет удобно сидеть по ночам и смотреть на улицу, освещенную магофонарями.

Гриф бесцеремонно прошел впереди меня, прошлепал босыми ногами по ковру и рухнул на диван, довольно потянувшись и прикрывая глаза. Я угрюмо уставилась на черные от грязи пятки и цепочку следов, оставшуюся на белом ковре. Тут вообще все было стерильно белым, что слегка раздражало.

— Гриф!

Ноль эмоций.

— Так нельзя. Или ты живешь здесь, или там. Я не могу жить с тобой.

— Успокойся, — не открывая глаз. — Я же твой слуга, а потому должен быть все время рядом.

— Исключено. — Поворачиваясь к двери и ошарашенно смотрю на застывшего в проеме хмурого Сима. И смотрел он на разлегшегося на диване парня. — Или ты подчиняешься нашим правилам и выметаешься отсюда, или...

Гриф сполз с дивана и появился рядом с вампиром.

— Повтори, — голова склонена набок, глаза сверкнули холодом.

— А ты глухой? — Вампир даже не дернулся. И явно не боялся.

Из пальцев парня выскользнули черные жгуты, медленно извиваясь, поднялись вверх, на уровень груди. Две пары черных глаз буравили друг друга неотрывно.

Я почесала затылок.

— Иди мойся, Илечка, — похлопал меня по щеке Феофан. — Мы с Иревилем за ними присмотрим.

Иревилль уже взлетел под потолок, делая какие-то знаки анрелу и довольно улыбаясь. Я только вздохнула, плюнула на все и... ушла в ванную, прихватив с собой сонного котенка. Надо бы его как-нибудь назвать.

Хм... надеюсь, Иревилль не станет мне тут разносить все молниями.

Ванна. Мррр... большая, вделанная в пол и глубокая. Можно было вытянуть ноги и набрать воды хоть по шее, а хоть выше. Тут же стояла куча всяких баночек, скляночек и прочей ерунды — с приятным запахом и самых разных цветов.

В коридоре что-то грохнуло, и донесся трагический хохот кашляющего Иревиля.

Потом послышались вопли, ругань, кто-то голосом Сима орал: "Держи эту заразу!" Странно, вампир же не видит духа.

Короче, пока мне там рушили квартиру, я разбиралась со странными шариками, витающими в воздухе у края ванны. Они были красного, синего и бежевого цвета. Не сразу поняла, что это означает горячую, холодную воду и пену.

Набрала горячеватой с кучей пены и с восторгом погрузилась в ванну, чуть ли не мурлыча от счастья. Котенок уселся на краю и с интересом за мной наблюдал.

— Что, тоже хочешь поплавать? — улыбнулась я, протягивая руку.

— Нет.

Тишина. Слышно, как капает с пальцев вода. Смотрю на зверька очень внимательно.

— ...Ты говорящий?

— Да, — хмуро. Внимательно наблюдая за моим лицом.

— Хм.

— Я — разведчик, прибыл с опасным заданием, но был раскрыт и чуть было не уничтожен страшной Тенюкой.

— Чем?

— Тенюки — сволочи, уничтожающие моих собратьев.

— Хм...

— Не веришь? — хмуро.

— Верю, — осторожно киваю.

Котенок тяжело вздыхает и смотрит на небольшое круглое окошко под потолком.

— Война ведется давно и непрерывно. Пришлось изменить облик и стать меньше и беззащитнее, чтобы местные жители и враг принимали нас за обычных кошек.

— И... давно воюешь?

— С детства! — с гордостью.

Тяжело.

— Что ж, — тряхнув головой и глядя уже спокойно и в упор. — Ну а меня зовут Бура, приятно познакомиться. Да, кстати, может, расскажешь, почему ты без меня не ел?

— Так ты ведь спасла мне жизнь. И теперь, по закону стаи, я — твой раб навеки. Но... когда ты пропала, я понял, что не смог уберечь хозяйку и...

— Освобождаю.

— Что?

— У меня уже есть один... слуга. Два — перебор. И я тебя освобождаю от служения себе — любимой. Свободен.

Котенок насупился, выходя из образа бывалого вояки.

— Это вопрос чести!

— Мыться будешь?

— Чего? — растерянно.

— Ты ужасно выглядишь, я планировала тебя вымыть и расчесать.

— А мы потом свергнем Теней и установим царство равенства и всеобщего счастья? — пристально глядя в глаза.

У меня дернулась бровь.

— Ага, как только вымоюсь, так сразу все и установлю, — мрачно.

Громкий плюх и сопение у носа показали, что с детьми шутить не стоит. Они всему верят.

Короче, котенок стойко вытерпел мойку тремя шампунями, смену окраса на рыжий (так вышло!) и дальнейшую сушку здоровенным, летающим под потолком и спускающимся по приказу феном. Я тоже... все вытерпела. Но тем шампунем, что менял цвет шерсти, голову мыть не рискнула. Волосы уже чуть-чуть отросли, и я больше не была похожа на взбесившегося ежика. Можно было даже прижать их лаком и рискнуть назвать себя... симпатичной, что ли. Да и кожа не такая уж проблемная. (Особенно если поваляться месяцок в подвале без еды, а потом объесться железа.) Ей явно легче, наверняка решила, что выпендриваться — себе дороже.

Сидящий у зеркала, замотанный в полотенце юный воитель смотрел грозно и требовательно.

— Пошли?

Я как раз натягивала халат, так удобно оказавшийся в скрытом в небольшой нише шкафу.

— Пошли, — киваю, сграбастывая пушистика на руки.

— Бить Теней, — уточнил он.

— Э-э... не сейчас.

— А когда?

Но я уже вышла в коридор и мрачно застыла. Черные догорающие обои, выбитые

участки стены, отсутствие окна, перевернутый диван и две валяющиеся на ковре фигуры не вдохновляли. А под порывами прохладного ветра под потолком парил светлый тихий анрел, и на руках у него возлежал Иревиль, тихо и очень слабо что-то шепчущий Феофану. Анрел смотрел на него с любовью и заботой, кивал, всхлипывал. Я прислушалась.

— А еще... похорони меня в саду, где цветут маргаритки...

— Рёва.

— Не говори ничего... в глазах темно, мне трудно дышать.

Всхлип.

— И... пусть поставят памятник... побольше. И из золота. Ничего, что я прошу из золота?

— Ничего, ничего. Хоть из алмаза, если захочешь.

— Хочу. — Натужный кашель сотрясает маленькое тельце.

Анрелочек прикусывает губу и отворачивается.

— Фефа... где ты? Я... ничего не вижу.

— Я тут, Рёва, тут.

— Я... чувствую тепло твоих рук. Спасибо... что ты со мной, друг.

Всхлипы.

— А можно... попросить? — тихо, сипло.

— Что? Проси все, что захочешь.

— Та... та анрел, которая недавно прилетала к тебе... ты еще сказал — коллега. Я... как ее зовут?

Анрел поднял бровь и присмотрелся к гэйлу. Гэйл обмяк, страшно застонал и выгнулся дугой.

— Иревиль! Не умирай, — испуганно.

— Имя, брат! Имя! — Пена на губах, кровь в уголке рта.

— Лизонька.

Нечистик замер, тяжело задышал и тихо произнес:

— Ли-изонька. Расскажи ей обо мне.

Феофан прикрыл глаза, сжал зубы и кивнул:

— Да. Конечно.

— Но... как, как ты ей расскажешь обо мне? — в страшном волнении, — Как ты ее найдешь? Я... хотел, чтобы она тоже что-нибудь сказала над моим бриллиантовым памятником двухметрового роста.

— Двух?!

— Фефа, не жадничай, у тебя полдуши на руках помирает, а ты жлобишься, — с укором.

— Ой, прости. Но... ее же просто найти. Надо лишь два раза позвать по имени — на заре или на закате.

— Два? — придирчиво.

— Да, а... а что это у тебя кровь больше не идет? И дыхание ровное.

— А тебе судороги подавай? Слышишь? Сердце уже не бьется.

К груди хмурого Иревиля прижались ухом. Анрел вздрогнул и ахнул.

— Во-от. Я тут последние секундочки доживаю, а он!

— Прости меня, друг мой, — вздохнул анрел и болезненно улыбнулся гэйлу, — Ты — образец выдержки и упрямства. Даже перед лицом смерти не кричишь и не воешь от боли. А просишь, чтобы два анрела помолились о твоей душе. Я горжусь тобой, Иревиль.

— Спасибо, — смущенно.

— Хочешь, я начну отмаливать тебя сейчас?

— Не, плохая примета, когда живому поют зауспокойную.

— Да? — растерянно.

— Угу. Ой... а можно еще твоих таблеточек... вдруг помогут?

— Я дал тебе уже три пилюли и три антидота. Ты сказал, что все съел.

— Ну... мало ли... Лизонька и в четвертый раз прилети... ой. В глазах темно! Дышать сложно! И...

— Иревиль, — хмуро.

— Че? — дергая ногами и трепеща крылышками.

— Я нащупал сердце. Справа. И оно бьется.

— Да? — ненатурально удивился черный.

— Да, — мрачно. Нимб красиво сверкнул.

— Случилось чудо! Друг спас жизнь... друга?

— Ты мне Карлсона не цитируй, притворщик хренов. Я тебе сейчас такую заупокойную забациаю... — с угрозой, прижимая к себе уже выдирающегося гэйла.

— Фефа. Ты не так все понял! Таблетки подействовали только сейчас!

— Насчет таблеток мы еще поговорим, и куда ты их дел, я все равно узнаю.

— Не надо.

— А сейчас...

— Мама...

— Я тебя отмолю так, что все грехи вычищу.

— Трендец. Иля!!! Спаси!

Но я только хмыкнула и отвернулась, склоняясь над телами парней. Вроде живы. Что... радуется.

А сверху сиял яркий свет, вопил Иревиль, и пел анрел.

Вечером того же дня:

— Гхм... здравствуй, Лизонька.

— Ты... анрел Иревиль? — Удивленно сверкая золотыми глазками, паря над подоконником перед замотанным в гипс до подбородка брюнетом.

— Да, — хмуро.

— А... почему с рогами?

— Таблетки отобрали, — мрачно.

— Что? — растерянно.

— Я говорю: прическа у меня такая... оригинальная. Нравится?

— Нет.

— Жаль.

Молчание.

— А чего крылья без перьев и... черные, — тихо.

— Болею.

— А хвост?

— Это не хвост.

— Геморрой? — наивно.

Иревиль с тоской вспомнил, как все утро пытался спрятать в штаны то, что отличало его от анрела. Видимо, все-таки не удалось.

— Да, — и пошло оно все.

— Ой... больно?

— Нет.

— Я... ты такой... такой...

— Какой? — с тоской.

Лизонька парила так близко. Золотые локоны, огромные сияющие глаза, стройное тельце и широкие сверкающие белизной крылья. Загипсованный больной урод с геморроем ей нужен был вряд ли. И Иревиль это прекрасно понимал.

— ...такой загадочный, — неожиданно улыбнулась она.

Иревиль чуть не растаял от этой улыбки.

— Правда? — тихо.

— Угу. Меня зовут Лизонька.

И гэйлу протянули узкую белую ладошку. Ее очень осторожно пожали темной

когтистой рукой.

— Иревиль.

— Будем друзьями? — улыбнулась она.

Все, что мог растерянный нечистик, — просто кивнуть.

Заглянувший же в комнату Феофан молча посмотрел на это рукопожатие, глубоко вздохнул и... вылетел обратно в коридор. Он понимал, что неправ, но... он просто хорошо знал Лизоньку. Такая — из любого сделает анрела.

Я перебралась в соседнюю квартирку и расположилась там. Где будет жить Гриф, мне было все равно. Они мне комнату разбомбили, вот пускай теперь оба там и живут.

Но не успели мы с котенком уютно устроиться на широкой кровати, как в дверь осторожно постучались.

— Войдите! — не вставая. Чувствую себя уставшей и хочу спать.

— Бурочка?

Маг. Пришлось сесть и даже прикрыть халатом ноги, поворачиваясь к старичку.

— Что-то случилось?

— Вот, — На тумбочку ссыпали какие-то пузырьки, травы и настойки, — Помогает, если внутренние повреждения... У тебя ничего не болит?

Стало почему-то тепло и приятно внутри. Отрицательно мотаю головой.

— Странно, — растерянно. — Я слышал, что из подвалов Теней все выходят только инвалидами или не выходят вовсе.

— Меня Гриф вытащил, — решила я не вдаваться в подробности.

— А-а... ну тогда понятно, — покивал маг и осторожно сел на пуфик у окна. — Ничего, если я немного передохну? Больно высоко подниматься надо было.

— Да пожалуйста, — пожала я плечами и рухнула обратно на постель.

— Маг? — удивленно от дверей.

Кто там еще? Гм... Крут. Ему-то что надо?

— Я это... — смущенно обращаясь к моей спине. — Ты плохо выглядела, а эта настоечка... поднимет и мертвого.

Лежу. Не шевелюсь. Мне все равно, отстаньте.

— Я смотрю, все уже здесь, — холодно. От двери, голосом элва.

Стон с кровати.

— А у тебя чего? — Гном с любопытством подошел ближе.

— Мазь элвов! — высокомерно.

— Ух ты! — Крут. — Слышал, большая редкость, и от нее заживает все подряд.

— Я спать хочу! — с кровати, капризно.

— Спи, — кивнул маг, пытаясь выцарапать у элва небольшой синий пузырек и даже не покосившись в мою сторону.

— Не, ты как хочешь, а моя настойка все одно лучше, — упорствовал гном.

— Как может какой-то дикарь понять истинную прелесть концентрированной энергии жизни?! Уважаемый маг, это не вам, а пострадавшей.

— Ей не надо, — уверенно.

Чего это мне не надо? А если я тут вся лежу, умираю и даже застонать не могу — стесняюсь?

— Мужики, зацените, я уделал Грифа! — в комнату ввалился Сим и рухнул на кровать...

Меня придавило, но толпа лекарей на мой вскрик никак не отреагировала. Сим только сподобился отползти в сторону и убрать локоть с ребер. Зар-р-раза!

— Еще кто кого уделал. — На меня опять упали. С другой стороны.

Стискиваю зубы. Когда-нибудь этот бардак закончится и я посплю?!

— А что это у вас? — Сим.

— Настойка! — гном, с гордостью. — Поднимет даже мертвяка.

— Хм... брехня.

— Чего? — набычившись и сжимая кулаки.
— Дай попробовать свою бурду.
— Да на, неуч! И только попробуй потом вякнуть что-то неуважительное о
живительной воде.

Бульканье. Кашель, вопль. На мне начали прыгать, требуя воды.
— Воды! Воды-ы-ы-ы-ы!!!
— На.
— Бульк.
— Ну как?
— Кру-уто, — с восхищением.
— Во-от, а ты говорил.
— Значит, говорите, эликсир жизни, милейший?
— Да, — сухо.
— А вот можно один экспериментик? Для проверки, так сказать.
— Какой?
— Капнем, к примеру, вон на ту дохлую муху.
— Она не оживет.
— Почему? — растерянно.
— Она дохлая, — снисходительно.
— Так и знал — брехня, — влез гном. — Эй, эй, куда?!
— Жгуты подлечить. У меня еще не отросли до конца, — спокойно и снисходительно,
как идиоту.

— Гррр...
Но у задумавшегося элва уже выдрали бутылек и осторожно капали на каждый палец.
Мне тоже стало любопытно, и я все же села, поворачиваясь и почесывая затылок.

— Ну как? — Сим, сидя рядом и нагло положив локоть мне на плечо.
— ...Пока никак.
— Так и знал — фигня, — удовлетворенно кивнул гном.
Элв сверкнул глазами, отнял бутылек, сунул горлышко в зубы Симу и вылил все разом
ему в глотку. Сим с хрустом перекусил горлышко и замер, испуганно на нас глядя.
— А ему-то зачем? — удивленно. Маг. Только что лишившийся объекта изучения.
— Он здесь самый больной, — туманно ответил элв, глядя на вампира с непонятым
подозрением.

На Сима уже смотрим все, ожидая неясного, но обязательного эффекта. Вампир вяло
улыбается, выковыривая осколки из зубов.

— Смотри, смотри, — тыркает Иревилль Феофана, сидя на подоконнике. — Спорнем, у
него сейчас нимб выскочит?

— Иревилль, это же другое лекарство. Какой нимб? — со вздохом.
Кошусь на гэйла, демонстрирующего ошарашенному анрелу обертку от белой
конфеты.

— Я успел подмешать, — с гордостью.
— А-а-а... э-э-э... — Феофан трагически посмотрел на меня.
Я беспомощно смотрю на вампира. Все замерли, все ждем. Кто-то кашлянул — на него
сурово посмотрели. Кашель трагически оборвался.

— Ну как? — первой не выдерживаю я.
— Ну... в горле першит.
— И все? — разочарованно. Элв.
— Ну-у, все.

Сим кашлянул, по комнате прокатился огромный столб пламени, спалив одежду и
шевелюру склонившихся над ним элва, гнома и мага.

Кто-то упал, кто-то взвыл. Сим зажимал рот рукой, широко раскрыв глаза и испуганно
глядя на матерящихся и катающихся по полу друзей. Все были живы, но ожогов — куча.

Пришлось всей толпой спускаться вниз в лабораторию мага и лечиться там мазями. (Пару из них стырили у меня же с тумбочки.)

А после того как пострадавшие вышли и оставили меня наконец-то одну (если не считать разлегшегося на кровати Грифа и вечную парочку, окопавшуюся на подоконнике), я со вздохом облегчения наконец-то рухнула обратно на кровать.

— Так и будешь здесь лежать? — сонно смотрю на Грифа, толкая его коленом в бедро.

— Угу, — не открывая глаз. — Мои апартаменты временно в разрухе, — с усмешкой.

— А мне все равно. Хочешь, иди к магу или к Симу. Да к кому угодно, только не ко мне.

— Мне и здесь хорошо, — даже и не думая шевелиться.

Я с грустью поняла, что от меня не отстанут.

— Так. Ладно, но раз уж так приспичило — спишь в кабинете, там вроде тоже есть раскладной диванчик. И прими ванну. Чудовище.

С постели раздался тихий вредный храп.

Я только махнула рукой, закрывая глаза, и немедленно уснула, наконец-то оказавшись в тепле, безопасности и с пуховым одеялом под боком.

А на подушке уже давно сопел котенок, уткнувшись носом в кончики пушистых хвостов.

ГЛАВА 9

Контора "Нечисть и Ко" жила своей жизнью. Приходили заказы, кто-то, обычно по одному, редко — двое или трое, выходил на задание и вскоре возвращаясь или с наградой, или же, если не везло, без оной.

Меня упорно не трогали и никуда не брали, решив на общем собрании, что я и так перетрудились, так что работать будут только мужчины. Гриф, впрочем, тоже на задания не ходил, вечно где-то пропадая, или же спал на моей кровати. Кухню он, правда, любил особенно. И часто маг ворчал, что поставит ловушки на ту заразу, что откусывает от каждого блюда по куску или расковыривает пальцем все сразу, оставляя воодушевленным такими остатками сослуживцам что-то непрезентабельное и недоеденное.

Я пыталась воздействовать психологически, отправляя к парню Феофана, который мог сутками читать заунывные проповеди о грехе обжорства и эгоизма. Анрелочка либо игнорировали, либо ловили и долго не отпускали, таскаясь с ним, как ребенок с игрушкой, что страшно злило Реву, возникающего со своими молниями вечно не вовремя и постоянно портящего интерьер дома.

В итоге меня все достало, я лично надавала Грифу по шее. (На пустыре. Крысы бежали первыми, неся страшные потери.) И все как-то поутихло.

Единственным, кто меня продолжал тыркать, был котенок. Он уже общался со всеми сразу, но очень просил уничтожить Тенюк именно меня, убеждая, что тем самым я спасу мир.

Я назвала пушистого Симкой и пока успешно отговаривалась от столь "заманчивого" предприятия.

— Дались тебе эти Тени. Ну и пусть себе правят городом.

— Ты не понимаешь, — расстроено. — Они нами питаются.

— Хм. Так линять надо отсюда.

— Но мы тут живем! Нельзя же сбегать из дома по любому пустяку. И потом, кто знает, что будет на новом месте, — грустно.

— А поговорить с ними не пробовали?

— Пробовали. Все равно кушают.

— Тупик.

— Тебе бы вот было приятно, если бы тебя ели без всякого повода?

— Не очень.

Котенок грустно кивнул и потянулся лапкой к сидящему неподалеку Иревилю. Тот как раз пристально разглядывал крыло Феофана, убеждая того, что нашел темное перышко. Анрел страшно нервничал, вспоминая, что темнеющие крылья — признак грешности.

— Феф, не рыпайся.

— Я... я вчера булочку съел! — расстроенно.

— Не страшно. Хм... где же я его видел?

— Но я ее у тебя украл, — трагически.

Иревиль замер и угрюмо шмыгнул носом.

— То-то я вчера никак понять не мог, кто упер мою плюшку. А ты еще так радостно бросился мне помогать в ее поисках.

Алые щеки Феофана выдавали его с головой.

— Я... я тебе сегодня свою булочку отдам, — тихо.

— Эх... ладно. Не дергайся! Где-то оно здесь было.

— А еще я не молился вчера на ночь, — убито.

— А? Это когда мы с тобой в ванной устроили заплыв на всю ночь?

— Ну... да.

— Так ты ж утонул. Я тебя еле откачал, — довольно.

— Ой, я понял! — в шоке. Перебив Рёву.

— Чего? — продолжая рыться в перьях.

— Грех прелюбодеяния, — убито.

Нечистик замер, глазки его загорелись, котенку он показал кулак, и от гэйла тут же отстали.

— Ну-ка, ну-ка! Поподробнее, шалунишка.

— А?

— Колись, говорю, с кем спал?

— С тобой. Мы же всегда вместе спим, — растерянно.

— Тьфу ты, бестолочь, я о том — кто она?

— А-а... ну...

— Да ладно, мужик, тут все свои, — подползая ближе и радостно улыбаясь, — ты ж знаешь — я не выдам.

— А перо очень темное было? — смущенно.

— Черное... три! Говори давай.

Анрел икнул, часто заморгал и испуганно выдавил:

— Я... целовал нечисть.

— О как! А я думал, только у меня шуры-муры с Лизонькой. И как оно?

— Отвратительно.

— Так плохо? — удивленно.

— Ужасно. Думал — стошнит.

— М-да-а-а... а Лизоньке нравилось.

— Что?!

— Трогать мои рожки, — выкрутился Рёва, не меняя загадочного выражения лица.

— А-а... ну...

— Так кто она?

— Он, — хмуро.

Зависание. Пауза.

— Знаешь, друг... — задумчиво.

— Что?

— Я удивляюсь, как у тебя все перья не посерели, голубок ты мой.

— Я не понимаю, — нахмурившись.

— Я тоже. Ты зачем парня целовал?

— Я не целовал! Он сам полез.

Глаза Рёвы полыхнули алым.

— САМ?! Кто этот гад?! Говори, я ему лично шары в лузы вставлю!

— Чего? — растерянно.

— Имя! — рявкнул взбешенный Иревиль.

— Так это ж ты был.

Нечистик, уже поднявшийся в воздух и сжимающий в руке потрескивающую молнию, удивленно уставился на Фефа, не врубаясь в смысл сказанного.

— Чего я?

— Ну... искусственное дыхание вчера делал. Помнишь? — Молния исчезла. Рёва сел обратно. — Я еще глаза открываю, а ты прямо в рот... а теперь перья темные. Вот.

— Фефа, — мрачно.

— А?

— Считаю, что я тебе отпустил все грехи. На тебе твое перо, — Белоснежное перо выдернули и вручили растерянному Феофану.

Анрел ойкнул.

— Но оно белое.

— Свет не так упал. Я пошел, короче.

— Куда? — тихо.

— У меня свидание.

— С Лизонькой?

— Не совсем... с Марго.

— С кем?

— Марго — нечисть, и свидание деловое. Я тебя, кстати, познакомлю как-нибудь... чтобы не путал в дальнейшем разврат и искусственное дыхание. Нет, ты меня до инфаркта доведешь, чесслово.

И Рёва улетел, оставив анрела на подоконнике разглядывать свое перышко.

— Нравятся? — спросила я у притихшего Симки.

— Хорошенькие, — кивнул котенок, во все глаза разглядывая пересчитывающего перья Феофана.

— Странно, что ты их видишь. Обычно... они незаметны.

Котенок только фыркнул, сел и повернулся ко мне.

— Так мы пойдем бить Тенюк?

Я глухо застонала, понимая, что так просто от меня не отцепятся.

— Я не могу. Честно. Ну не могу я пойти и убить Совет. Ну сам посуди, меня ж там закопают.

— Мы поможем, — уверенно.

— Давай лучше так. — Котенок насупился, но слушал, — Я сооружу из подсобных материалов миниатюрную машинку по производству специальных ошейников. Ты раздашь их друзьям, и, как только их попытаются съесть, встроенная в них сирена завоет так, что мало не покажется никому. А горожане, прибежавшие на шум и увидевшие, как Тени, правящие городом, пожирают маленьких пушистых кошек, тут же заставят их исчезнуть. Ибо вряд ли Совету нужна дурная репутация среди населения. Как думаешь?

— А сирена будет очень громкая? — уныло.

— Охрененно, — киваю.

— Ну... можно попробовать.

— Вечером, — зевнула я.

— Почему?

— Потому что сейчас мы идем обедать, а после — по магазинам за запчастями.

— ...ладно.

Я улыбнулась, сгребла с подоконника пискнувшего зверька (и все еще копающегося с перьями анрела) и пошла к выходу, чувствуя запах горячего борща, уже приготовленного магом.

Меня, кстати, как только я тут освоилась, тоже пытались заставить готовить. Но, к

счастью, мои блюда не пришлись по вкусу желудку мага, и теперь, как и раньше, на кухне царил только он. А я не возражала.

— О, вы сегодня первая. Не поможете накрыть на стол, мадемуазель? — обрадовался мне маг.

— Конечно.

— Только не отщипывайте еду! И пальцем лезть не надо. И... о, мой суп! — трагически.

Я обернулась на крик и врезалась в вальяжно входящего на кухню Эдо. Элв... теперь был весь в макаронах, свекле и мясе. Смотрел все так же чуть вверх, но уже не отстраненно, а все более и более ошарашенно.

— Привет, Эдо, — расплылась я в улыбке. — Ну... я пошла. Перекушу в трактире.

И прежде чем элв пришел в себя и попытался отомстить — выскользнула из конторы, закрыв за собой дверь, и быстрым шагом направилась по улице. Хорошо, что элвы ненавидят бегать.

— А суп был... с макаронами, — вздохнули на правом плече.

— И с мясом, — поддакнул котенок, также разочарованный нашим побегом.

Улыбаюсь, вспоминая возмущенное лицо элва. Ради, такого и супа не жаль.

Пришлось завалиться в ближайший трактир и заказать всего и сразу. Иревиль тоже прилетел, сообщив, что отлучался по делам, и радуясь разнообразию. Гулять так гулять. Тем более что мне теперь выделяли недельное жалованье, которое еще не было случая потратить.

— Вкуфно, — Иревиль, упиваясь мясом.

Котенок с любопытством за ним наблюдал. Он все еще побаивался духов, но бороться с кошачьей натурой ему было все сложнее.

— Феф, та булочка моя! Ты обещал.

Анрел расстроено отошел от плюшки с повидлом и подошел к салатику, нюхая длинные листочки и решая, с чего бы начать.

— Не лопни, — я. Укоризненно.

— Мпр...

— Иль, а чего он на меня так странно смотрит?

— Хвостами меньше маши.

— А-а... все равно смотрит.

Я только отмахнулась. Котенок припал к столу, не отрывая взгляда от Рёвы.

— Прибью, — на всякий случай сообщили коту.

После чего трапезу возобновили с новой силой.

И ведь чего там только не было. Птица, салаты, вино, подливка, плюшки, варенье, соусы, грибы... Какое-то белое пюре с тонким запахом пряностей и... много-много мяса.

Я так вкусно еще никогда не наедалась (в этой жизни) и уже через полчаса сидела вполне сытая и довольная, наблюдая за сидящим на краешке тарелки с гренками Феофаном, осторожно глядящим нос мурлыкающего котенка.

— Фефа, не балуй хищника. Не фиг всяких там прикармливать, — укоризненно из тарелки с плюшками.

— Но... ему нравится.

Котенок согласно мурлыкнул.

— Да, кстати, Иля. А зачем ты с ним все время разговариваешь? Он же просто мяукает в ответ.

Гм. Вот и ответ на вопрос: почему Симка больше ни с кем не говорит.

Котенок посмотрел на меня и тихо сообщил, что понимать его может только соплеменник или же хозяин, коим нынче являюсь я.

Н-да.

— ...я его понимаю, — неубедительно.

— Да?

— Я тоже, как напьюсь — всех понимаю, — опять же из плюшек.

— Он говорит, что сам он — из древнего рода воителей, и призывает меня свергнуть власть, поднять восстание и установить в городе царство всеобщего счастья и процветания... — заканчивала фразу я далеко не так уверенно, как начинала.

Феофан смотрел с таким пониманием... что я уже и сама засомневалась в собственной вменяемости.

Над плюшками показалась встрепанная шевелюра гэйла.

— Это лечится! Главное — не сдаваться. Тебя подлечить?

Мне показалось или в его руке что-то сверкнуло?

— Не надо, — мрачно.

— Гм... но если что — я всегда рядом. Фефа!

— А? — все еще разглядывая мое убитое выражение лица.

— Я переел. Донесешь до дому? — жалобно.

— Иривиль, как тебе не стыдно, — удивленно. — Я же говорил о вреде обжорства еще вчера.

— Я забыл, — грустно. — Донесешь?

— Нет.

— А за булочку? Дам одну. С повидлом, — соблазнительно.

— С каким? — неуверенно.

— Ягодным!

— Ну-у...

— Для тебя — ниче не жалко, иди сюды.

Я мрачно сидела и смотрела на уплетающего булку анрелочка. Что-то мне подсказывало, что тащить этих обжор домой придется мне.

Та-ак. Магазины. В капюшоне копошатся половинки моей души, пытаюсь устроиться поудобнее и общаюсь "за жизнь". На руках сидит котенок, а я оглядываюсь по сторонам, шагая по с таким трудом найденной улице, полной магазинов.

Чего тут только не было! На витринах: и новые платья, и магические игрушки, живущие своей жизнью, странные механизмы непонятного назначения, травы и корни, перемежающиеся черепами и костями в лавках травников. Правда, иногда попадались и булочные с кондитерскими, радующие глаз своими вкусными свежими изделиями, аппетитно вызывающие с полочек за стеклом.

Но я искала не это. Проходя мимо серых каменных домов, раскрашенных разноцветными листьями выходящих растений, укрытых алой черепицей покатыми крышами, я оглядывала высокие витые магофоны, сейчас не работающие, и искала лавку гномов. Только там можно было найти все для задуманной машинки. Но вот беда, таких лавок было очень и очень мало — по причине дороговизны и того, что обычно к гномам выезжали на дом или же заказывали нужную вещь в особых конторах и ждали посылку в точно указанные сроки. Все это за чашкой ароматного чая рассказал мне вчера ночью маг. Он же подсказал, где можно найти одну такую лавку. Но то ли я пошла куда-то не туда, то ли ее и не существовало вовсе, но найти желаемое я никак не могла.

Пройдя мимо очередного уютного трактирчика — небольшого и опрятного, как и все здесь, я отчаялась и села за небольшой дубовый стол, оглядываясь на спящих мимо меня горожан и размышляя о реальности задуманного дела. Котенок тоже приуныл, не зная, чем помочь.

ГЛАВА 10

Я все-таки нашла нужную лавку. Долго прокопавшись на полках и в различных сундучках, отрыла-таки все нужные детали, безмерно впечатлив бородатого продавца обширными познаниями о работе различных механизмов и полным пониманием того, что мне надо. Цену, правда, мне все же не сбавили, но волновало это меня мало. Хватило денег, и ладно. Жадность вообще все еще была одним из непонятных и чужеродных чувств.

Позже, вернувшись в контору, прямо в зале первого этажа на столе я и создала ошейник. После чего нарисовала подробную схему сборки и повесила и то и другое на шею котенку.

Он тут же убежал к собратьям через окно, мечтая встретить страшную Тенюку и качественно истрепать ей нервы.

Я же уселась на ковер у камина и задумалась, глядя на пламя и поглаживая слегка немеющую руку.

— Иля, сделай лицо попроще — я пугаюсь. — Иревилъ жарил над огнем подвешенный на прутик кусочек сосиски.

Они с Феофаном в данный момент сидели на каминной решетке и тоже задумчиво смотрели на огонь.

— Мне... мне хочется чего-то... но я не понимаю чего.

— Бывает, — кивнул Иревилъ с умным видом, — Мне вот вчера тоже кое-чего хотелось... Не дали.

— Еще раз полезешь с неприличностями к Лизоньке — и хотеть перестанешь навсегда, — Феофан, хмурясь.

Мы оба на него посмотрели. Анрелочек только тяжело вздохнул и прикрыл глазки.

— Я как вспомню... залетаю случайно в комнату...

— В три утра с криком: "Какого хрена?!" — и мечом света в руках, — кивнул Иревилъ.

— И вижу, как этот извращенец демонстрирует несчастной Лизоньке... это!

Смотрю на Рёву.

— Расстегнул рубашку, — объяснил тот.

— Вот именно! Твоя волосатая грудь...

— Она лысая, — мрачно.

— Неважно. Лизонька явно была в шоке.

— Еще бы, ты так орал, пытаешься меня кастрировать и оповещая всю комнату, как именно это сделаешь.

— Э-э... да?

— Да! Между прочим, анрелы так не выражаются. Даже я стухнул, — смущенно.

Анрел зарылся пальцами в золото волос и покраснел.

— Ребята, — перебила я воспоминания, — так почему я... так странно себя чувствую?

Рёва растерянно на меня посмотрел.

— Ну тебе ведь надо совершать хорошие дела, а иначе снова станешь железной куклой с командами в башке. Вот ты и нервничаешь.

Киваю, морщась.

— Не волнуйся. До завтрашнего вечера с тобой ничего не случится, — утешил Феф, перелетая на плечо.

— А потом?

— Будешь говорить: "Бип!" — и выполнять команды, — Иревилъ кинул прожарившуюся сосиску анрелу.

Феофан протянул руки, но ему попало в нос, и он рухнул на пол. Рёва почесал затылок и спрыгнул следом, спеша поднять ругающегося анрелочка.

— И что мне делать?

— Иревилъ, не трогай!

— Сиди.

— Нос. Это мой нос. Пожа-а... Ай!

— Ну вот и все. А ты боялся.

— Хм... А почему я вижу кончик носа только левым глазом, но отчетливо? — напуганно.

— Ну... тебе не угодишь.

— Ребята.

— Погоди, — Иревилъ, — А так?

— Ой.

— Нравится? — с гордостью. — Теперь ты кончик вообще не видишь.

Феофан скосил глаза к переносице, рискуя окосеть навсегда.

— А... где он?

— Не поверишь. Его нет.

Шок.

— Что, прости?

— Опять не нравится? — угрюмо.

— Так. Я сам. Уйди, нечистый. Чтобы я еще раздал лечить себя...

— Ну и пожалуйста, — обиженно. Отходя подальше.

Феофан же полетел к зеркалу, висевшему у входной двери рядом с вешалкой, и уже там начал приводить свое лицо в порядок.

— Так что мне делать?

Знаю, я повторяюсь, но киборгу очень тяжело самому составлять планы на будущее и выполнять их один за другим. Обычно мои действия выглядели спонтанными, и теперь я была растеряна.

То, чего я не учла, — просить совета у Иревиля было по меньшей мере неблагоприятно. Но я просто не могла ждать любующегося собой Феофана.

— Ну. Ты неплохо дерешься... так что иди и верши справедливость, а там наберешь баллы, — усмехнулся черненький, не отрывая взгляд от анрелочка.

— Хм... прямо на улице?

— А почему нет? Пошли быстрее, пока он занят собой. Сможешь выскользнуть бесшумно?

— Через кухню?

— Молодец. Пошли.

На улице былолюдно. Все куда-то спешили, бежали, торопились. Я невольно заразилась этим бешеным ритмом жизни центра и пошла быстрее.

— Сворачивай в переулок. Проблемы будут на окраинах, — Иревил вальяжно сидел у меня на плече, растопырив крылышки и потягиваясь.

Алые глазки хитро блестели, он явно радовался предстоящему веселью.

— Сюда?

— Да. Теперь налево. Налево. Теперь прямо. Угу. Так и иди.

— А ну выкладывай деньги, урод.

— Но я... уже платил в этом месяце... — испуганно.

— Ты че, пацан, за дуриков нас держишь? Ща я тебе...

Я стояла и смотрела на компанию из пятерых вампиров, окруживших одного мелкого собрата и угрожающих ему длинными когтями.

— Спаси его, — посоветовал гэйл, — Для начала и это зачтется как доброе дело.

Киваю, иду к вампирам, на ходу трансформируя руку в плазменную пушку.

— О, а это еще что за цаца?

Все тут же посмотрели на меня.

— Человек, — принялся самый высокий и симпатичный. — Проваливай, пока мы добрые.

— Я прошу отпустить вашу жертву и извиниться перед ней. Вы — плохие. Я — хорошая. Иначе убью, — Под конец я вежливо улыбнулась, не зная, что бы еще полезного добавить.

— Отвали. — И от меня все отвернулись, вновь сосредоточиваясь на пареньке.

Хмурюсь. Поднимаю пушку. Стреляю. Взрыв в центре группки разметал вампиров по переулку, оставив меня наедине рядом с еще дымящимся трупом спасаемого.

— Кхм, — с плеча. — Ты это... в следующий раз спокойнее... а то я перевыполняю план.

— Что? — растерянно.

— Дальше пошли, говорю.

Я уныло кивнула и побрела вдоль переулка, оглядываясь по сторонам и тяжело вздыхая.

— Не переживай, к ночи очухаются, а если еще и крови выпьют, так и вовсе снова оживут.

— Это... хорошо?

Иревил промолчал, усмехаясь и оглядываясь по сторонам. Надо было натворить побольше "добрых" дел, пока их не нашел анрел.

— Смотри, смотри! Там явно кого-то убивают.

— Где?

— В квартире.

Стекло над моей головой со звоном расколосось, и на мостовую рухнул странный резной стул, разваливаясь на части. Из разбитого окна послышался оборвавшийся визг.

— Давай внутрь, если... Ну можно было и по ступеням, но так тоже эффектно.

Спеша загладить прошлую ошибку, я влетела в комнату и застыла, глядя на мужчину, прижимающего к кровати хрипящую женщину.

— Я помогу.

Кивок, вырывающиеся из второй руки когти и три минуты зверского насилия.

Три минуты спустя.

— Вы уверены, что стоит оставить его в живых? — вежливо, к женщине, закрывающей собою израненное тело собственного мужа.

Они играли в изнасилование. Гэйл кашляет в кулачок, убеждая, что я все сделала правильно.

— Изydi, нечисть! — на пределе связей.

Со вздохом выпрыгиваю обратно на улицу. Я ведь совершила доброе дело. Да?

Хрюканье Иревиля раздражало.

— Ты... а ты уверен, что теперь я стану человеком?

— Пошли дальше, тебе еще учиться и учиться, — вытирая слезы счастья. — Но я помогу, так что не дрейфь.

Вздыхаю, киваю и запоздало думаю, что нечистик все-таки хороший. Все бросил и помогает мне. Это приятно.

Потом я увидела вывеску трактира: "Сообщество наемных убийц". Иревил попросил не проходить мимо. Помню, как красиво догорал трактир на фоне заката.

Свалка из тел, которые я вынесла наружу, вопияла о справедливости и возмездии. Все были живы, просто без сознания.

Убитый горем трактирщик спросил, зачем я вообще на них напала. Показала ему единственный уцелевший обгорелый край вывески со словом "убийц". Мне сообщили, что я дура, а в трактире отдыхали после трудной работы мирные землекопы. А вывеска — просто захотелось чего-то звучного в названии.

Гм...

Иревил снова меня хвалит, просит не останавливаться.

Потом был спасенный от мужчин с мечами паренек, оказавшийся воришкой. Перед подвешенными за штаны к фонарям стражниками так и не смогла толком извиниться.

Правда, парень сердечно меня поблагодарил и уверил, что я сделала доброе дело.

А еще я помогла перейти через площадь старушке — перенесла ее на руках. Она так жалобно ковыляла на костылях, протягивая всем руку с кружкой, что не помочь я не могла.

Меня послали в грубой форме, пару раз заехали клюкой в нос и раз пятьдесят попросили оставить в покое. Но я ее донесла, поставила на фонтан и попросила не благодарить. Старушка на костылях не удержалась и в этот фонтан рухнула, подняв кучу брызг и размахивая палкой.

Я ее благородно достала за шкурку, мягко улыбаясь, и снова поставила на бортик, пытаясь отряхнуть. Бабка замахнулась клюкой, потеряла равновесие и снова сверзилась в

фонтан, приложившись затылком о скульптуру.

На бортик я ее положила. Достала уплывший парик и с удивлением оглядела роскошные растрепавшиеся рыжие волосы. Грим потек — и передо мной лежала уже не старуха, а вполне даже молодая женщина, да и ноги у нее были целы, просто согнуты сильно в коленях и спрятаны в штанины.

Удивительно.

В таком положении я ее и оставила, так как Иревиль сказал, что нужно идти дальше, а то не успеем сделать еще много добрых дел.

А уже ближе к ночи мы дошли до кладбища. Где шайка гробокопателей была расстреляна из двух плазменных пушек...

Кладбище превратилось в руины. Везде торчали дымящиеся обломки крестов, гробов и кости вырванных из них покойников. Мужики скрылись, неся потери и товарищей. Я вообще удивлена, что они смогли полчаса так здорово уклоняться. Видимо, я просто устала или не хотела стрелять прицельнее.

— Молодец. — Гэйл спрыгнул на землю и потянулся. — Но... время вышло.

И передо мной возник в воздухе снежно-белый воздушный анрел, ошарашенно оглядывающийся по сторонам.

— А я много доброго сегодня сделала, — решила похвастаться.

Анрелочек растерянно посмотрел на меня.

— Я... наслышан.

Иревиль хмыкнул и сел на землю, пиная пяткой череп крысы.

— Ты рад? — напряженно.

Анрел вздохнул, подлетел, сел ко мне на плечо и погладил по щеке.

— Ты хотела сделать добро — это главное. А его я все равно потом отмолю так, что заречется давать тебе умные советы в одиночку.

Нечистик замер, смотрит исподлобья.

— А что я сделала не так? — с любопытством.

— Ну... в следующий раз прежде, чем сделать то, что тебе посоветует Иревиль, — тяжелый взгляд в сторону последнего, — дождись меня, и я все объясню. Кладбище, к примеру, разрушать было вовсе не обязательно.

— Значит, мне все еще нужно совершать добрые дела, — со вздохом.

— Да. Но уже под моим руководством. Пошли.

— С вами можно? — с земли, язвительно.

— Если не будешь вмешиваться. — Феофан даже не обернулся. Смотрел сурово и прямо перед собой.

Я покорно пошла обратно к городу. Рёва полетел следом.

— Итак, это — приют для бездомных. Зайди, спроси, чем надо помочь, и помоги бедолагам.

Киваю, захожу в темное мрачное здание с выбитыми окнами и разглядываю кучу валяющихся на полу вонючих матрасов и оборванных грязных людей, бродящих между ними и лежащих прямо на них.

— Кому здесь помочь? — громко, выразительно, чувствуя тепло в груди.

На меня посмотрели. Кто-то закашлялся.

— Раздевайся, — из угла, с ухмылкой.

Киваю. Начинаю расстегивать штаны. Анрел посерел.

— Э-э... Илечка. Этого делать не стоит.

— Но они же ждут помощи, — Народ и впрямь затих, сосредоточив на мне все внимание.

— Застегни штаны, — тверже.

Пришлось послушаться. Кто-то разочарованно взвыл, меня обматерили и куда-то послали. Некоторые подошли ближе и, ухмыляясь, предложили помочь "стеснительной барышне". Анрел попросил отсюда уйти, но я просто не могла.

Да и глупо как-то: весь день старалась впустую, а как выдалась реальная возможность кому-то помочь, так сразу: вон отсюда.

— Я... я могу решить все ваши проблемы. Кто первый?

Меня попытались поцеловать, но я врезала коленом, и мужичка снесло через всю комнату к противоположной стене, сильно об нее припечатав. Человек без звука рухнул на пол.

От меня резко отошли. Анрел срочно полетел к пострадавшему, опасаясь, что тот уже почил. Но нет, удалось его немного подлечить до состояния стонущего тела, что меня сильно обрадовало. Даже дышать снова удалось.

К сожалению, этот акт насилия оборвал то хрупкое доверие, которое я успела завоевать. Народ стоял на расстоянии в полкомнаты, все держали что-нибудь острое и смотрели крайне недружелюбно.

— А ну проваливай, девка. — Самый старший из них, с сединой в нечесанных космах и с одним глазом, так и не встал со своего лежака, — Нечего нам помогать. Сами справимся. А вот тебе скоро помощь может очень даже понадобиться.

На плечо рухнул уставший анрел. Иревиль зло усмехался, дергая за волосы и предлагая отомстить.

Но я просто развернулась и ушла.

Наверное, они правы. Здесь — ничем помочь не смогу.

Выйдя за дверь и сев на ступени, я задумчиво посмотрела на постоянно серое небо. Шел дождь. Слабый, но надоедливый. Он стекал по лицу, забирался за шиворот и охлаждал спину. Необычные ощущения. И неприятные.

А еще мне почему-то грустно.

— Не унывай. — Анрел перелетел ко мне на колени и ободряюще улыбнулся. — Ты еще успеешь сделать много хорошего до рассвета, а я...

— А почему до рассвета? — мы с Иревилем — хором.

— Ну... ваши недавние действия... зачлись в минус. Почти все.

— Старушка в плюс? — Рёва.

— Да. Она обманывала и была разоблачена путем макания в фонтан. Гуманно и затейливо. Они оценили.

— Гм...

Я же закрыла глаза, понимая, что резко опускаюсь в огромное болото депрессии. Мне становилось все хуже и хуже от того, что:

- 1) добрые дела делать не получается;
- 2) завтра я превращусь в металлическую куклу;
- 3) не красавица, что почему-то удручает все сильнее;
- 4) а еще я есть хочу.

Стемнело окончательно, и, ко всему прочему, я промокла и замерзла. А времени оставалось — только до рассвета. Потом все. И я совершенно не представляю себе — где мне найти доброе дело.

— Не переживай, — Феофан.

Оба дружка уже сидели у меня на коленях, кутаясь в край куртки и выглядывая из-под нее.

— Просто следуй зову своего сердца. А до рассвета еще далеко. Апчи!

— Простудился? — хмуро. Рёва.

— Нет, чхи, все в порядке.

— На.

— Но это же твоя куртка!

— Просто надень.

— Спасибо, — смущенно.

— Заболеешь — возись потом с тобой, — со вздохом.

— Я не заболею. Я же анрел. А где ты шарф взял? Ой, придушишь!

Я встала и медленно побрела вниз по ступеням, держа этих двоих на руках. Иревиль

щеголял голым торсом, у Феофана из-за шарфа выглядывал только нос. Я грустно улыбнулась и пошла куда глаза глядят. Авось найду свое доброе дело.

Кажется... нашла. Доброе. Дело.

Посреди помойки сидела встрепанная, дергающая хвостами кошка, а три крысы медленно наступали на нее, оттеснив к самой высокой куче мусора. Я подняла руку, сделала из пальца "ствол" и пальнула по крысам короткой очередью, используя в качестве боеприпасов конфеты, которые утром взяла с кухни. Грызуны разлетелись в разные стороны и с визгом уползли, подволакивая лапы. (Из-за депрессии целилась я исключительно в пятые точки.)

— Мяу.

Я почесала затылок и грустно вздохнула.

— Ну привет. Похоже, у меня входит в привычку спасать кошек.

— Благодарю, — склонилась в поклоне ушастая головка.

— Говорящих.

— Ты ее понимаешь? — Иревил, сквозь стук зубов. Анрел опасно на него косился, кутаясь в две куртки и шарф.

— Ну... она только что сказала "спасибо". Ты слышал.

— Страшно за тебя рад. — После чего замерзший в зюю нечистик полез ко мне за пазуху, ругаясь и кашляя через слово.

— Иревил, на тебе куртку! — в его пятку вцепились.

— Фефа, мне тепло нужно, а не куртка, отстань.

— Но там же... грудь!

— Я в курсе. В нее и закопаюсь, — мечтательно. Засунув в вырез моей рубашки нос. — Феф.

— Что? — натужно вытягивая Иревиля за ногу.

— Я ошибся. Тут пусто.

— Чего? — растерянно.

— Грудь — сильно сказано... хрен закопаешься, короче.

— Дай посмотреть.

Угрюмо молчу, размышляя: не прихлопнуть ли обоих.

— Да... я слышал, настой хреновой травы...

— Нет, это для мужчин.

— А... да?

— Я пил. Помню.

— Ты, пил?!

— Ну а что такого? Неплохая вещь, между прочим. Блин, холодно!

— А для груди тогда что?

— Ну... можно попробовать синюю ягоду. Вон, кстати, кустик растет.

— Она же ядовитая, — удивленно.

— Хуже не будет, — твердо. — Иля...

— Отстань, — сжимая зубы, — Я не виновата, что такая...

— Я могу помочь. Снизу. Мягко.

— Как? — со вздохом шагая к кусту.

Знаю, знаю, но все равно дела мои — швах. Так что отравиться — не худший вариант.

— Я — королева кошек, и в знак благодарности за спасение жизни я могу исполнить одно твоё желание, — мурлыкнула она, изящно потягиваясь и запрыгивая на верх кучи.

— Ну... — сунув в рот первую ягоду.

— Ну как? — хором справа и слева.

— Чешется, — кивнула я.

— Что чешется-то? — заволновался Феофан.

— погоди. Я проверю. — Мне снова полезли за шиворот. Сую в рот вторую ягоду.

— Ну... — глубокомысленно, зарывшись по пояс в моем воротнике. — Кожа синееет.

Расстегиваю куртку, поднимаю рубашку и с ужасом разглядываю синие пятна, быстро покрывающие живот. Иревилль пытался вылезти, но его прижало. Феофан парил передо мной — красный и испуганный. Хорошо хоть майку надела, а то бы совсем в обморок упал.

— Это неопасно. Завтра все пройдет. — Кошечка хмыкнула и принялась осторожно умывать мордочку черной лапой.

— Да?

— Что да? — Иревилль все-таки вырвался из плена рубашки и упал мне на руку, тяжело дыша и глядя на черное небо.

— Кошка сказала — завтра все пройдет.

Анрел и нечистик переглянулись.

— Пошли домой, — предложил Рёва.

— Обсохнешь, и снова пойдем искать приключения. Ночь длинная, — покивал Феофан.

— Так как насчет желания? — с кучи.

Хм...

— Сделай меня человеком.

Половинки моей души угрюмо наблюдали, как я приближаюсь к кошке.

— Не могу, — тихо. — Для этого не хватит сил. Может... а что-то другое?

— Ну... хочу быть красивой.

— Невозможно. — Как отрезала.

Я поняла: только что мне разбили сердце.

— Фефа, мы ее теряем. Просит у кошки красоту и рычит, услышав "мяу".

— Не мешай, у девочки депрессия.

— У меня теперь тоже. Че делать-то?

— Ну... поговорят и разойдутся.

— А-а... ладно. Подождем.

— Ты вообще что можешь?

— Не поверишь, почти все, — расстроено мяукнула королева кошек, глядя мне прямо в глаза.

А у нее красивые радужки. Серебристые, мерцают в темноте и немного печальные.

— У тебя у самой ведь что-то случилось. Почему ты такая грустная?

Кошка смущенно отвела взгляд и взмахнула хвостом.

— Ты заметила?

— Ну... да.

— Мой народ гибнет. Тени пожирают нас ежедневно. Ты первая, с кем я могу поговорить. Жители нас не понимают.

— Симка рассказывал.

Глаза сверкнули, на меня внимательно посмотрели.

— Ты... так это ты ему дала ошейник с колокольчиком?

— Ну...

Передо мной медленно и очень грациозно преклонили передние лапы.

— От имени всего моего рода я благодарю тебя, человек. Недавно мы запустили их в производство, и уже сегодня полсотни и жизней были спасены только благодаря тебе.

— Так быстро? — удивленно.

— Хм... мы — волшебный народ, и создать временную копию сможет даже ребенок. Главное — иметь при себе оригинал.

Киваю.

— А как...

— Тени бежали, посрамленные горожанами, спасающими маленьких несчастных кошечек.

— А-а...

— А Симка уже в конторе. Ждет тебя. И я... я в неоплатном долгу перед тобой. Пусть

война еще и не окончена, но эта помощь никогда не будет забыта. Загадывай свое желание еще раз! И я не посмею сказать тебе "нет", даже если для его выполнения потребуется пожертвовать своей жизнью.

Я грустно подумала, что, сделав меня красивой, королева точно умрет в муках от перенапряга. Вздыхаю.

— Они уже долго болтают, — Феофан. — Я все больше верю, что кошка не просто мяукает.

— Не согласишься — я тоже.

— Но... это невозможно! Духи всегда видели и слышали больше любого человека!

— Она — киборг. Наверное, есть какое-то устройство, позволяющее понимать всех подряд, — гэйл, сверкнув алыми глазками.

— А-а.

— Я тоже такое хочу.

— Да? Ну в принципе...

— Что?

— У меня есть новый образец таблетки... С ней даже мокрицы смогут поведать тебе описание своей жизни.

— Ну мокрицы мне и на фиг не нужны, а вот птички, зверьки... А побочные эффекты? — настороженно. — Опять нимб и крылышки?

— Нет. Это доработанная версия. По идее побочных эффектов нет.

— По идее?

— На, короче.

Маленькая синяя конфетка перекочевала в руки настороженного Иревиля. Конфетку обнюхали, лизнули, посмотрели на просвет (темно — ничего не увидел) и, плюнув, съели.

— Ну... как?

— Рога не отвалились.

— А хвост, хвост проверил?

— Я те дерну! Нет. Не отвалился.

— Жаль.

— ?

— Ну то есть... ты что-нибудь слышишь? Вон они еще болтают.

— Кхм... гм. Мяу. Мя-яу, миу, мяо. Мау. Достаточно?

— Кошмар какой-то, что я скажу Милли?

— Кому?

— Ну... она главный ученый и...

— А я, значит, вечный кролик?! Передай своей... ой.

— Что такое?

— Гм... я что-то почувствовал.

— Конкретнее! — волнуясь.

— Ну... голова болит. Нос чешется. Еще кое-где чешется.

— Где?! — с надрывом.

— Там, — туманно.

— Рёва...

— О! Я чувствую прилив сил. Больше не холодно... скорее, жарко. Я горю!

— Щас, я сейчас. Вот... так легче?

— Ты всегда так эротично стягиваешь шмотки? Даже штаны порвать умудрился.

— Тебе легче? — прижимая к себе его брюки и страшно волнуясь.

— Гм... нет.

— Дай лоб. Да ты горишь!

— Я в курсе.

— На, бери антидот и немедленно ешь!

— Не хочу. А вдруг поможет?

— Рёва!..
— Слышу пение птиц.
— Каких птиц?
— Ворон. Тишина.
— Что орут? — тихо.
— Кар-р-р, — глубокомысленно. Анрел сжал зубы.
— Иревиля, или ты сейчас же съешь таблетку. Или...
— Да я просто простыл, оттого и жар.
— Но ты же дух.
— И что? Мне холодно. Я замерз, — угрюмо.

Анрел посмотрел на свои две куртки и все еще прижатые к груди штаны Иревиля. Ему стало стыдно.

— На, — протянул смущенно.
— Спасибо, — тихо.
— Так каково будет твоё желание?
— Любимого.
— ...что?
— Я хочу, чтобы ты подарила мне того, кто сможет полюбить меня больше любого другого.

— Хм... найти его будет непросто. Если он вообще существует.
— Я такая страшная?
— Но если таково твоё желание...
— Угу, — хмуро.
— Пошли.
— Иля! — сзади, испуганно.
— А? — оборачиваюсь.

Анрел бежит вслед за мной, стараясь не попасть в лужу, неся на руках чихающего и кашляющего Иревиля.

— Он... он заболел.

Рёва что-то пробурчал, но не вырывался. Видимо, действительно сильно ослаб. Сажусь на корточки, беру обоих на руки и осторожно опускаю их за пазуху. Чувствуя, как кожу холодят их крошечные тела.

— Сможешь его вылечить? — тихо Феофану.
— Уже. Но все сложно, он все-таки нечисть.
— Апчихи.

Я кивнула и ускорила шаг. Кошка уже исчезала за поворотом.

ГЛАВА 11

Старый дом, покосившиеся стены, дыры вместо окон, пыль и паутина вокруг. Здесь было неудобно, грязно и темно и уже очень давно никто не жил.

— Иди за мной. — По старым скрипящим доскам кошка легко перебежала к лестнице и направилась на второй этаж, не оглядываясь назад.

Я пошла следом, то и дело рискуя провалиться под пол, так как мой вес скрипящий настил из досок выдерживал с трудом.

И все же я тоже вскоре очутилась на втором этаже, оглядываясь по сторонам и не понимая — куда дальше?

Передо мной начинался длинный коридор с цепочкой дверей. Ближайшая справа была открыта. Туда я и последовала.

— Иди сюда.

Кошка сидела посреди огромной пустой комнаты (не менее грязной, чем холл внизу) и смотрела в огромное, во весь мой рост, старинное зеркало, нетерпеливо подергивая

хвостами.

— Загляни в него. — Это прозвучало как приказ.

Подхожу к гладкой поверхности и с трудом различаю свое отражение среди разводов и пыли.

— Его бы протереть, — задумчиво.

— Не отвлекайся. Просто повтори свое желание. С чувством. И оно выполнит его.

— Зеркало? И как же? Я увижу его отражение?

— Не совсем, — Кошка подошла к подоконнику и запрыгнула уже на него, — Мне пора, извини, но у меня сегодня мало времени. Просто запомни: произнеси свое желание как можно более четко и со всей страстью, на которую ты способна. И зеркало его выполнит.

— Да, но...

— Прощай. И... я больше не в долгу перед тобой.

И кошка исчезла в проеме, мелькнув задними лапками.

Тяжело вздохнув, я достала из кармана чистый носовой платок и начала протирать поверхность, рискуя увидеть свое непрезентабельное отражение.

— А... че мы тут делаем? — На груди закопошились, и высунулась голова Иревиля.

— Я... я потом расскажу. Ты как?

— Перед глазами плывет, жарко и сильная слабость. Поможешь?

Я послушно пересадила его на плечо.

— А где Феофан?

— Он столько сил грохнул на меня, что сейчас спит.

— Понятно.

К щеке прижались, утыкаясь в нее горячим лбом.

— У тебя и вправду жар.

— Уже легче. Температура спадает, просто у лечения — замедленный эффект. Так что мы тут делаем?

— Ну... кошка сказала, что зеркало выдаст мне суженого.

— Лучше стыреного. Надежнее.

— Не язви. Я смогу отыскать того единственного, кто сможет меня полюбить.

— А ты подумала: что будет, если тебе выдадут толстенького дедка с геморроем, к примеру? Но страшно влюбленного.

Я замерла. А ведь действительно.

— Во-от. Ой, моя башка.

— Ну я его отправлю обратно.

— Или трехмесячного младенца, — продолжал издеваться Иревиль, — который лет через дватцать... а пока будешь сама ему пеленки менять и грудью кормить... чьей-нибудь.

— Перестань.

Иревиль замер и удивленно посмотрел на меня, оторвавшись от щеки. Из глаз моих катились слезы, мне было грустно и страшно одиноко.

— Мне... мне нужен хоть кто-то.

— Но у тебя есть мы, — растерянно.

— Да. Прости. Я... я просто испугалась на секундочку, что вы не всегда будете рядом или однажды, как и все остальные, я просто не смогу вас увидеть. А еще я вчера нашла в библиотеке сказку о любви и...

Иревиль нахмурился и почесал затылок.

— Ладно. Вызывай. Там разберемся.

Я улыбнулась и кивнула, вытирая слезы и закусывая губу. Было очень страшно, но и интересно тоже. А вдруг... он будет не такой страшный и... совсем как в той книжке: высокий, изящный и с разноцветными глазами.

— Зеркало. Можешь ли ты найти того, кто полюбит меня? — твердо. Понимая глупость фразы.

— Сформулируйте вопрос точнее. — Хрустальный голос, прям как у нашего бортового

компа был.

Ну... ладно.

— Сколько существует особей мужского пола половозрелого возраста, способных испытывать ко мне чувство, обозначенное как любовь?

— Тысяча двести тридцать девять.

У Иревиля отвисла челюсть, я икнула. Смотрю на свое отражение. А я... вполне даже ничего. Гм... а если уточнить?

— Исключить зверей, птиц и всех особей негуманоидного типа.

Легкая заминка, до нас донеслась тихая мелодия.

— Семьдесят три.

Иревиль заржал, попросил дать и ему спросить. Не жалко. Мне вообще сейчас плохо.

— Гхм! Исключить всех, кто не понравится самой Иле.

Еще одна заминка.

— Десять.

Ну... уже что-то.

— Исключить тех, кого не смогу полюбить я.

— Ноль пять десятых.

Тупо смотрю на свое отражение. Это как?

— Поясни, — сжимая и разжимая кулаки в попытке успокоиться. Иревиль убеждает, что половина мужчины — неплохо. Сейчас можно неплохой протез сварганить. Главное, чтобы было основное. Мозг, к примеру, — неважен.

Духу явно лучше.

— Найдена особь мужского пола, гуманоидного вида, способная к размножению, — я отчего-то покраснела, — способная влюбиться в объект Илия настолько, что под угрозой оказываются все жизненные функции в случае полного прерывания контакта двух особей.

— Ниче не понял, — хмуро. На ухо.

— Без меня умрет, — пояснила я.

— А-а...

— Индекс ноль пять десятых означает равное процентное соотношение вероятности вызова как положительных, так и отрицательных чувств взаимной любви со стороны объекта Илия.

Тишина.

— Че? — тихо. Слева.

— Либо я в него влюблюсь и все будет хорошо, либо нет и он опять же умрет.

— Кто умрет? — из-за воротника, выбираясь на подгибающихся руках.

Помогла, посадила бледного анрела к Иревилю. Тот тут же его обнял, не давая свалиться на пол и заботливо шупая лоб то ему, то себе. Заодно анрелочка ввели в курс дела.

Я же крепче сжала кулаки, зачем-то кивнула своему отражению и медленно произнесла пересохшими губами:

— Прошу перенести сюда последнего найденного из общей выборки человека.

Легкая заминка.

— Он не человек.

Рёва и Феофан заткнулись.

— А кто? — Феф, испуганно.

— Тырг.

Тишина. Иревиль тихо просит фотку или видеозапись, а то мало ли... какие там тырги бегают.

— Ваше время истекает. Просьба ответить утвердительно или отрицательно на перенос объекта в эту комнату.

А он здесь хоть выживет? Мало ли, русалка какая...

Кусаю губы, глядя в дикие глаза отражения.

— При условии нормального функционирования тела в температурном и прочих

режимах этого мира ответ... положительный.

— Ответ принят, — прошептал хрустальный голос. И все стихло.

Стою, жду. Чувствую себя — глупо.

Час спустя.

— Что-то тырк опаздывает.

— Рёва, тихо. Не видишь: нашей девочке и так плохо. И не тырк, а тырг, сколько можно повторять?

Я возилась с зеркалом, разыскивая микросхемы, контуры магии или еще что-нибудь. Но если таковые и были, то уж слишком хитро спрятаны. Так что в итоге я просто взяла раму и начала трясти зеркало над полом, надеясь, что объект из него все-таки выпадет, а то застрял.

Оба мелких духа сидели на полу у окна и задумчиво за мной наблюдали.

Приближался рассвет, но энергии, полученной мною за спасение кошки (дело-то доброе), должно было хватить еще дня на два жизни. По крайней мере, мне так Феофан сказал. Вот никто и не торопился.

— Не вылезит? — Рёва. Печально.

Я обиженно поставила стекло на место, подошла к ним и тоже села.

— И сколько еще ждать? — Иревилъ за ночь совсем поправился и теперь явно был очень голоден, — Небось в конторе скоро завтракать будут. Опоздаем же!

— Ты ж недавно помирал. — Феофан удивленно разглядывал угрюмого нечистика.

— Во-от, столько сил потратил — жуть! Мне требуется дозарядка.

— Пойдите. Смотрите.

Духи послушно замолчали и тоже уставились на зеркало, поверхность которого только что пошла рябью.

— Думаешь, это оно? — сверкая алыми глазками.

— Не знаю.

Утыкаюсь носом в колени и жду, глядя исподлобья. Я очень надеялась, что это оно.

Полчаса поверхность волновалась, потом мы уснули. Лично мне уже было все равно. В конце концов, если во всем мире есть всего один, кто может меня полюбить, но и тот не сможет здесь выжить... какой смысл волноваться?

— Переход завершен. Подтвердите заказ.

— Переход завершен. Подтвердите заказ.

— Переход завершен. Подтвердите заказ...

Сонно сажусь, протирая глаза и не понимая, что за шум. Зеркало же упорно повторяло одну и ту же фразу, но с каждым разом все тише и тише...

— Э-э... заказ подтверждаю! — на выдохе, подползая к стеклу и хватаясь за раму.

Тишина. Щелчок.

— Заказ подтвержден. Спасибо, что воспользовались услугами компании "Я и Ты".

— Что? — растерянно.

— Компания "Я и Ты" более тысячи лет соединяет сердца. Ваш заказ не требует оплаты, так как эта модель была выпущена на юбилейный — тысячный — год существования компании, в том числе и в рекламных целях. Мы желаем вам приятной жизни вдвоем и всего наилучшего в вашей дальнейшей судьбе. И просим не забывать номер нашего визофона... — Далее последовала полная абракадабра из цифр и звуков.

— Да-а, такое запомнишь. Иль, ну че? Его уже видно?

— Иревилъ, успокойся. Ты что-нибудь наколдуешь в ажиотаже, и мы так и не увидим мистера тырга. — Феф явно был на нервах.

Смех Иревиля. Кажется, дух послушно сел на место.

Вот наконец и он!

Поверхность расступилась. Я встала и отошла назад.

А прямо из зеркала, словно из вертикального озера ртути, медленно выходил... Гриф...

Парень рухнул на пол и затих. Я же так и не смогла закрыть рот.

— Прошу подтвердить заказ, — прошептало зеркало.
— Э-э... — все трое.
— Прошу подтвердить...
— Принятие заказа подтверждаю, — пересохшими губами, осторожно трогая Грифа кончиком сапога.

Зеркало успокоилось, рябь исчезла. Тишина.

— Феф, как считаешь: тырг влюбился в нашу Илечку до или после того, как она им пропахала пол-арены?

— Не язви. Любовь всегда неожиданна и... желанна.

— Ну и я о том же. Она ему морду подправила, он в нее втюрился, ибо ранее столько ни от кого не огребал. А тут такой хук справа-а. Красота!

— Иревиль, прекрати немедленно, он может нас услышать.

Тяжелый вздох.

— Какой ты, Фефа, все-таки неромантичный.

— Я? Я очень даже романтичный! И тут... я... я просто не хочу это обсуждать!

— Да? Ну вот ты уже целовался? Алые щеки анрелочка.

— Шо? Ни разу?! А Марго? Зря я вас, что ли, знакомил?

— Я от нее сбежал, — еле слышно. Хрюканье Иревиля.

— А хоть есть кто на примете? — откашлявшись и все еще улыбаясь.

— Не скажу, — хмурясь.

— Гм... значит, есть. И кто она? Учти, не скажешь — всем знакомым анрелочкам растреплю, что ты влюблен конкретно в каждую.

Лицо Феофана посерело.

— Не... надо.

— Колись, — подползая ближе.

— Ну...

— Ну?

— Ну... ее... ее зову-ут...

— Я сейчас рожу. Как зовут-то?

— Синя.

— Как?

— Синя, — чуть громче.

— Сенья? Опять мужик?!

— СИНЯ!!!

— Кхм. Не ори, я понял. И как далеко зашло дело?

— Я с ней в прошлом месяце поздоровался. Стук лба Иревиля об пол.

— Что?! — Феф. Возмущенно.

— Она явно тебя запомнила, — язвительно. — Не каждый день все-таки анрелы говорят "здрасьте" анрелам.

— Но она не анрел!

— ...а кто?

— Й-а... я не могу... это личное! — с надрывом.

— Черт возьми... неужели из наших?!

— Нет, — мрачно.

— А кто? Феф, предупреждаю: не расколешься — придушу. У меня хрупкая психика.

— Она падшая!!!

Тишина. Я сию секунду неподалеку от так и не пришедшего в сознание Грифа, Иревиль напряженно обдумывает полученную информацию.

— Сильно? — тихо.

— Отстань, — зло.

— А... обратно ее никак?

— Нет.

— А если самому...

Тоскливый взгляд. Иревиля все-таки перекрестили.

— Больно...

Гриф пошевелился и осторожно сел, держась за голову и оглядываясь по сторонам. Обнаружил меня, удивленно моргнул.

— Ты... что ты здесь делаешь?

— Это моя фраза. Ладно. Вставай, пойдем.

— Погоди. — Схватил за руку, притягивая обратно.

Меня будто током ударило. Захотелось вырваться и срочно куда-то сбежать. Теперь, когда я точно знала, что он влюблен в меня... каждая фраза, каждое касание... пугали.

— Что не так? — хмурится.

Выдергиваю руку. Сажусь.

— Она знает, что ты ее любишь, — Иревиль, с пола.

Глаз Фефа дернулся. Гриф в упор посмотрел на меня. Я, вся красная, отвожу взгляд, следя за тем, как Феф ползет к Иревилю, обещая его придушить. Тот же даже и не думает замолкать:

— Мы нашли зеркало! Она загадала желание: найти того, кто втюрится. Нашла! Гы-гы. Тырг, блин.

Гриф дернулся. Точно, о его расе ни один из нас знать был не должен.

— Хм... то есть меня призвали? — не отрывая от меня взгляд.

— Ага! А еще мы знаем, что ты без нее это... функциклировать не можешь. Сдохнешь в муках, ежели бросят. Круто?.. — Хрипы. Анрел зажимает рот гэйлу, не переставая мне ободряюще улыбаться.

Я уже смотрю на окно, незаметно отодвигаясь от Грифа.

— И что ты мне ответишь?

Это он мне?

Смотрит спокойно... черные глаза сверкают в обрамлении ресниц. А челка рваной каймой падает на лоб. Такой красивый. Но мне плохо, очень плохо. Сама не знаю почему.

— Я не знаю, что ответить, — глухо, отводя взгляд.

Ну не могу я в глаза ему смотреть.

— Значит, ответ не положительный, но и не отрицательный, — усмехнулся он.

После чего встал, рывком поднял меня на руки и вынес из комнаты, пинком распахнув дверь.

Я еще подумала, что поднять меня не мог даже вампир, сколько же в нем силы? А лица уже коснулись первые капли дождя.

На полу в комнате остались сидеть задумчивый анрел и кашляющий гэйл.

ГЛАВА 12

Я уснула. Сама не верю, но меня... меня, кажется, даже в прошлой жизни никогда не носили на руках.

Вообще ясные воспоминания о прошлых жизнях все еще почти отсутствуют. Так, контуры ощущений и некоторые вспышки картинок. Но на руках все-таки не носили. Уверена.

И так уютно, оказывается, когда чувствуешь себя хрупкой девушкой, а не верзилой с килограммами. Я утрирую. Но все же...

— Илия, что с тобой?!

Открываю один глаз, рука в форме дула упирается в глаз магу. Ой... это не я, это тело киборга. Отключаю систему трансформации, вернув сначала себе кисть и пальцы.

Гриф осторожно ставит меня на порог конторы. Доски протяжно скрипят, но выдерживают, напоминая о весе.

— Я... все хорошо.

— Но Гриф принес тебя на руках.

Мы уже стоим в холле. Маг открыл Грифу дверь — еще сонный и в ночнушке. Подпол открыт, и я догадалась, что, проснувшись, старичок решил немного похимичить, да так, наверное, там и уснул. В камине уже догорал огонь, а ночь медленно сменялась днем. Вот только облака никак не хотели рассеиваться. Я вообще не помню тут чистого неба. Ни разу не видела солнце.

— Маг!

— Что? — закрывая дверь и рассеянно улыбаясь.

Мне так нравилась эта его улыбка. Всегда добрая, ласковая, словно отцовская.

— Почему в городе всегда пасмурно? Солнца никогда не...

— А как, ты думаешь, в этом городе смогли выжить вампиры и Тени? — Вниз спускался Сим, зевая и приглаживая пальцами волосы.

Гриф пошел вверх — принять ванну, наверное. Вспоминаю, что мы с ним живем в одной комнате, и это уже не кажется забавным.

— Так здесь что, совсем не бывает солнца?

— Только по особым дням. — Сим пожал плечами и подошел ко мне. Смотрел сонно, постоянно зевал. А я вот вообще спать еще не ложилась, — К примеру, на Новый год или в день летнего солнцестояния, ну и еще на некоторые праздники, по ним в храмах ритуалы и назначают. Бракосочетания там...

— Хм...

— А что? Скучаешь по звезде?

— Ну не то чтобы... вообще я дождь люблю, особенно когда он идет вечером, барабана по стеклу, а я сижу с книгой, замотанная в плед, и с тортом в одной руке и чашкой какао в другой.

— Какао?

Раздраженно смотрю на вампира.

— Что такое "чай", "летнее солнцестояние" и прочее — ты знаешь, а какао... ладно, забудь.

В дверь робко постучали.

— Кто еще там?

— А? — вампир все еще анализировал ответ.

Но я уже подошла к двери, одновременно вешая куртку на вешалку, и распахнула ее настежь.

Два мокрых синих духа парили на уровне моих глаз и мелко дрожали, обняв друг друга.

— Залетайте. — Я же о них совсем забыла. Ну вот кто я после этого?

— Скотина, — просветил меня Иревилль.

Феф промолчал. И оба влетели внутрь.

— Там никого нет, — известили сзади.

— Точно, — киваю я и с грохотом захлопываю дверь, и без того державшуюся на соплях (опять силы не рассчитала), она вздрогнула, отделилась от косяка и рухнула внутрь.

Я успела отскочить. Духи — нет. Слишком устали, чтобы смотреть вверх.

Вампир с тяжелым вздохом толкнул меня по направлению к кухне и попросил сесть за стол и молчать, пока я еще чего не сломала. Киваю, вытаскиваю из-под двери Рёву, сжимающего ногу Феофана, и бегу на кухню.

Надеюсь, горячий чай и плюшки приведут их в чувство. Пока... даже смотреть жутко на эти лица с выпученными глазами.

Гриф завтракать не спустился. Впрочем, как и Эдо. А вот Симка радостно мяукнул при виде меня и гордо сообщил, что мой колокольчик всем очень понравился. Тенюки бегут, едва заслышав вой взбешенной "сигнализации". Единственный минус — владелец игрушки тоже временно глохнет от децибел.

Духов кладу рядом с тарелкой, переживая, что они все еще не очнулись. Вздыхаю...

Тоже мне защитница: они обо мне всегда заботились, помогали, а я их бросила, да еще и дверью огрела. Жаль... Жаль, что не умею колдовать и лечить.

Хотя...

— Маг!

— А? — Старичок как раз наливал себе чаю и чуть не расплескал кипяток.

— Мне... мне нужна мазь, заживляющая все. Есть?

— Вы поранились? — нащупывая висящие на груди очки и водружая их на нос. Забавные. И глаза такие большие сразу.

— Ну. Не совсем. Короче, очень надо.

— Кхм. Тогда подождите немного, я...

— Я с вами.

— Что ж...

Вампир удивленно проследил за мной взглядом. Симка остался доедать ужин. Он прекрасно понял — для кого нужна мазь.

Духов вымазала с ног до головы. Маг впервые мог увидеть их очертания — из-за белого геля, покрывшего тела. Долго спрашивал, уточнял, не верил. Попросил пообщаться с ними, притащил какой-то том и в великом волнении искал язык анрелов и гэйлов.

Не нашел — расстроился.

Гель впитался довольно быстро. Уже минут через пять ребята очнулись и слабо зашевелились. Потом Феофан сел и растормошил Иревиля. Я долго и путано извинялась, сунув в руки кое-как севшему Рёве большой кусок шоколадного торта (он такие обожает). Торт откусили, на меня смотрели мрачно и недоверчиво.

— Ну вот что хотите сделаю, — огорченно.

— Что ж. — Феф встал, покачнулся — и сел.

Маг притих, внимая хотя бы моим словам и глядя на движущиеся остатки геля.

— Я не таю на тебя зла, дитя мо...

— А я таю! Короче. Мне нужна ванна, утенок резиновый, а лучше два — Феф тоже пойдет, я его знаю. — Анрел покраснел и возмущенно глянул на опередившего его Рёву, перемазанного в шоколаде и все еще хмуящегося, — Будешь месяц доставать нам торты и плюшки... пирожки тоже подойдут, слушаться меня, как папу, и...

— Иревиль!

— Я не анрел, мне злостновать положено, — отмахиваясь.

Анрел задумался. В принципе да, но...

— И дашь спать на твоей подушке.

— Но на ней уже сплю я, кот и Гриф, местами, — растерянно.

Маг ахнул, я не обратила внимания. А что делать, если уходить Гриф не собирается и даже вампир не смог ничем помочь? Вот и приходится всю ночь отбирать одеяло и каждое утро упорно просыпаться на его груди (спящий Гриф при этом выглядит так, словно обнимает не киборга, а любимую игрушку; я же... просто устала бороться).

— Хочу кровать! — Рёва, обиженно.

— Сделаю, — со вздохом.

— Тогда прощаю, — важно. Икая от переедания и разглядывая обгрызенный кусок торта, — Хочешь?

Анрел отрицательно покачал головой, опасаясь испачкать тогу.

— Ну вот и хорошо, а теперь мыться и есть. Тут умывальника нет?

— Там.

— Угу.

Маг с грустью следил, как пропадает белый крем, а с ним и очертания невидимых существ. Попросил меня передать им, что хочет подружиться. Я передала. Феофан растроганно пообещал молиться тоже и над его головой по ночам. Рёва, хихикнув, сказал, что страшно рад и съедать теперь будет и его порцию тоже. О чем я магу и сообщила. Тот

почему-то был счастлив.

Люблю ночи. Никого. Дом объят сном и тишиной. И только ты, как безликое привидение, спускаешься вниз, мечтая непонятно о чем и чувствуя это щекочущее чувство внутри.

Луна белым призраком скользит по небу, освещая стены и лестницу дома прозрачным светом. Тучи, исчезнувшие на ночь, напоминают о себе лишь редкими облаками, затеняющими изредка лунный диск. А в дымоходе завывает ветер, раздувая потухшие, но все еще тлеющие угли камина в зале...

Свет зажечь не решилась. Прокралась на кухню, нашарила на полке свечу и осторожно ее зажгла.

А на столе, чавкая тортиком, сидели два духа и удивленно на меня смотрели.

— Гм.

— Тоже за тортом? — Рёва. Понимающе.

От торта, кстати, мало что осталось. И куда в них столько влезает? Или это они еще вечером столько съели?

Анрел старательно краснел, отодвигая свой кусочек, перемазанный шоколадом до бровей. А на подоконнике сидел Гриф и насмешливо мне улыбался. И как я его сразу не заметила?

— Привет, — смущенно. Да-а, я теперь и смущаться умею.

— Ешь. Я свой кусок уже проглотил.

Я тут что, самая последняя?

Сажусь, пытаюсь отрезать часть. Иревилль возникает, что я жадничаю, и просит резать поменьше. И вообще я тяжелая, мне худеть надо.

— Это кость, — отрезая треть оставшегося куска.

— Какая "кость"? Ты себя взвешивала? Мамонт!

— Да ладно тебе, — довольно вонзая зубы в торт, — осталось еще много.

— А на завтра?

— Завтра еще купим. Закажу в трактире.

— А-а... Фефа, можешь так не давиться, завтра еще будет.

Анрел закашлял.

— Ну Фефа!

— Ире... кх, кх виль! — сквозь слезы. — Я давно перестал есть!

— А чем подавился? Слюной? Бывает. Тоже на диете?

Пунцовый от стыда анрел отвернулся и расстроено посмотрел на меня. Я тут же сунула ему в руку часть своего куска. Он благодарно улыбнулся, откусывая и закатывая глазки.

— А мне?! — Иревилль уже стоял у моей тарелки, протягивая ручки и хмурясь.

Пришлось и ему дать. Три. Так как он переживал, что я жадничаю и он никому здесь не нужен.

— Забавные они у тебя, — усмехнулся Гриф.

Киваю, забравшись на стул с ногами и пытаюсь выкинуть все мысли о парне из головы. Ну любит и любит. Вот когда сама влюблюсь, тогда и задумаюсь. А пока перегружать голову не хочу.

— Ты куда-то собрался?

— Нет. Я всегда по ночам по кухне шатаюсь. А ты?

— А я... я, пожалуй, выйду.

— Куда? — Черные глаза мерцали отраженными бликами пламени свечи. Красиво.

Пришлось придумать историю о том, как сильно мне нужно совершать добрые дела, а то заболею от безделья... в прямом смысле.

Гриф воспринял весь этот бред на удивление спокойно и не задал ни одного вопроса. Либо не поверил, либо ему псе равно. А вообще... и что это за раса такая, тырги? Надо будет у мага спросить.

— Значит, тебе постоянно нужно совершать много хороших дел?

— Ну... в общем и целом — да. Только я не вполне понимаю: что и где совершать?

— Тогда бери задания. Они все — против вышедшей из-под контроля и разбушевавшейся нечисти. Добрые дела, как ни крути. Приработок опять же.

— ...А где достать задания?

— В кухонном столе их полно.

Следующие полчаса мы вчетвером копались в ворохе бумажек, раскидав их по всему столу. Сортировки — никакой. Пришлось разложить хотя бы по датам. Единственное, что делал маг, когда складировал весь этот ужас в ящик, — это выкидывал те объявления с заказами, что уже были выполнены. Да оно и понятно: все надписи на таковых пропадали автоматически.

— Вот эта ничего, — подал голос Иревиль, оставляющий шоколадные следы на всем, к чему прикасался.

Свеча медленно оплывала, давая достаточно света и превращая обычный выбор в некое таинство. Уютно.

— "И зело страшное чудище живет у меня в унитазе. Рычит страшно, кусает баб и мужиков, не дает справлять нужду! Награда — десять риз".

Я только отмахнулась. Гоняться за монстрами по канализации сильно не хотелось. Их там сотни. Как я найду нужного?

— А вот тут просят спасти девушку, — анрел. Взмолнованно. — Убежала в лес, надев красную шапочку и юбочку. Юбочку нашли, девушку — нет.

— Сколько дней этой заметке? — вздыхая.

— Э-э... десять лет.

Роюсь дальше. Либо девочка вернулась, либо ее съели. В любом случае: спасать и искать кого-то уже поздно.

— А вот тут готовы заплатить аж сто риз!

Смотрим на удивленного Иревиля. Деньги немалые. Интересно.

— Что там? — Феф.

— Просят... уничтожить нечисть, шастающую по ночам по дворцовой библиотеке.

Смотрю за окно. В принципе сейчас ночь.

— А почему столько платят, не сказано? — Гриф, задумчиво.

— Не-а. Сказано, что уничтожить нужно срочно.

— Ну я пошла. Иревиль, Феофан, вы со мной?

— Конечно, Иля, куда ж ты без нас. — Анрел взлетел на правое плечо.

Рёва подхватил на взлете еще кусок торта, плюхнулся на левое и что-то согласно промычал. Усмехаюсь и шагаю к двери. Гриф спокойно идет следом. И, не напрягаясь надеванием ботинок, как был босиком, выходит из конторы.

— Ты тоже идешь? — растерянно глядя ему вслед. Я.

Он пожимает плечами, сунув руки в карманы, и первым шагает в темень, шлепая прямо по лужам.

Дождь все еще моросит противно. Быстро хватаю две куртки, закрываю за собой в который раз починенную дверь и бегу следом.

— На. Простудишься.

Удивленно смотрит на ветровку. Оскал улыбки напрягает.

— Я не умею болеть.

— Да?

— Но спасибо.

И куртку надела, не отрывая от меня взгляда черных как смоль глаз.

— Не за что.

ГЛАВА 13

Гм... ну и на что я надеялась, сунувшись во дворец ночью? Сонная стража меня

послала сразу: по короткому, но емкому адресу, уверяя, что принимают — утром, а по ночам шастать не фиг. Объяснить, что я именно по ночному делу, — не смогла. Гриф предложил перебраться через стену, слегка выпустив из пальцев жгуты. Но я только отмахнулась и "открыла" ворота тремя выстрелами из пушки. Никого не задело, и во двор мы все-таки попали... Под конвоем, сопровождаемые тычками острых копий в спину по направлению — тюрьма. Что меня опять же не устроило. Но не успела я вновь трансформировать пушку, как к нам подошел один из Теней и жестом приказал убрать копья. Тот самый, с турнира. Хотя... других я и не видела.

— Ты? — удивленно.

Протягиваю ему лист заявки. Он пробежал глазами по немного размытым дождем буквам, вновь посмотрел на меня.

— Я из конторы "Нечисть и Ко". Пришла выполнить заявку. Но... меня некоторое время не хотели впускать.

— Осторожно, — обрывая мой монолог, — Не перегибай палку. Тебе дозволено далеко не все.

Опускаю взгляд, зачем-то выжигая им на мокрой земле шипящие линии.

Стража попятилась. На меня смотрели, как на опасную сумасшедшую. С тихим шорохом выдвинулись на всю длину жгуты Грифа, но тот даже не шевельнулся, все так же стоя неподалеку и сложив руки на груди. Он наблюдал. Не вмешиваясь.

— Хм... это угроза? — Страх в голосе не было.

— Если хочешь. Пока у меня нет никаких причин что-либо менять. Но я не люблю ограничения моей свободы.

— Не хочешь перейти на службу Совету? У тебя будет все. И свобода, и деньги. И власть.

Смотрит пристально. Оценивает реакцию.

— Прости, нет. Это и будет резкое ограничение моей свободы.

— ...Иди за мной.

Растерянно моргаю, стирая со лба воду. Волосы прилипли к голове, с ресниц капало. Он что, решил меня не наказывать? Почему? Или накажет после? Что-то мне не верится, что такую наглую выскочку, как я, проигнорируют.

Идем по переходам замка. Я уже потерялась бы, если бы не мой электронный мозг, четко фиксирующий всю визуальную информацию на 3D-карте, развертывающейся на периферии зрения. К примеру, я точно знаю, что мы уже сделали пару петель и теперь спускаемся вниз. Гриф молча следует за мной. Тень молчит.

— Иль, мне скучно, — на левое ухо, напряженно.

— Потерпи, — Мой шепот почему-то подхватывает эхо и разносит по всему коридору. Предупреждать надо.

— Что-то не так, миледи? — Тень и не думает оборачиваться.

Еще нервирует, что он один и не взял с собой стражу. Так уверен в своих силах?

— Все нормально. Но тут странное эхо.

— Мы называем этот коридор "звучным", каждое слово, сказанное здесь, тут же разносится окрест и слышно каждому находящемуся в нем.

Кошусь на Иревиля, пересаживаю к нему анрела, чтоб повлиял. Феофан не понимает — чего от него хотят.

Нечистик же, не обращая на меня внимания, резко запускает молнию в Тень. И не одну. Все вместе создало довольно сложную систему замкнутого кольца. У Тени не было шансов.

Сверканье, вой, вскрик. Застываю в коридоре, сжимая кулаки. Ну Рёва...

Смотрю на смущенно слушающего вопль Феофана Иревиля. Анрел никак не может выразить свою мысль словами, только беспомощно тычет рукой в распростертого на полу и пытающегося встать провожатого и воет: "Ы-ы-ы!.." Наверное, хочет сказать "ты". Тоже тычу пальцем в Тень, хмурия брови.

Мужчина, чуть привстав, закашлялся, обернулся и, увидев мой палец и хмурое

напряженное лицо, сжал зубы.

Рёва сказал, что больше так не будет.

Тень сказал, что меня убьет, и скользнул ко мне.

Не успеваю перейти в режим боя.

Между мной и Тенью встает Гриф.

Тело парня отшвыривает назад. Он едва успевает вцепиться жгутами в колонну, разворачиваясь по дуге, и вновь врывается в противника. Стою и наблюдаю за обоими, не спеша влезать и анализируя.

Гриф бьет резко и по болевым точкам. Перекрывает кровоток, умело оценивает позицию противника и моменты, когда равновесие того наименее устойчиво, успевая просчитывать все ходы наперед и принимая решения на бешеной скорости.

Плюсы: я могу войти в режим его скорости. Минусы... не смогу отвечать на том же уровне. Проиграю. Почти наверняка проиграю. Тень слишком нестандартно бьется.

А если спарринг? Смотрю на Грифа. Сработаемся? Нет.

Он одиночка, да и невозможно разработать спонтанную систему поддержки так вдруг, я только помешаю ему.

Варианты закончились. Единственно приемлемый — уйти с поля боя, пока Тень занят Грифом. Еще секунд десять, думаю, битва продлится — я как раз успею покинуть дворец и скрыться в городе. Смогу спасти душу...

А внутри так больно!

Приказ понят. Режим боя активирован.

Врезаюсь в противника, пропуская разом все удары, чувствуя, как трещины бегут по костям. Сжимаю в объятиях и пропускаю ток такой силы, что Тень начинает дымиться, но все еще сопротивляется, хаотично бьет куда попало, больше не нанося смертельных ран. Врезаю еще одним зарядом, прижимаясь лбом к его плечу. Хруст ломаемых позвонков, кажется, моих — смог-таки вцепиться в голову. И все равно он уже проиграл.

Падаем оба.

Гриф лежит неподалеку и пытается встать уже раз в пятый. Смотрит зло и прицельно.

— Бура!

Не откликаюсь.

Повреждения — сорок четыре, сорок семь, сорок девять...

Гриф подползает, рывком отдирает мои почерневшие руки от Тени, переворачивает на спину, отталкивая ногой тело противника. Смотрит в распахнутые глаза, сжимая зубы.

— Бура, ответь.

Картинка перед глазами мерцает и гаснет.

Пошевелиться не могу — поврежден спинной кабель. Ответить тоже не получается: что-то с речевым центром, а еще не бьется сердце... Я мертва?

Спокойно. Все нормально. Повреждения несмертельны. Надо подумать о чем-то другом — к примеру, Симка рассказывал: после атаки на одного из членов Совета от нападавшего не осталось даже пепла. Так что мне еще повезло... Да и Совет расслабится, поверив в мою смерть и в то, что я ему больше не угроза. А то уже наворотила дел — уничтожила одну из Теней, спасая Симку, слишком показала себя на турнире и после — в подземельях. Еще и Грифа у них увела...

Теперь, правда, придется покинуть город: оставаясь здесь, я подставляю всю контору. Но зато в итоге все решится как нельзя лучше.

Хорошо бы только еще... в себя прийти или чтоб Гриф до конторы донес.

В крайнем случае — придется самовыкапываться из могилы.

— Отойди.

Голос Сима, что ли?

Звук отвинчивающейся крышки фляги. В горло что-то льется, проскальзывая по пищеводу. Все еще не могу ни дышать, ни глотать.

— Что это?

— Настойка иггиса. Высвобождает внутреннюю энергию, способствуя восстановлению повреждений. Элв дал, должна помочь.

Точно Сим. Но откуда он здесь?

— Рёва, я больше не... могу.

— Феф, ша настойка подействует, ты ж слышал. Еще немного.

— Она умирает, — Слезы в голосе. — Ты теперь тоже прозрачный, смотри.

— А ты меня не разглядывай, а лечи давай. Если погибнет мозг, ты не то что прозрачным станешь... ты вообще исчезнешь.

Всхлип.

— Фефа, не реви. Лечи лучше.

— Я лечу.

— Она не дышит, — Гриф, тихо.

— Погоди, еще не все. Должно пройти время.

— Сколько?

— Не знаю. Просто жди.

Повреждения — пятьдесят пять, пятьдесят семь, шестьдесят пять, семьдесят три...

Я вообще выберусь?

Тень врзал-таки мне напоследок чем-то очень мощным — чем, я так и не распознала. И оно теперь медленно разрушает тело изнутри...

Лежу, слушаю, как тяжело дышит маленький Феофан, отдавая последние силы. Чувствую, как мою руку держат чьи-то теплые пальцы. А еще... меня куда-то засасывает. Вокруг становится темно, тихо и мрачно... Наверное, люди это и называют смертью.

Тук.

Тук-тук...

Тук-тук-тук...

Бьется. Сердце.

Зрачки сужаются, пальцы слабо дергаются.

— Она...

— Тихо. Пошли. Быстро.

Меня подхватывают и куда-то несут.

— За мной! Нельзя выносить ее через парадный вход. Она мертва, понимаешь? Так что иди за мной.

Слышу шипение вампира. Меня легко покачивает, на груди лежат потерявшие сознание духи. Начинаю видеть.

— Теперь в подземелья. Идти будем на ощупь. Сможешь?

— Да.

— Тогда пошли.

Бег вниз, повороты. Бесконечные повороты и команды Сима.

Зачем он это делает? Откуда вампир вообще взялся? Не понимаю. Мозг виснет. Ах да: выход из режима боя.

Все болит, не чувствую ни ног ни рук. Голова словно отделена от тела, а внутри что-то щелкает, движется, срывается и заживает. Куклу дети поломали, кукла чинится — бывает.

— Сюда.

Неясный свет, такой тусклый — ночной, но ярче тьмы подземелий, — касается глаз. Зрачки чуть сужаются. Меня выносят наружу. Сим кивает и бежит вниз по улице. Выход так далеко от дворца? Странно. Хотя...

В конторе светло. Нас ждут.

Гриф заносит меня внутрь, маг качает головой, велит срочно положить на стол. Суется, роняет пробирки и ругается под нос. Элв и гном помогают меня укладывать и закрепляют руки и ноги в зажимах.

Глупо. Я не буду дергаться. Я не смогу.

Вкалывают какое-то лекарство. Потом второе, третье. Маг постоянно что-то бормочет,

хмурится. Правильно, на, меня ничто не действует. Элв принес еще той настойки, а гном вливает в горло свое вино. Странно, но оно помогает. Энергия, пусть и настолько слабая, высвобождается и идет опять же на восстановление.

А самое странное — мне не больно. Все хмурятся, переживают. А я просто лежу, слушаю их голоса и жду, когда смогу пошевелиться.

Под утро меня спрятали в подвал. Там оказалась потайная комната, куда меня и запихнули. Кажется, днем приходили стражники Теней. Им позволили все осмотреть. Меня не нашли.

Вскоре пришли в себя и Иревиль с Феофаном и следующие два дня постоянно спали рядом со мной на подушке, восстанавливая силы. Феф сказал, что все будет хорошо.

Только через неделю пошевелила рукой. Через месяц — смогла ползать, потом ходить. Постоянно хотелось есть, причем металл. И не железо или медь, а по крайней мере хорошую сталь... Долго не могла найти ничего похожего, но Гриф иногда притаскивал удивительно вкусные мечи и доспехи из непонятного сплава. Прочный и жаростойкий, он прекрасно встраивался в кости. И я могла поглощать его килограммами буквально за секунды — пугая окружающих и заставляя Грифа искать новые куски.

А потом однажды спустилась вся команда и сказала, что мне пора. Меня уже не искали по всему городу, поверив в гибель, но на всякий случай назначили неплохую награду за мою голову. Так что... действительно пора было исчезнуть.

— Что ж, спасибо за все. — Неуверенно улыбаюсь, взъерошив немного отросшие волосы и вставая с кровати. — Я не забуду вашей помощи.

— Я с тобой! — напомнил о себе котенок, сидящий на руках элва.

— Тебе лучше остаться в городе с родными. Да и от статуса моего слуги я тебя давно освободила.

Пушистик надулся. Феф и Иревиль осторожно его гладили, убеждая, что так и вправду будет лучше.

То, что Гриф пойдет со мной, почему-то даже не обсуждалось (все мои возражения парень просто пропускал мимо ушей).

— Вот карта потаенных земель. Она... очень редкая. Будь осторожна — рассыпается на глазах, — смущенно улыбаясь и протягивая свиток.

Я благодарно кивнула магу. Гном вздохнул и протянул целую флягу своего чудодейственного пойла, отрывая буквально от сердца. Элв молча положил на тумбочку возле кровати мазь.

Уходить не хотелось. Совсем. Но и оставаться нельзя, и я это понимала.

— Бура. — Сим стоял у двери и хмурился.

— Что?

— Ты ведь недавно превращала свою руку в оружие, помнишь?

— Да. Это нанотехнологии и...

— Я понял. А почему ты не можешь полностью изменить свою внешность точно так же?

Хм... как же ему объяснить, что однажды написанная и запущенная сложная программа, держащаяся на сотне мелких кристалликов мозга, не может быть вот так запросто изменена.

— Просто поверь. Не могу.

Он нахмурился и кивнул. Вопрос был снят.

Я развернула карту и внимательно ее рассмотрела. Впервые видела настоящую, до этого маршруты мне рисовали на листочках. Пойду на запад. Там, судя по карте, — конец мира. Не знаю, что это означает, но узнать стоит, так как в любом другом месте Тени меня отыщут обязательно.

— Ты прости, что так, — тихо попросил маг, не зная, чем бы еще заполнить гнетущую тишину.

— Все нормально. Я скоро найду способ изменить внешность и смогу вернуться.

Смотрят удивленно, недоверчиво. Не буду уточнять, что для этого надо стать человеком.

— Вы ведь примете меня?

Гном усмехнулся, элв смотрит внимательно, а вампир серьезно кивнул.

— Возвращайся. Примем.

— Только, — хмурюсь, — почему вы так со мной возитесь? Я ведь чужая.

Растерянное переглядывание, усмешки на хмурых лицах.

— Дай-ка подумать, — улыбнулся маг, — ты спасла Сима, освободила контору от налогов и заодно уберегла нас от долговой смерти. Да еще и сплотила всех так, что, никогда раньше не общаясь, мы начали завтракать, обедать и ужинать в компании друг друга. Хм... наверное, просто ты теперь здесь своя. А своих мы не забываем и не бросаем. Запомни это, девочка.

Киваю, улыбаясь и чувствуя дрожь в руках. А после — быстро выхожу наружу.

Не умею я выражать искренние эмоции. И никогда не могла.

Мы все уже в зале. Я оглядываюсь по сторонам. Знакомо все. Камин, стол... за окнами — темень. В капюшоне моей куртки лежат в обнимку Феф с Иревилем и уже храпят вовсю — опять всю ночь дурачились, а теперь отсыпаются.

Ребята стоят неподалеку, маг мнет в руках какой-то листик и постоянно смущенно улыбается. Гном сидит на стуле и опирается локтями на колени. Голова опущена, кулаки сжаты. Мне его стало жалко.

— Ну... всем пока. — Неуверенно улыбаюсь.

Гриф выходит с огромным тюком всякой всячины ("на дорожку") и хмуро смотрит на элва, вручившего ему ранее мешок.

— Слушайте, — задумчиво, гном, — а почему мы не можем ее просто в парня переодеть?

Стою у двери, пожимая руку магу и прижимая к груди котенка. У пушистика — слезы. У меня — шок.

— Фефа! — из капюшона. — Мы идиоты.

— Да? — сонно.

— Нет, правда! — Гном вскакивает и подбегает ко мне, изучая так пристально, что хочется... прикрыться, что ли. — Постричь... налысо! Перетянуть грудь. — Грудь попытались пощупать.

Под дых я ему заехала почти случайно. Гном охнул и рухнул на пол. Затих.

Элв усмехнулся, но под нашими осуждающими взглядами тут же принял скорбный спокойный вид.

— Я согласен с Крутом. — Вампир широко улыбнулся, обнажая острые клыки, и подошел ко мне. — Тебе не нужно куда уходить. Оставайся. А легенду мы сообразим.

— Угу. И назовем тебя... Рик! А что? Хорошее имя, — Маг нервно ходил по комнате, поправлял очки и улыбался, весело на меня поглядывая.

Вопросительно смотрю на Грифа. Мой личный телохранитель просто скинул с плеча огромный мешок, чуть не проломив им пол.

— Остаемся, — сухо.

— Ура! — из капюшона. — Феф, просыпайся! Мы куда не идем!

— Я проснулся, — задумчиво. — Слушай, а может, поможем и что-нибудь наколдуем? Чтобы скрыть ее облик.

— А вы можете?

Никто не обратил на меня внимания. Народ суетился вокруг добравшегося до стула гнома, обсуждая, как меня загримировать получше и что мы будем есть на ужин, а то все проголодались. Да и отпраздновать мое "возвращение" тоже явно стоило.

— Хм... — Перед носом завис анрелочек и задумчиво на меня посмотрел. — В принципе, если взяться вдвоем... что думаешь, Иревиль?

Мягко хлопая крыльями, к нему подлетел Рёва и довольно и широко улыбнулся:

— У меня гениальная идея!

После чего меня заставили зайти обратно в потайную комнату и в полной темноте наложили столько обездвигивающих чар, что очень скоро я уже и сама не понимала: кто я, где я и как должна выглядеть.

— Феф! Это не нос, а какая-то картошка!

— Я стараюсь, — напряженно, — но это так трудно!

— А ноги делать не трудно? Ой, блин, опять одна — длинней второй.

Я попыталась было встрять, но меня еще раз обездвигили, и тело безвольно рухнуло на постель.

— Продолжим, коллега. — Иревилль бегал по моей груди, сверкая глазками и ухмыляясь.

Анрелочек сидел на моем лбу и огорченно оглядывал лицо с широко распахнутыми глазами.

— Боюсь... не справлюсь. Это ж такая ответственность.

— Тогда дай я, — решительно.

— Ну уж нет, — хмурясь и поднимая ручки. — Знаю я тебя: превратишь девочку в блудницу, один взгляд на которую заставит мужчину кричать... от наслаждения.

У Рёвы отвисла челюсть, он тяжело задумался.

— Ну... а что. Я могу!

— Не сомневаюсь, — угрюмо. — Та-ак... ротик поменьше. Еще меньше.

По быстро увеличивающейся груди протопали маленькие ножки.

— Она в него даже ложку не засунет!

— Да? — растерянно.

— Да. Вот как надо.

— Губы слишком пухлые, — хмуро. — Вот так лучше.

— Ну... ладно. А глаза куда дел?

— Мама... Да вон же они! Невинные, красивые...

— Даже слишком невинные. Глаза должны быть большими!

Мир раскрылся новыми красками, я увидела весь потолок разом.

— Щек теперь нет, — трагично.

— Ну... ты ж хотел. Чтоб мужики орали.

— Я не хотел, — возмущенно. — Дай сюда. Вот та-ак.

Тяжелый вздох.

Дальше они магичили ресницы, исправляли нос, ругались из-за формы бровей и долго бегали по кровати, моделируя тело.

Когда мне вернули голос — рискнула спросить:

— Но ведь даже я не могла менять внешность? — хрипло и сквозь кашель.

Тишина.

Смущенное сопение меня насторожило.

— Понимаешь, Илечка, — тихо начал анрел.

— Короче, все те плюсы, что ты набрала за хорошие деяния, преобразуются в нашу силу. Ну мы ее и потратили только что, а потому тебе придется начинать ее сбор заново, — радостно выпалил Иревилль.

— Какую силу? — растерянно.

— Которая превратит тебя в человека, — мягко. Феофан. — Да?

— И... сколько мне еще надо будет теперь ее собирать?

— Ну мы вроде закончили. Пошли, Феф. Я уже ощущаю запах готовящихся булочек.

И эти два... духа! Улетели, оставив меня в полном одиночестве и шоке. Так это что означает — мне теперь все сначала начинать? Да я ведь даже не знала, что у меня уже есть запас собранной силы и какой именно! А впрочем... его у меня уже нет. Ладно, об этом — потом. Надо хоть понять: что я есть. Первое — подняться.

Кое-как встав, я тут же неловко упала на пол, чувствуя свое новое тело как что-то

чужеродное и ощущая, что стала намного ниже. С третьей попытки все же приняв вертикальное положение, я осторожно вышла из комнаты на свет и прошла к зеркалу, стоящему у входной двери, рискнув наконец взглянуть на новую себя.

Хм... сразу виден почерк обоих духов.

Невысокая изящная фигурка с грудью второго размера. Золотые длинные локоны мягких волос, большие голубые глаза и пухлые губки маленького ротика... Прежняя внешность нравилась мне гораздо больше, на эту же явно будут обращать слишком много внимания. Хотя... зато теперь не придется притворяться парнем. Изменить ведь можно многое, но не рост. Так что во мне никто больше не заподозрит прежнюю Бура-тину.

— Кто вы?

Оборачиваюсь и смотрю в сощуренные глаза Грифа. Смотрит спокойно и в упор. Ну если даже он меня не узнал...

— Нравится? — На его левое плечо сел уже перемазанный вареньем и явно объевшийся Рёва. — Это Бура. Хорошо, что не узнал.

Изображаю что-то вроде реверанса.

Гриф задумчиво оглядывает меня с ног до головы и подходит ближе, касаясь волос пальцами.

— Нравится? — сама не зная, что хочу услышать в ответ.

— Да, — пожал он плечами, после чего взял за руку и поволок на кухню.

Я смотрела ему в спину и хмурилась, не понимая — почему щеки начинают пылать от одного короткого слова?

Странно.

Весь остаток дня друзья восхищались моей внешностью: щупая, допрашивая и налегая на еду. В общем, все были довольны, да и просто рады. В том числе и я... засыпая в теплой кровати, уткнувшись носом в шерстку котенка. И слушая храп Иревиля и тонкое посапывание Феофана.

А еще — зная, что Гриф — совсем рядом. И охраняет мой сон.

ГЛАВА 14

Я, Иревиль и Феофан сидим в полночь на кухне и едим шоколадный торт, запивая его чаем, вернее, тем, что тут чай заменяет. Правда, мы сначала пытались оставить Фефа на стреме, а то мало ли что... (Крут вчера объяснял, что торт его, а точнее — предназначен в подарок какой-то его подруге. Но... Рёва же, смекнув, что завтра эту сладкую прелесть унесут и мы останемся ни с чем, уговорил нас оприходовать тортик сегодня.) Светлый дух сначала наотрез отказался и минут десять пытался объяснить нам, что есть чужое — плохо. Хорошо, что Иревиль исхитрился сунуть ему в рот кусочек, и... и чавкали мы дальше втроем.

— Фефа, не жадничай! — пронзительный шепот офигевшего Иревиля.

Анрелочек дрыгал ногами, увязнув в креме и пытаясь выбраться.

— Сейчас помогу, — я. С набитым ртом.

Помогла. Анрел — весь в креме — висит над столом и отплеивается, пытаясь вдохнуть. Осторожно удерживаю его за крыло, пока Рёва двигает чашку, в которую просит макнуть блондинчика, а то не отчихается.

— Не надо меня макать! Я... просто поскользнулся.

— Дай его сюда, — грозно.

Сую анрелочка в руки Рёве, снова запихивая в рот шоколад.

— Фефа! — хмуро и патетично. — Мне кажется, тебе на сегодня хватит.

— Почему? — испуганно.

— Слипнется, — значительно.

— Чего?

Улыбаюсь наивности анрела, которому на ушко шепчут — что обычно слипается от

перебора сладостей.

Шок в больших голубых глазах и унылое:

— Ну... ладно.

Фефа посадили на стол и вернулись к тарелке, продолжая начатое.

Сидим. Жуем. Смотрим на анрелочка.

— А у вас не слипнется? — угрюмо.

— Мы тренированные, — с широкой улыбкой.

Я закивала, прихлебывая чай.

Анрелочек тяжело вздохнул... но тут зажегся свет, и перед нами предстал Крут.

Я отодвинула тарелку и постаралась сделать умный вид. Торт, размазанный по столу, — вопиял. Крут сонно на него уставился и зевнул.

— А... чего это ты тут делаешь?

Гм...

— Прибираюсь, — как можно более убедительно.

Ржач Рёвы, обиженный восклик Феофана о вреде вранья.

— А-а... а я водички зашел...

В глазах Крута мелькнуло узнавание. Он узнал поднос. Голубой, с цветочками, на который сам лично еще вечером торт и водружал, пока мы все истекали слюной (элв даже рискнул понюхать краешек, но ему грозно показали кулак, и красавчик, фыркнув, удалился).

— Что тут происходит? — В дверях возникла фигура заспанного Грифа. Угрюмо оглядев стол, он возмущенно уставился на меня, — А мне?!

Н-да-а... нехорошо получилось.

— Я хотела тебе принести.

— Что принести? — В кухню протискивался элв в ночном колпаке и с вздыбленной челкой.

Меня терзают смутные сомнения. Они всей толпой попить пришли или тоже хотели откусить кусочек?

— Бура! — Глаза гнома страшно полыхнули.

— Да! — влез элв, расстроенно разглядывая стол.

— И как будешь выкручиваться? — Гриф уже присел на более или менее чистый угол стола и взял в руку один из трех оставшихся кусков.

Элв заторопился взять свой. Гном же все еще стоял с открытым ртом, весь красный и явно желая высказаться.

— Я испеку! Еще один. До утра. — Последняя фраза прозвучала совсем тихо, но меня услышали.

— Хм... а ты умеешь? — Крут смотрел в упор, все еще красный от ярости и хмуря брови.

— Конечно. А чего тут уметь? У меня все рецепты в памяти кристалла хранятся, — поправляя грудь (мешается!).

Все замороженно проследили за моей рукой. Гном быстро кивнул.

— Чтоб до утра было! — И вышел за дверь, громко ею хлопнув. (Ну хоть не прибил.)

Тяжело вздыхаю и смотрю ему вслед. За спиной слышится довольное чавканье, и тихий голос Рёвы произносит:

— Фефа, я тут вишенку нашел. На.

— Спасибо, — смущенно.

— Вкусно?

— ...н-нет.

— Вот и я так подумал...

Оборачиваюсь к ребятам, хмурюсь.

— Так. Помогать будете?

Все отрицательно качнули головами, элв мне улыбнулся.

— Ну и ладно, тогда хоть не мешайтесь.

Все покивали. И я принялась готовить — впервые в жизни. Запуская программу и инструкцию по ее применению.

Мозг мгновенно вобрал в себя открытый файл, руки сами включились в работу, а над плитой зажглось призрачное волшебное пламя.

Поехали.

Светало.

Рухнув на стул — оглядываю свой "шедевр", не побоюсь этого слова. А еще я впервые в жизни устала... Не физически, но морально. И очень хочу спать.

Эльв, Гриф, маг (не выдержав, спустился на наши крики — эти двое пытались мне советовать, что и как делать) и Сим стояли вокруг водруженного на стол торта и восхищались. Феофан и Рёва рыдали на плече друг друга от счастья. По их совету торт был сделан в виде Крута, изображенного в позе "задравшей ногу балерины": в пачке, на пуантах и со сверкающей улыбкой на грозном лице. Котенок забрался на руки и мурлыкнул, сворачиваясь клубком.

— Ну что, шедевр готов, — зевая, — Я — спать. Мне больше...

— Пойду гнома позову, — Сим, вылетая с кухни и едва сдерживая хохот.

Остальные пожелали ему удачи, эльв посоветовал завязать "счастливцу" глаза.

Угрюмо смотрю ему вслед.

Сидим. Ждем. Гриф пересел на ручку стула и перебирает изящными пальцами золото моих волос. Он в последнее время вообще как ребенок — вечно их трогает, дергает, тормозит... Иревиль как-то сказал, что парень и еще кой-чего потрогал бы, но тут уже бдит Феф. И заклинания у него — одно убойнее другого, несмотря на защиту нечистика, который не устает доказывать права молодости... пока безуспешно.

В коридоре возня, ругань гнома.

— Глаза не трогай!

— Это сюрприз, — напряженно.

— Я ж не вижу, куда иду!

Раздается грохот, судя по звукам — рухнул шкаф.

— МОЯ НОГА!!! У-убью!

Сим влетел весь мокрый, запыхавшийся и встрепанный.

— Привел, — нервно.

После чего затырился к окну.

В дверях же возникла мощная фигура Крута — с повязкой на перекошенном лице и с заплывающим глазом. Оглядевшись, он хмуро уставился на торт и замер, открыв рот.

Ждем реакции. Слышно, как муха жужжит под потолком.

— Это чего? — тихо.

— Торт. Нравится? — Я включила повышенную пигментацию кожи щек и смущенно опустила глаза, хлопая ресничками. (Рёва научил.)

Гном тяжело на меня смотрел, не зная, что бы такого... нерезкого сказать.

— А труссы где? — нашелся он.

У эльва началась истерика, он уткнулся в грудь Сима, глотая ржач. Растерянный вампир неуверенно его обнял.

— А зачем? — Я. Тихо. Ковыряя пальчиком дырку на штанах Грифа. Тот отчего-то напрягся и замер. — Я же ничего не прилепила... там, — загадочным шепотом, думая о карманах и пуговицах, которые было лень делать.

Надрывный стон ржущего эльва тут же привлек к себе все внимание. Эдо икнул и притих, отлипая от ошарашенного Сима и снова принимая слегка надменный вид. Что это с ним?

Гном в полной тишине откашлялся и зачем-то полез смотреть под юбку, тщательно сотворенную мною из воздушного крема.

Мы, затаив дыхание, наблюдаем. Крут нервничает, ничего не понимая и шумно сопя.

— Ничего нет! — грозно. Чтобы хоть что-то сказать.

Маг закашлял в кулачок. Все крепились, внимая с умным и слегка трагичным видом. Я — с удивленным.

— Ты рад? — на всякий случай.

— Нет! Как я это девушке покажу?!

Гм, мужчины...

— Крут, ну не переживай ты так, — влез Сим, — Это же просто такой сладкий шуточный подарок. Я лично уверен, что любая девушка была бы страшно рада такое получить, — с ободряющей улыбкой.

Радостно на него смотрю.

— Но эта "девушка" — теща моего брата, — тихо.

Улыбки увяли. Снова оценивающе смотрим на скульптуру.

— И она... твоя девушка? — Сим. Растерянно.

— Нет! Я так сказал, чтоб просто... просто... да отвяжитесь вы! Что делать-то?!

Молча сажусь обратно. Элв судорожно закашлялся, но на него шикнули, и парень притих.

Сидим. Думаем, страдаем. Гном растерянно оглядывается по сторонам, явно переживая не на шутку. Времени сделать еще один торт нет.

(Рёва тихонько предложил оторвать все лишнее и сложить в кучку — "маме" понравится. Задумчиво на него смотрю.)

Короче... понес так. Мы торт красиво упаковали и все вместе проводили Крута до двери. Гном уже на улице оглянулся, сжал зубы, хлопнул носом и пошел.

— Удачи, — помахав напоследок.

То, что он пробурчал под нос, — я просто не расслышала, как и полагается каждой уважающей себя девушке.

ГЛАВА 15

— Си-им, ты куда? — Слетаю с лестницы, перепрыгивая через три ступеньки.

Вампир замер у двери и опустил голову, нащупав ручку.

— На задание.

— Я с тобой! — хватая с вешалки чей-то плащ.

— Прости... это слишком опасно.

— Но...

— Он — по бабам. — Гриф. С лестницы. Вгрызаясь в лиру (что-то вроде яблока, но очень кислое).

Останавливаюсь и обиженно разглядываю алые уши вампира.

— Э-э... ну, пока, — Оскал улыбки и захлопнувшаяся перед носом дверь.

— Фефа, не держи меня! Я тоже по бабам хочу-у-у! — откуда-то с кухни.

— А отчет кто составлять будет? Я один? Хм... ладно, давай составлю. Опишу тебя... праведником, — ядовито.

— Блин.

Вспоминаю, что с утра эти двое обсуждали что-то насчет составления отчетности о проделанной работе. Вот теперь и мучаются.

А мне дела надо добрые совершать! Снова пальцы плохо гнутся.

— А где элв?

Гриф перепрыгнул через перила на ковер и пожал плечами.

— Ушел утром.

— А... а... Крут?

— Со вчерашнего дня не было. Как торт отнес — так его больше никто и не видел. — Гриф проказливо усмехнулся.

— Ну... тогда пойду сама.

— Я с тобой.

Я и не сомневалась.

— Бурочка!

Застываю в дверях, вопросительно оглядываясь. Встрепанная голова мага показалась над полом из люка, меня поманили пальцем.

Пришлось подойти.

— Вот. Это задание тебе подойдет. А то опять куда-нибудь влипнешь.

В руку сунули мятый липкий листочек с корявыми завитушными записями. Пытаюсь его прочитать, держа вверх ногами.

— Э-э...

— Давай, я прочту. Записи элва никто никогда не разбирает.

— Элва?!

Это он так пишет?

Гриф присел на корточки рядом со мной, я же и вовсе свесила ноги в люк, рядом с головой щурящегося сквозь очки мага.

— Так. Тут написано о награде в пятьдесят риз тому, кто сможет поймать сбежавшую бубачку. Порода: пике. И... рисунок.

— Всего пятьдесят? — расстроено.

На меня внимательно посмотрели, сдвинув очки на кончик носа.

— Это тоже деньги. И неплохие, смею заметить. Вам же — лучше начинать с малого, ибо в больших деяниях вы, моя дорогая, уже добились... впечатляющих результатов.

— Как она хоть выглядит? — смущенно забирая листок.

— Ну... ах, ну конечно... Вы же — не совсем маг и не знаете элементарных заклинаний.

Киваю, морщась. Здесь магия — на каждом шагу, но машины колдовать не обучены, даже если это машины с душой.

— Я помогу. — Гриф осторожно провел над листком рукой и что-то шепнул.

Воздух над бумагой засветился, и в нем медленно проявился силуэт небольшой симпатичной... бубачки — с кучей шерсти, из которой торчал только черный мокрый нос да короткие когтистые лапки. Черненькая, с бусинками затерянных в шерсти глаз, она выглядела довольно мило, немного смахивала на щенка.

С порога кухни донеслось грозное шипение — котенок возмущенно фыркнул на рисунок и исчез в ее глубине. И тут кошки не любят собак.

— Ладно. Берусь.

Маг довольно кивнул и вновь исчез в лаборатории, что-то пробурчав под нос.

Не вслушиваясь, я направилась к двери и уже через минуту выходила в промозглую сырость, зябко кутаясь в плащ. Гриф — вышел следом, как был: в рубашке, штанах и босиком, продолжая держать в руке записку о вознаграждении.

Вздохнув, я немного повысила температуру тела и бодро зашагала вниз по улице. Стало тепло и комфортно. А за Грифа я уже давно не переживала.

Ну что ж. Начнем?

— И где нам ее искать? — второй час бродя по городу и уныло оглядываясь по сторонам.

Я уже полсотне горожан показала портрет, но животное никто не признал.

— ...помойки мы облазили все.

Кошусь на свои ноги, от которых жутко воняет.

— Н-да.

— В притонах для животных были. На окраине — тоже.... Нужно идти к магу и просить взять след на ее ауру.

— А?

Я остановилась и удивленно уставилась на спокойное лицо Грифа.

— А ты не знала, что так можно?

Убейте меня. Я что, зря два часа бегала под дождем? В капюшоне чихнули и

показались горящие воспаленные глаза Иревиля.

— Бордель, — хрипло, кашляя в кулачок.

Нечистик уже часа два как смылся из-под надзора Феофана, нашел нас и с тех пор уламывал срочно посетить одно злачное место.

— С ума сошел? Ты себя со стороны видел?

— Я не за тем! — возмущенно. — В борделе "Красная стрела" есть одна знакомая. Нам там выделяют теплую комнату и перескажут все сплетни города.

— Не понимаю.

— А тебе и необязательно! — И мокрый несчастный дух снова закопался в мокрый капюшон, вздрагивая от порывов ветра и пытаясь высушить его магией.

— Что ж, — угрюмо, тоже кутаясь в плащ, — в бордель так в бордель. Хотя я и не совсем понимаю: ведь даже если у тебя там есть знакомая — люди-то ее все равно не видят. И прочие расы тоже. Так что вряд ли...

— ПРОСТО НАЙДИ БОРДЕЛЬ!!!

— ?!

Гриф хмыкнул и взял меня за руку.

— Я знаю, где это.

Кивнув — иду за ним, стараясь нагреть по пути спину так, чтобы хоть немного утеплить Иревиля. От плаща пошел пар. И дождь, кажется, начал стихать.

Не заболел бы.

Вымокли-таки до нитки, но добрались... И впрямь, бордель. Стою, смотрю, анализирую. Мокрый злой Рёва сидит на моей руке и хмуро трясет головой, пытаясь хоть немного прийти в себя. Надо бы его подлечить. Но как?

— Что мне сделать?

На меня смотрят маленькие алые глазки.

— В смысле?

— Что мне сделать, чтобы тебе стало легче?

— Что-нибудь плохое, — со вздохом. — Тогда у меня прибавится сил и... ладно, забей. Феф меня не простит, если я начну тебя науськивать. У нас договор: свобода твоей воли.

Ничего не поняла... плохое? Но пальцы на левой руке уже плохо слушаются. И если я вместо доброго дела еще и совершу проступок...

А, ну и пусть!

Сую Рёву Грифу и подхожу к двери. После чего, выбив ее ударом ладони, вхожу и даю в глаз первому подбежавшему. Этим первым оказался щуплый хрупкий парнишка с широкой улыбкой и сверкающими глазами. Полуголый — он отлетел назад, врезался в стол и затих. Смотрю на духа, убирая мокрые прилипшие пряди волос со лба.

— Легче?

Трепыхание крылышек, задумчивый вид.

— Ну... если бы ты его еще и попинала немножко...

Подхожу к отключившемуся парню, задумчиво поднимаю ногу.

Нет. Не могу.

Сажусь и щупаю пульс. Вроде бы в норме, да и ударила я слабо.

— Что он вам сделал?! — Ко мне подбегает какая-то женщина, склоняется над пареньком, прижимает тельце к внушительной груди и со злобой смотрит в мои глаза.

Даю ей пощечину и встаю. Дама в шоке прижимает пальцы к щеке, глядя на мое совершенно спокойное, без каких бы то ни было эмоций лицо расширенными от страха глазами.

— Я уже в норме! — На плечо садится довольный здоровый дух и победно оглядывается по сторонам, — Хотя, конечно, мелковато, мелковато.

— Что тут происходит?!

Оборачиваемся и удивленно смотрим на Феофана. Мокрый, напряженный и с сияющим нимбом — он парит в дверях, как непорочная душа, увидевшая всю грязь человеческой души

разом.

— Ой, Фефа... какими судьбами залетел в бордель? — Рёва явно смущен.

Кошусь на мальчика и даму. Анрелочек всплеснул руками и полетел к ним.

— Ты ему шею сломала? — в шоке. — Да?

Дама дергается и смотрит на меня. Гриф стоит у окна, ни во что не ввязываясь. Такое ощущение, что, если бы я начала убивать всех подряд и есть печень, он бы и бровью не повел. И этим... он мне особенно нравится.

— Так. Погодите. Рёва!

— Чего?

— Он — инкуб. Иди сюда, поможешь.

— Вот ещ... — Пристальный взгляд ледяных глаз. — Иду, — со вздохом.

— Кто вы? — пока духи лечат паренька, обращаюсь к даме.

— Х-хозяйка борделя.

В глазах и голосе женщины — страх. Наверное, ее еще никогда не били просто так, без каких бы то ни было поводов и эмоций. Вот она и не понимает — что со мной и буду ли дальше продолжать издеваться. Не буду. Иревилъ здоров. Да и ударила я очень слабенько, скорее для виду, вон даже следа на щеке не осталось. А паренек — просто неудачно упал...

Внезапно что-то начинает болеть в груди. Душа, загнанная внутрь дождем, слякотью и непогодой, просыпается, удивленно оглядывается по сторонам и буквально требует дать ей снова управлять телом.

Хорошо. Опасности нет. Я... не против.

— Хм... Еще раз. Меня зовут Бур... Сильвия.

— Я — мадам Бижу, хозяйка этого дома.

Киваю.

— Мы со спутником пришли сюда за информацией. Может, знаете, где находится это животное? — протягиваю ей мятый грязный лист объявления, к тому же еще мокрый.

Женщина послушно проводит над ним чуть подрагивающей рукой и всматривается в бубачку.

— Я...

— Это не она, — влезает Рёва, устало отлетая от открывшего глаза и севшего паренька. — Пошли наверх, там есть та, что нам нужна.

Киваю, подхватываю его на руки и иду вверх по ступеням, уже не слушая монолог женщины, переходящий в удивленный оклик. Оборачиваюсь и снова ей улыбаюсь. Я — вежливая! Не то что моя вторая половинка.

— Мы ненадолго, не волнуйтесь.

— Но вы... вы должны сначала выбрать и заплатить...

Гриф отлипает от стены и идет вслед за мной. Из его плеча выскальзывают жгуты и почти ласково касаются концами ее лица. Вскрик, тишина и расширенные от ужаса глаза. Больше нас не задерживают.

Еще раз улыбаюсь и, перепрыгивая через три ступеньки за раз, поднимаюсь наверх, следуя указаниям Рёвы. Феф — догоняет нас сам и осторожно садится на правое плечо, хмурясь и пытаясь вытереть голову краем моего капюшона.

— Вот ее комната!

Смотрю на высокие синие двери с занятыми зелеными порнорисунками на них.

— Так, слушай внимательно! Ее зовут Зиса, она очень... неординарная личность, и злить ее не стоит.

Рёва кого-то боится?

Хочу увидеть Зису.

— Ладно.

— И ни в коем случае не спрашивай про шрам! На шее.

— А что с ним?

— Она... она нервничает из-за внешности и гримирует его. Но не очень удачно. В

детстве упала...

— Я поняла.

— И говори комплименты, как можно больше... А вообще, знаешь, лучше я сам с ней поговорю.

Вздыхаю и делаю шаг назад. Все трое наблюдаем за судорожно поправляющим одежду духом. И что там за девушка, если даже Рёва так нервничает?

Стук, тихое покашливание.

Тишина.

— Может, я стукну? — Гриф.

— Не надо.

Гм...

Снова тихий стук и более натужное покашливание.

— Кто там? — мягкий мелодичный голос, ни на миллиметр не приоткрывшаяся дверь.

— Это я! Рё-ова, — ласково.

— Иди на фиг, Рёва.

Снова тишина.

Стук.

— Ты еще там? — с угрозой.

— Я... я был неправ!

— Ты меня обесчестил, — зло.

С интересом разглядываем духа. Как можно обесчестить того, кто работает в борделе?

— И сбежал! Так что или сам уходишь, или выйду я.

— Но, дорогая! Я же объяснял... мой друг.

— Да помню я! Твой друг — анрел избил тебя, прибегнув к жуткой магии, и посадил на кол. Думаешь, поверю?

— Куда я его посадил? — справа. В ужасе.

Иревиль махнул рукой, призывая не мешать.

— А он здесь! И может лично все подтвердить. — И тут же то-оненьким голоском, изображая анрела: — Он прав! Я — Феофан и люблю издеваться над Рёвочкой, ибо страшно его люблю и вообще он та-акой пра-а-ативный.

Пытаюсь не засмеяться, смотрю в пол. Слева печет ухо. Кажется, анрел вспыхнул небесным пламенем и в данный момент пытается сообразить благословение покруче.

— Извращенцы, — из-за двери. Сухо.

— Да! Но нам нужна твоя помощь. Так как мы...

Но тут Гриф шагнул вперед, врезал ладонью по дереву, вбивая дверь в комнату, и вошел, ступая по прогибающимся узорным доскам.

Рёва застыл с открытым ртом и поднятой рукой.

— И где она? — Парень огляделся по сторонам, сощурившись, посмотрел на Рёву.

— Видимо, под дверью, — Вхожу следом и отодвигаю Грифа в сторону, пытаюсь приподнять ее за ручку.

— Шутишь? Там и комар не поместит...

Смотрим на размазанную по полу фигурку точной копии Иревиля, только в женском варианте.

— Зиса-а!

Мимо меня мелькает быстрое черное пятно, девушку пытаются приподнять и прижать к груди. Анрелочек на плече рассматривает круглое, чуть потрескивающее на ладони благословение, раздумывая — что с ним делать.

— Феф, позже.

Тяжелый вздох и бурчание под нос. Но благословение убрали.

— Как она?

— Жива, — хмурясь и нервно помахивая хвостом. — Но придет в себя не скоро. Дашь каплю крови?

Киваю и прокусываю палец, выдавливаю немного алой жидкости и сцеживаю ее в когтистые ладошки. Ею и напоили девушку, сидя на выбитых дверях и ожидая, когда очнется.

Есть! Ресницы затрепетали, Зиса медленно приоткрыла глаза.

— Рёва?

— Я тут. — Голос дрогнул.

И я наконец-то поняла — что именно такого особенного в этой Зисе. Просто нечистик влюблен в нее. Кажется.

— Как ты?

— В глазах темно. Мне страшно! Что... что с моей ногой?

— Дергается.

— Ой!

— Не переживай, я ее держу.

— Идиот! Это конвульсии. Я умира-аю!

— Не надо. Я все сделаю! Только скажи!

— Тогда... поцелуй. Сочный чмок.

— Ой, прости. Я нервничаю. Еще один чмок.

— Ну как? — с надеждой.

— Нога еще дергается?

— Обе, — с ужасом.

— Прощай, — тихо. Пуская слезу.

Вспоминаю, как точно так же недавно симулировал Рёва на руках у анрела. Чмок. Чмок. Чмо-ок.

— Блин, Рёва! Ты меня еще обесчесть на людях, извращенец!

— А поможет?

Пунцовый Феф закрыл ладошкой глаза, сидя на моем плече.

— Нет! Меня, между прочим, дверью размазало, если ты забыл.

— И что делать? — растерянно.

— Крови, — тихо. На меня пристально посмотрели.

— Дай палец.

— Не ее крови, — еще тише.

— А чьей?

— Твоей.

Алые глаза решительно сузились, а коготки рванули ворот рубашки.

Шумное сербанье. Бледнеющий на глазах Рёва, к шее которого присосались намертво.

Он уже серого цвета. Сую ему под нос свой прокушенный палец, давая выпить моей крови. Дух благодарно кивает и пьет, зажмурившись.

— Все! — Рёва рухнул на пол и затих.

Феофан нахмурился и полетел к другу — узнать, жив ли.

— Кровь влюбленного в тебя духа... мм... это неописуемо.

Осторожно приподнимаю за крылышко довольно симпатичную черненькую девушку размером с Фефа.

— Так ты меня видишь? — удивленно.

— Знаешь, где ее найти?

Гриф, все это время сидевший рядом, сует ей под нос картинку с бубачкой, глядя как спокойно, словно ничего такого и не произошло.

— Конечно, — пожав хрупкими плечами. — Она на псарне. Завтра будет продана на аукционе какому-нибудь богатому старику. Все знают, что кровь бубачек при правильном приготовлении улучшает зрение. Правда, ненадолго — года на два. Но и то хорошо.

— Где пройдет аукцион? И... откуда ты это знаешь?

— Информация — мой конек и заработок. Да и, так как хозяйка работает в таком месте, сил у меня — хоть отбавляй.

— А где твоя хозяйка сейчас? — Я.

— С клиентом у бассейна. А я осталась в комнате. А что?

— Нет... ничего. А ты... тебе нравится Иревиля?

Девушка посмотрела на с трудом приходящего в себя духа.

— Он забавный... мне с ним весело. Но любовь... Наша раса давно в нее не верит. И чем старше мы становимся, тем сложнее влюбиться.

Светящиеся алым глаза широко распахнулись и внимательно посмотрели на личико сидящей у меня на руке гэйлы, так похожей на самого Иревиля. Ее глазки грустно сияли желтым, а головка была чуть опущена. Я заметила, как Рёва решительно стиснул зубы и даже самостоятельно сел. Но анрел все равно взял его на руки и перенес, посадив рядом с девушкой.

— Я научу тебя любить, — хрипло и с такой уверенностью в голосе... что мы обе удивленно на него уставились.

— Попробуй, — усмешка и взмах длинных чернильных ресниц.

Но тут их прервала вбежавшая в комнату невысокая стройная девушка с лицом ребенка и с кучей рыжих кудряшек на голове. Гэйла встрепенулась и перелетела с ладони на ее плечо, весело помахав ручкой.

На правом плече вбежавшей девушки сидела худая, забитая, бледная анрел с серыми крылышками и черными тусклыми глазками. Феофан ахнул и подлетел к ней.

— Зиса, так ты была здесь, плутовка! Ой! А вы кто? — на нас с Грифом удивленно уставились.

Я неуверенно встала.

— Здравствуйте, а мы тут... простите за испорченные двери. Да и вообще мы, в сущности, просто мимо проходили... И уже уходим.

— А, — разочарованно. Тут же теряя к нам всякий интерес. — Ну как знаете. Только, уходя, не забудьте заплатить за двери мадам Бижу. Она страшно скаредная и непременно заставит вас рассчитаться.

— Ага.

И я выскользнула в коридор, зная, что Гриф идет следом. Мне почему-то было немного... неловко. То ли от сцены с Иревилем, то ли от того, что Феофан остался там, поговорить с анрелочком девушки...

Кошусь на Иревиля. Такой грустный.

— Вряд ли она видит своего анрела, — внезапно пробурчал он себе под нос. — Ее чистый дух слишком слаб, чтобы человек смог заметить. А вот Зиса — очень сильна. Так что хозяйка вполне может ее различить.

— А я... другая? — хмурясь.

— Ты вообще не человек.

На этом тему мы посчитали закрытой. И некоторое время шли молча. Пока Рёва не начал зевать, потирая глаза. Дождь, кстати, кончился.

— Иль, а можно, я к тебе за пазуху переберусь? Поспать.

Киваю:

— Почему нет.

И довольных дух ныряет за ворот рубашки, попросив не будить его по меньшей мере часа два.

ГЛАВА 16

Вечер. Подвал. Ряды клеток с животными, и мы с Грифом, крадущиеся между ними, подобно ворам...

Н-да-а, сколько же тут зверья! Иду, оглядываюсь по сторонам и удивляюсь. И волшебные и неволшебные. Дикие и не очень. Рядом с одним я вообще остановилась надолго. Маленький и пушистый, с огромными печальными глазами и впечатляющими

клыками — так и звал взять себя на руки и погладить... Правда, когда я его все-таки взяла — шипел, кусался, визжал и очень старался, но так и не смог прогрызть мои стальные кости и тросы мышц. Что его просто убило. Почти в прямом смысле — два зуба сломал и впал в депрессию. Упорно несущего его дальше, сама не зная зачем.

Гриф — идет следом, как и я, разыскивая бубачку.

Вы спросите: а как насчет охраны? И почему нам не мешают так спокойно ходить где вздумается? Ну просто хозяин дома, в подвале которого и находилась псарня, как и прочие недовольные личности, в данный момент валяется на первом этаже, временно неспособный даже прийти в себя, а не то что помешать нам. Причем лично я и пальцем не пошевелила. Гриф, по-моему, слишком близко к сердцу воспринял наш небольшой разговор с хозяином о "любви" (мне предложили заплатить за бубика собой) и бил чуть ли не насмерть. Еле убедила его, что не хочу снова попасть в полицию Теней. Довод вроде был принят — после работал аккуратно, что радовало.

— Я нашел его — наш "заказ".

Засовываю рычащего зубастика за пазуху, забыв, что там спит Рёва, и бегу на голос Грифа. Надеюсь, хоть эта бубачка будет поспокойнее.

— Хм... действительно. Похож. Точно — бубачка! Сможешь сломать клетку? — повернувшись к парню.

Кивок. И вот уже испуганный песик (ну не могу я его бубиком называть) сидит на руках у Грифа.

— А теперь...

Раздалось клцанье зубов — затем жуткий рев разбуженного Иревиля:

— Моя нога-а-а-аа!!!

— Ой. — Совсем забыла про зубастика! — Сейчас, погоди.

Разрываю рубашку, пытаюсь достать обоих. Меня тоже сильно кусают и царапают. Мат стоит трехэтажный, дух — спасается, как может, сооружая, судя по жару, молнию.

— Рёва!

Расцепляю обоих и подвешиваю в воздух. Иревиля трясет, он держится за ногу и возмущенно на меня смотрит.!

— Я же спросил разрешения там поспать!

— Ой, ну прости. Я забы... — А чего это Гриф так пристально на меня смотрит?

Блин. Рубашка. Бросаю этих зараз и запахицаюсь, умудряясь покраснеть без помощи пигмента. Странно... думала, меня невозможно смутить. В черных глаза мелькают искры юмора, но парень молчит. А меховой клыкастый комок — тут же скрывается между клеток, не горя желанием возвращаться ко мне. Ну и ладно.

На плечо шмякнулся Рёва и угрюмо начал себя лечить.

— Скотина ты, — тихо. Угрюмо.

— Прости, — виновато. Уже шагая обратно к лестнице, ведущей из подвала в дом.

Хотелось вернуться в контору, принять душ и...

— Погоди. — Уже на лестнице торможу так резко, что Гриф едва успевает отскочить, — А если мы освободим всех зверей — это ведь будет доброе дело?

Смотрю на притаившегося в темном углу ближайшей клетки огромного когтистого хищника, излучающего из-за прутьев злобу, агрессию и желание убивать.

— Очень, — кивает Рёва, глядя туда же, куда и я. — Я бы посоветовал начать с него.

Растерянно смотрю на Грифа.

— Зачем? Они нам не нужны.

— Ну... у меня есть причины. Если я... не буду пай-девочкой — умру в муках... Понимаешь? — с надеждой.

Парень вздохнул, сунул мне в руки пищущую бубачку и пошел назад в подземелье.

Грохот, вопли насильно высвобождаемых зверей и наполнивший тишину рев, крики и визги напомнили о том, что не все звери уживаются друг с другом.

— А теперь советую сматываться, пока доброе дело нас не сожрало, — подал умную

Поднимаю руку. Кожа бледнеет, сползает клочьями, виснет на локте, обнажая алые мышцы. Те, в свою очередь, медленно расступаются, и становится видна металлическая кость в окружении кучи мелких деталей, механизмов и прочего... Что эффектно доказывает: в ванной сидит не вполне живой организм.

Бледнеет. Смотрит так, словно я как минимум вылезла на его глазах из могилы и попросила закурить, некрасиво вправляя челюсть... В груди — пусто и больно. Прощай?

— А добрые дела?

Он еще тут?!

— В мой механический организм была помещена живая душа. И если я совершу достаточно хороших дел, то стану настоящим человеком.

— А если нет?

— Превращусь в бездушную машину.

Тишина. Слышно, как льется вода. А мне так сильно хочется спросить...

— Ты теперь разлюбишь меня?

Смотрит из-под черной челки. И я опять не понимаю, о чем он думает.

— Нет.

После чего он встал и вышел, прикрыв за собой дверь.

Я же почему-то улыбаюсь, закрыв слезящиеся от попавшего в них мыла глаза.

ГЛАВА 17

Что я сейчас делаю? Хм... действительно. Что? Сидя на краю обрыва, среди камней. Когда грохочет гром и молнии сверкают непрерывно, а тугие струи воды бьют по телу и скользят по коже. Когда море, врезаясь в утес, осыпает ноги сотнями брызг. А два маленьких духа, сидя неподалеку, пытаются укрыться одним пакетиком на двоих... Что я делаю?

За спиной возвышается огромный старинный замок. Темный, мрачный и неприветливый — он отнюдь не призывает страждущих укрыться от непогоды за его стенами. Но. В руке все еще зажат клочок объявления с просьбой о помощи и обещанием неплохой награды. А неделю назад я проснулась в конторе и никого не обнаружила, кроме записки на столе и пустого блюда из-под торта.

"Бурочка, прошу простить нас за столь скорый отъезд. Но... дело деликатное и прибыльное, а учитывая твои разногласия с правительством, команда посчитала... что тебе нужен покой. Так что приедем через тридцать четыре дня. Маг и вся группа нашей конторы.

PS: Не скучай, торт на столе".

Иревиль еще полдня убеждал меня, что они с Фефом тут ни при чем и торта в глаза не видели. Феф мучился животом и тихо стонал, изредка спрашивая: есть ли кто живой?

Н-да-а... а я ведь крепко обиделась, что меня вот так бросили. И... вскоре нашла объявление, купила на последние сбережения коня и прискакала сюда. Конь, кстати, сбежал, решив, что обратный путь с таким весом осилит вряд ли.

Так что... теперь я сижу одна на утесе, люблю штормовым морем и пытаюсь понять, чего я хочу больше: вернуться в контору и дожидаться остальных или же пойти и все-таки выполнить заказ?

Механическая часть меня молчала, не видя угрозы, а Феф уже чихал напропалую, в сотый раз намекая, что замерз, как цуцик.

Что ж...

Встаю, подхватываю с камня обоих духов и, посадив их на обнаженное плечо, иду к замку. Зря, наверное, надела только топик и шорты. Ас другой стороны... я могу не чувствовать ни холода, ни жары еще довольно долгое время. (Потом придется подкрепиться.)

Мост через ров, кишачий какой-то гадостью, был, к счастью, перекинут. Так что до ворот добралась без проблем. Но вот потом встал трудный вопрос: а как стучать? Меня же не услышат. Да еще и так грохочет... вряд ли стража, если только она здесь есть, будет

дежурить у ворот, прислушиваясь к крикам с той стороны.

— Феф.

Анрелочек в данный момент обнимал Рёву, стараясь согреть синего духа собственным телом. Выходило не очень. Не знала, что половинки души могут так сильно мерзнуть.

— Как открыть ворота?!

Ноль внимания. Видимо, не услышал.

Нахмурившись, я подняла руку, на ходу превращая ее в широкое дуло пушки, и, прищулив один глаз, выстрелила зарядом плазмы в упор.

Перебор. Левая смятая створка с воем влетела внутрь и рухнула на землю, вторая — страшно искривилась, но устояла.

Мы, черные и дымящиеся, осторожно вошли внутрь. Рёва тихо сообщил, что ему больше не холодно. Анрел ощупывал голову, разыскивая сдутый нимб. Не нашел. Развеселившийся Рёва сообщил, что и вовсе рога потерял, так что Феф может не переживать.

— Есть кто дома?

За стенами было странно тепло и сухо. Словно и не гремел гром, не лил дождь, и вообще стояла просто тихая спокойная ночь. Это место явно накрыто куполом. И зря я так... с пушкой. Могут вычесть из гонорара.

Дверь замка отворилась, мелькнул свет зажженной свечи, и ко мне просеменил кто-то мелкий, щуплый и дрожащий.

— Э-э... вы — магистр магии пятой технической ступени? — неуверенно и немного робко. Как и следует будущему подчиненному.

— Бурочка? — радостно сверкая глазами, — Это вы, Бура? Я прав? Ведь вы?! — осторожно касаясь еще дымящейся руки и шумно сглатывая.

Я отшатнулась, мне почему-то не хотелось, чтобы меня трогали.

— Домогается, — шепнул на ухо Рёва. — Ща еще щупать начнет. Тогда сразу бей в челюсть, чтобы...

— Да что ты такое говоришь! — Феф уже оправился от потери нимба и даже смог кое-как перелететь на обгорелых крыльях с правого на левое плечо, — Не слушай его, девочка, просто с тобой так знакомятся.

Мне начали щупать живот, шумно дыша и что-то бормоча восхищенно приглушенным тоном.

— А с другой стороны... — Феф. Мрачно.

— В челюсть, в челюсть бей, — кивал Иревиль.

Ну я и ударила.

После чего задумчиво посмотрела на раскинувшегося в коротком халате у моих ног мага. Волосатые ноги сиротливо белели при свете, льющемся из окон. Работать... не хотелось.

— А теперь — в замок! — Иревиль довольно уселся на моем плече и подмигнул угрюмому Феофану. — Я есть хочу.

Мага я тоже внесла в дом. Осторожно и бережно. Уложила на какой-то диван, укрыла пледом и пошла на кухню, которую найти из-за специфических запахов не составило никакого труда.

Духи тут же слетели с плеч в поисках съестного. (Третий день в пути, а еду я, как всегда, взять забыла. Был, правда, какой-то заяц, пойманный на скаку в прыжке... но он оказался невкусным и жилистым. Видимо, старел.) После обнаружения оной — со мной, правда, никто делиться и не подумал. Пришлось самой брать копчености, вгрызаясь в мясо, жмурясь от удовольствия и по молчаливому согласию оставив духам сладости и кексы.

Было хорошо, тепло. Думать о будущем не хотелось. И радовало, что заказ можно было считать вычеркнутым. Да ну и подумаешь — вернусь домой. Зато в моем распоряжении будет вся контора. Резвись — не хочу. Жаль, правда, что ребята и Симку с собой прихватили. Но ведь я и одна не пропаду, готовить опять же умею...

По голове врезали чем-то очень тяжелым. В затылке замкнуло, перед глазами поплыло.

И я рухнула на пол под ошарашенными взглядами перемазанных кремом Иревиля и Феофана.

Зря расслабилась. Точно, зря.

ГЛАВА 18

Очнулась я, судя по внутренним часам, через трое суток. Да, крепко меня приложило. А я уже как-то привыкла к мысли о своей неуязвимости.

Теперь вон лежу на столе, руки и ноги раскинуты в стороны и впаяны в металл, а сам стол подозрительно напоминает металлический алтарь, поставленный посреди огромной лаборатории с прозрачной крышей, расположенной, судя по размеру, где-то в центре этого замка.

Я сощурилась и пригляделась к одной из огромных бутылей на соседнем столе. Внутри явно сидели оба моих духа и крайне мрачно в свою очередь рассматривали меня. Оба были сильно потрепаны и наверняка уже перепробовали все возможные методы спасения. Гм... печально.

— О! Вы очнулись!

Перед лицом появилась знакомое лицо заказчика, радостно сверкающего стеклами очков и разглядывающего меня с отчаянной решимостью человека, наконец-то готового на все. Это пугало.

— Я пришла по объявлению...

— Ну конечно. Конечно! — засуетился он. — Я вам его и подкинул на стол, и даже сумел сделать так, что все ваши друзья отбыли днем раньше на другое задание. Знали бы вы, чего мне это стоило.

Гм...

— В таком случае, может, объясните мне, зачем...

— Конечно, конечно, — Лицо пропало, и человек закопошился, что-то разыскивая на столе. — Я простой ученый, простой ученый-механик, а вы — сложная механическая кукла. — Он выпрямился и повернулся ко мне. В руках "ученого" было что-то сильно смахивающее на бензопилу. Только маленькую. Но зато посверкивающую. У Иревиля в бутылке отвалилась челюсть, он дергал Фефа за рукав, пытаясь привлечь его внимание. — И... я просто ну о-очень сильно хочу узнать — что же именно у вас внутри.

Пила взвизгнула и с треском заработала. Ко мне начали медленно приближаться, а тело само задергалось и заметалось на столе так, что я испугалась за собственный разум. Мое механическое сознание, видимо, только сейчас сообразило, что душе угрожает опасность, но... сделать уже ничего не могло.

— Закройте глаза, милая. Обещаю, будет совсем не больно.

А потом остался только визг. Крепко зажмуренные веки. И вибрация в локте.

Сознание я отключила сама. Как гасят свет в комнате. Мне не хотелось видеть и слышать, как меня изучают.

Совсем.

— Рёва надо что-то делать!

— Да. Ща.

— Нет, погоди!

Молния шарахнула в стекло, отразилась и заметалась по сосуду... Духи, в свою очередь, с воплями по нему заматались. А еще через секунду сверкнувший Феофан рухнул на дно, потрескивая и дымясь.

— Гм... прости, думал, на этот раз должно сработать обязательно. Тут вот было что-то вроде трещинки. А, нет! Это грязь. Хм... Фефа?

Стон, скрежет пальцев по стеклу.

— Тебе помочь? Ну... встать там или еще чего. Ты только не волнуйся. Кстати, вон твой нимб летает. Под потолком. Явно тебя ищет.

Анрел с трудом сел и осторожно пошевелил обгорелыми крыльями.

— Чудовище, — с чувством.

— От монстра слышу. Ты себя в зеркало видел? Пришелец из ада.

Анрел скрипнул зубами и встал. Но, покачнувшись, вновь сел на дно бутылки, тоскливо глядя на надувшегося Иревиля.

— Так, ладно. Все разногласия потом, сейчас нужно спасать Буру. А о молниях...

— И я о чем! Он ее, как Буратино, распиливает.

— Что?!

Анрел подполз к стеклянной стенке бутылки и прижался к ней носом. Вглядевшись и немного успокоившись, он укоризненно посмотрел на нечистика.

— И ничего не пилит, а просто подсоединяет к ее голове контакты для доступа и анализа информации.

— Во-во. Доступ он открывает. Пилой. Говорю же, маньяк!

— Ладно. Маньяк так маньяк. Как спасать будем? — внимательно глядя на стол с девушкой.

Рёва задумчиво изучал что-то наверху.

— Ну... у меня есть одна идея...

Анрел радостно повернулся и в шоке уставился сразу на три шаровые молнии.

— ...если запустить все три в пробку...

— Нет!!!

Молнии не запустили, Иревиля убедили не самовольничать. Анрел, взмокший от пережитого шока, сидел рядом с ним и доказывал, что его идея явно умнее.

— Я призову нимб. Он протолкнет пробку в бутылку, и мы вылетим! Понял?

— Твой нимб уже полчаса бьется о пробку. Сколько еще ждать? — хмуро. Рёва не любил, если его план не признавали лучшим.

— Ну-у... немножко. Но молнии не решают всех проблем.

— Угу. Ты еще помолился тут о спасении.

— Вот, кстати.

Тяжелый стон, анрелу заткнули рот рукой, подволакивая сопротивляющееся тело к себе.

— Не при мне же, Фефа!

Феофан замер и обреченно кивнул. Молитва чистого духа — это вам почище благословения будет.

А сверху продолжали неуверенно биться в пробку.

— Ты только выслушай и не перебивай. Ладно?

Крик, огласивший комнату, заставил обоих вздрогнуть и повернуться к столу. Орал маг — порезал палец, потрясая которым тут же побежал за бинтами, ругаясь и поскуливая от боли.

— Так. Короче. Пока этот горе-маньяк будет возиться с ранкой, я сотворю небольшого дракончика, и он просто выжжет эту хренову пробку вместе с магией запиранья. Ну как?

— А... ты сможешь? — удивленно.

— А то!

Иревиля гордо встал, снисходительно глянул на впечатленного друга и сложил пальцы определенным образом.

После чего еще минут пять что-то шептал, размахивал руками и закатывал глаза. Феф сжал кулачки и молча ждал, слегка нахмурившись...

А вскоре воздух в банке потеплел, вокруг анрела заструились его плотные завихрения, а на душе стало еще более беспокойно. Но... он решил ждать, сжав зубы. На первом месте — спасение Буры. А все остальное потом. В том числе — и его бессмысленные страхи.

Перед нечистиком же уже начал проявляться небольшой длиннохвостый монстрик с алым язычком, зелеными глазкам и полупрозрачной чешуей. Иревиля выдохнул последнее слово, устало поднял веки и, ткнув пальцем вверх, произнес всего одно короткое слово:

"Фас".

И тут же дракоши не стало, по лицу мазнула струя воздуха. А потом огромный столп огня поразил пробку, нимб и содержимое банки...

И Феофан наконец-то понял — чего смутно опасался (вопя, сотворяя защитный купол и ругая нечистика на чем свет стоит).

Но они выбрались! Оба. Дракон же растворился в воздухе, махнув напоследок хвостиком.

Духи кашляли, опирались друг на друга и стояли на столе, глядя на тело распростертой девушки. К анрелочку подлетел его родимый, но сильно обугленный и пострашневший нимбик и неуверенно завис у него перед носом.

— Какой ужас! — закатил глазки Феф.

Нимбик обиженно дрогнул и медленно перелетел к макушке Рёвы, зависнув над ней. Чуть косо, правда. Но все же.

— Убери ЭТО, — тихо. Угрюмо.

Нимб попытались забрать, но он шипел, щелкал и кидался заклинаниями, взявшимися неизвестно откуда.

— Не могу, — с отчаянием.

— Гм.

Оба посмотрели на золотистое нечто, Иревиль почесал макушку и махнул рукой:

— Хрен с ним. Потом разберемся. Короче. В атаку!

И парни ринулись решительно вперед, хмуря брови и глядя на свою подопечную.

Они были готовы сражаться до последнего.

Но уже на краю стола большая (по их меркам) волосатая рука сграбастала обоих и посадила в другую банку, которую заткнули крепче прежнего. Духи кусались, вырывались, кололись молниями и молитвами, но ученый, сжав зубы, справился с обоими, после чего снова направился к столу с девушкой, радостно потирая руки.

В банке тяжело молчали. Изредка потрескивал кривой нимб.

— Гм... предложения есть?

— Это конец, — тихо.

— Феф, я говорю, предложения...

— Мы умрем!

— Да я понял...

— Меня вышибут из анрелов-хранителей в обычные анрелы.

— А...

— А еще прибьют за нимб.

— Фефа, — с угрозой.

Всхлип и зло:

— И все равно я ее спасу!

После чего ошарашенный Иревиль очутился в центре огромной необузданной воронки магического типа, которая с силой врезалась в крышку, взревела, выбила ее и при этом мотнула банку так, что та рухнула со стола, прокатилась по полу и... встала так, что горлышко оказалось прижатым к полу — вместе с двумя помятыми духами.

— Фефа, — придушенно. — Достаточно. Давай теперь — просто полежим?

Анрел не отвечал. Он раскинулся на друге в бессознательном состоянии, закрыв глаза и мягко улыбаясь. Все, что мог, — сделал. Остальное он оставлял на Иревиля. Который, впрочем, об этом даже не догадывался.

ГЛАВА 19

Темно. Тихо.

Девушка лежала на столе в огромной пустой лаборатории, закрыв глаза и прислушиваясь к шуму... ползающей по полу банки.

Глаза медленно открылись, расширенные зрачки смотрели в одну точку. Внутри нее что-то щелкало и шелестело, словно включающийся компьютер.

— На счет "три"... — приглушенно, из-под стола.

— Раз. Два. Тр...

Шум, вскрик, ударившаяся о металл банка — и тишина.

Девушка смотрела на далекое небо, проглядывающее россыпью звезд в разрывах облаков, и не шевелилась. Даже грудь ее не поднималась в такт дыханию, да и сердце, скорее всего, не билось.

— Ли. Ты меня слышишь? Это я, Иревилъ.

Девушка молчала.

— Может, еще не очнулась? — спросил второй голос у первого.

— Нам бы только банку перевернуть. Давай еще раз и с разгону?

— Не могу, — тихо. — Я... у меня силы на исходе.

— Я тоже не чудо-мальчик-выбегайчик. Фефа, не отлынивай. Потом изобразишь обморок с судорогами.

— Но я не...

— Толкай.

Пыхтение, скрежет стекла по камню и ругань.

Звон заставил киборга настрожиться. Голова медленно повернулась набок.

И не зря. Вскоре перед глазами возникли две маленькие, тяжело дышащие фигурки, от которых пахло сажей и дымом. Усталые, вымотанные и несчастные, они радостно улыбались и смотрели в ее глаза.

— Лиечка! Ты как? Видишь нас? А слышишь?! Это я, Феофан.

К носу приблизились и осторожно его погладили.

— Да погоди ты. Смотри, у нее зрачки в полрадужки. Да и... не дышит вроде.

— Умерла? — в шоке.

— Гм... нет. Вроде нет. А вообще... не знаю. Эй, ты нас видишь? Если да — подвигай рукой.

С полминуты ничего не происходило. И духи уже было отчаялись, уныло переглянувшись.

Но потом рука все же дрогнула и немного приподнялась. Обратная она так и не опустилась.

— Жива. Феф, мне кажется, ей мозги промыли, и душа сейчас где-то спряталась. Так что... перед тобой — просто киборг.

Ошарашенный взгляд и гневно нахмуренные брови.

— Что ж. Все равно мы ее спасем. Вставай, Иля, и ничего не бойся...

— Дверь, — придушенно пискнули слева и анрелочка утащила обратно вниз.

А в комнате зажегся свет, и к столу подошел незнакомый человечек с довольной улыбкой и шпирцем в руке.

— Ну что, девочка, оклемалась? Вижу, что оклемалась. Ничего не помнишь? Это пройдет... ну-ка, дай-ка руку.

— Не давай! — приглушенно. Из-под стола.

Мужчина удивленно посмотрел вниз. Но, никого там не увидев, снова потянулся к руке девушки.

Та никак не реагировала. Ни на иглу, ни на укол, ни на то, что ввели под кожу.

— Вот и умничка. Вот и лапушка. А теперь спи, до утра ты совершенно свободна, да и после... — мужчина улыбнулся и осторожно провел пальцами по мягкой щеке, — тоже.

После чего развернулся и вышел, прикрыв за собой дверь и не забыв потушить свет.

Девушка же закрыла глаза и уснула. И не видела и не слышала больше ни маленьких человечков, ни просьб встать и срочно куда-то пойти... ни-че-го!

Ее вообще в данный момент мало что волновало. Даже то, что в груди — пусто и непривычно тихо... А впрочем — это ведь тоже пустяки.

А на рассвете в ворота замка вошел... вошло еще одно существо, похожее на парня с черными волосами и вырастающими из плеч и рук жгутами. Он разбил окно, влез в лабораторию, поднял со стола девушку и унес с собой.

Ему никто не мешал. Даже маг, лежавший в тот момент в подвале и видящий уже третий сон подряд.

— Они друг друга стоят. — Иревиль покачивался на животе Буры, обращаясь к сопящему рядом Феофану. — Оба молчаливые, оба чем-то заняты. Он вот — идет и идет, держа ее на руках. А она — смотрит и смотрит в одну точку, предаваясь этому занятию... самозабвенно, что ли.

— Хррмм...

Рёва хмуро посмотрел на спящего анрелочка. Но потом вздохнул, плюнул и укрылся краем рубашки. Он тоже сильно устал, почему бы не поспать?

Гриф нес свою ношу вплоть до ворот одной из таверн, находящихся на перекрестке пяти дорог, одна из которых вела обратно в город. Лошадь спокойно шла за ним, недоумевая, почему хозяин не хочет ехать верхом. Но обоюдный вес его и девушки в лучшем случае переломил бы ей спину, так что парень решил не рисковать.

Хотя... что он там решил — еще большая загадка. С тех пор как он понял, что задание подложное, и вернулся в контору, Гриф не произнес еще ни слова. И все то время, что он разыскивал Буру, лицо его оставалось бесстрастно-холодным, а глаза — ледяными.

Но он все же смог ее выследить и даже вынести из того странного замка, так что... так что все, что теперь ему было нужно, — чтобы девушка наконец посмотрела на него и заговорила.

Бура же просто продолжала молча смотреть в одну точку, не реагируя ни на что.

Завсегдатаи таверны и ее хозяин — дородный представительный мужчина с роскошными усами и добрыми глазами, так не соответствующими его репутации, — давно уже научились ничему не удивляться.

И молодой красивый парень, появившийся на пороге с обалденной блондинкой на руках, также не вызвал бурного ажиотажа. Им без лишних расспросов сдали комнату, молча приняли деньги и так же молча, пока странный посетитель поднимался по лестнице наверх со своей хрупкой ношей, проводили взглядом два десятка пар глаз.

Но вот после их ухода... гул и гомон заполнили прокуренное задымленное помещение, и трое гномов ощерились в улыбках, переглядываясь и обсуждая скорое пополнение в своей небольшой коллекции рабов.

— Феф, проснись, утонешь!

Анрел сел, потянулся и с головой скрылся в горячей воде, булькнув напоследок. Впрочем — тут же всплыл, барахтаясь и отплеываясь. Его подхватили за крыло, вытянули из воды и посадили на бортик чугунной ванны, стоящей за ширмой в углу комнаты. Гриф как раз опустил в нее полуобнаженную девушку, не отрывая взгляда черных пронизывающих глаз от ее лица и ожидая хоть какой-то реакции.

— Кхе-кхе. Спасибо.

Рёва только отмахнулся, так же внимательно следя за лицом Илии, как и парень. Та же — не реагировала ни на что. Но жужжание в ее груди стало чуть отчетливей.

— Как считаешь, она вообще очнется? Или уже... и души-то нет, — печально.

Феофан нахмурился и отрицательно качнул головой.

— Душа еще в ней. Все хорошо. Просто этот человек...

— Как ее вылечить?

Духи притихли и посмотрели на повернувшегося к ним парня. Они уже... как-то и забыли, что их еще кто-то может видеть.

— Ну... есть один способ проверить, — почесал макушку Иревиль. — Ее душа в прошлой жизни сильно верила в сказки и...

— Глупости. Не сработает.

Иревиль вздохнул и не стал спорить. Идея действительно выглядела немного жалко.

Анрелочек же уже встал на колени и сложил руки лодочкой перед собой. Прикрыв глаза, он начал что-то шептать, отключаясь от окружающих и словно мурлыча что-то под нос.

— А все же, о чем ты?

Рёва задумчиво посмотрел на Феофана и пожал плечами.

— У вас сказки про принцесс и принцев есть?

— Есть.

— Ну... и как снимаются все самые страшные чары с невинных дурочек?

— Приводится магистр, колдует и...

— А у нас нет магистра, — вредно и проникновенно, — Умер, не выдержав тяжести пути к замку.

— Хм... тогда магический артефакт.

— Магистр был жадный и все утащил в могилу, свершая акт мести принцу.

Парень задумался. После чего выдал:

— Тогда девушку, спасенную из лап волшебника, отважный принц привозит во дворец и... запирает в подземелье. Пока мимо не проедет еще один маг, который сможет снять чары и колдовство.

Анрел сквозь молитву хмыкнул. Иревилль вообразил себе "счастливую" девушку, которую торжественно внесли во дворец, а после пира в честь принца — приковали цепями в подвале, пообещав навестить как-нибудь попозже.

— Тяжело.

— Да поцелуй же ты ее наконец! — прервался анрелочек, у которого тоже сдали нервы, — В сказках из ее прошлой жизни именно так чары и снимались.

Парень кивнул, осторожно приподнял девушку над водой и приблизился к ее лицу.

Духи замерли, готовясь к неизбежному. Феофан покраснел и прикрыл глаза ладошкой, Иревилль скрестил пальцы и сжал зубы.

Гриф же, словно издеваясь, застыл в миллиметре от ее губ и пристально на них смотрел, не решаясь поцеловать.

— Блин, или ты ее целуешь, или это сделаю я! — Рёва. С надрывом.

Парень выдохнул, прикрыл глаза и осторожно поцеловал девушку. Лишь слегка. Словно совершая святотатство или крадя недозволенное... После чего тут же отстранился и внимательно посмотрел на ее лицо, ожидая хоть какой-то реакции.

Ждали и духи. Феф теперь стоял рядом с разочарованным Иревилем, сжимая кулаки.

— А... может, слабо поцеловал? — Рёва. С надеждой.

— Нормально, — нахмурился Феф. — В принципе и не должно было сработать.

— Пусть целует еще раз, — капризно.

Девушку покорно поцеловали. Снова.

— Больше чувства!

Поцелуй стал глубже и жестче.

— Да ты... поддержи ее за спинку. За спинку держи... Куда полез?! Грудь не лапать. Во-от.

— Рёва.

— Отстань, Феф, я хозяйку спасаю. А теперь проведи языком по ее губе. Так. Нежнее.

— Иревилль, — с угрозой.

— И держи сильнее, что она у тебя постоянно выскальзывает? Да, кстати, глаза закрой. Да не себе. Ей! А то смотрит, словно ее насилуют... я сказал, держи! Ну вот чего ты испугался?

Удар, вопль. Иревилль лежал на бортике, раскинув руки и ноги, а анрел держал вырывающийся нимб и довольно улыбался.

— А ты отпусти ее! Вас вовремя не остановить, так и вовсе охамеете...

Но возмущенную тираду анрелочка прервали звуки разбивающегося стекла и выбиваемой двери. Гриф осторожно уложил голову девушки обратно на бортик ванны и медленно встал, поворачиваясь к трем усмевающимся и вооруженным секирами гномам.

— Отдавай девчонку, — прорычал самый длиннородый и оскалился в гнилой улыбке.

— И, может, тогда мы тебя пощадим, — поддержал крайний левый, эффектно помахивая топором.

Из плеч юноши медленно начали вырастать тонкие длинные жгуты, черные глаза сузились, а на губах появилась улыбка.

— А то что? — тихо.

И вой, грохот и рев наемников — после.

Феофан лишь со вздохом перекрестился и отвернулся к девушке. Теперь была его очередь попробовать вытащить ее из комы. Пока трое гномов с воплями вылетали из уже выбитого окна.

ГЛАВА 20

Девушка пошевелилась! Анрел, улыбаясь, опустил руки и осторожно сел на край ванны. Иревил восхищенно присвистнул и показал большой палец. Гриф, стряхнув кровь с пальцев, подошел и сел рядом, на бортик, протягивая к ней руку и осторожно отводя волосы от виска.

— Бура?

— Ее зовут Илия, — поморщился Феф. — Просто на вашем языке это звучит... не очень хорошо.

— Я понял. Ты меня видишь? Дай руку. — Спокойный, мягкий тон. Ласковые слова и протянутые пальцы.

Девушка перевела взгляд на них и протянула свою руку, позволяя поставить себя на ноги.

— Отлично, — шепот.

Ее подхватили и осторожно вынули из ванны, почти сразу облачая в большой пушистый халат, выданный хозяином трактира.

— Я — Гриф. Узнаешь меня?

Холод в ее глазах напрягал. Но она уже шевелилась! И это всех радовало.

— Не все сразу, — мягко заметил Феофан.

Парень кивнул, сжал зубы и отвел ее к кровати, на которую и уложил, накрывая одеялом и еще раз проводя пальцами по мягким волосам. Не удержался.

Кровать, опасно прогнувшаяся под немалым весом устояла. Парень же отошел в другой угол комнаты, закрыл дыру в окне наговором и лег на диван, заведя руку за голову и не отрывая взгляд от кровати.

— Про дверь не забудь, — Духи как раз устраивались на подушке рядом с золотистой головкой девушки и дружно возились с одеялом, пытаясь подтянуть один краешек повыше.

Гриф поднял руку, сделал странный пасс. И разбитые части бывшей двери поднялись, сливаясь с остальными... А вскоре уже прежняя дверь вновь стояла на своем месте, перекрывая проем, закрытая на крепкий засов, как и до нападения гномов.

— Хорошо быть волшебником, — завистливо прошептал Иревил.

На что Феофан только хмыкнул, заворачиваясь до самого носа в пуховый край одеяла и поворачиваясь спиной. Заснули оба быстро, и за всю ночь им так ничего и не приснилось.

Спала ли в эту ночь Илия — не знал никто.

К утру их навестило еще две группы любителей легкой наживы. Гриф не щадил никого, разбираясь молча и тихо.

Потом он спустился вниз за завтраком, вернулся с целым подносом всякой снеди, и все втроем они сумели накормить девушку.

После — снова поход. Только теперь уже на конях. Удалось раздобыть для девушки тяжеловоза, и теперь можно было хоть немного ускориться на пути к городу.

Правда... перед выходом из таверны случилось два неприятных происшествия.

1. Когда ее кто-то хлопнул по задку, Иля развернулась и так врезала в челюсть шутнику кулаком, что того вместе со стулом, столом и частью гогочущей компанией снесло назад и вмазало в стену. Парень, кажется, не очнулся. Трактирщик побежал за живой водой.

2. И второе — дверь никак не хотела открываться, упершись в косяк. Так Иля расстреляла ее из плазмопушки, снеся вдобавок полстены и заставив народ закашляться от удушливого дыма.

Грифу все это не нравилось, и он пытался узнать у духов, нормально ли такое поведение. Те посоветовали терпеть и наблюдать. Что там маг изменил в мозгах у киборга — не знал никто. Так что...

Гриф успокоился, узнав о маге, и кивнул, сказав, что позаботится о ней. Феофан все пытался в ответ пожать ему руку — как мужчина мужчине. Иревил что-то пробормотал, но тоже явно был приятно удивлен и рад тому, что парень не хочет сбежать от "сломанной куклы" без признаков души куда глаза глядят.

— Я уверен, она придет в себя, — улыбнулся Феофан.

— Если нет, такая она меня тоже устраивает, — пожал плечами Гриф и подстегнул коня.

У Рёвы отвисла челюсть. Анрел чесал макушку.

...Ну ладно.

К концу второго дня путники достигли городской черты. Не обошлось без ночевки в еще одном трактире. Но девушка вела себя более или менее тихо, так что ночь прошла спокойно.

Теперь же, стоя у ворот, Гриф разбирался со стражами, показывая грамоты и доставая деньги для уплаты налога на лошадей.

— А она у тебя что, немая? — усмехнулся щербатый парень, явно скучающий и мающийся от безделья.

Он опирался на копьё и смотрел заинтересованно и жадно.

Девушка все так же была одета в шорты и майку, как и в день своего отъезда, так что... посмотреть было на что.

— Да. — Гриф, как всегда, краток.

— У-у... а как глазищами-то сверкает. Красивая.

На него никто не обратил внимания. Прочие стражи были заняты другими въезжающими, а точнее — выезжающими за пределы стен (в основном купцы и торговцы, живущие в пригороде), Гриф отдавал деньги капитану, а духов никто не видел.

Наверное, поэтому, а также из-за доставшего безделья, парень рискнул приблизиться к лошади и осторожно провести ладонью по длинной ноге "немой" красавицы.

Нога дернулась и распрямилась. Неуловимо быстро и четко.

Гриф и капитан стражников почувствовали дуновение ветра от пролетевшего мимо тела и удивленно уставились на рухнувшего в одну из повозок с рыбой парня.

Все заорали, засуетились. Гриф выругался и отошел к лошади. Капитан стражи приказал достать олуха и расспросить, а обоих путников немедленно взяли в кольцо из нацеленных копий.

Хорошо еще — стражник выжил и даже сумел признаться, что да, это он первый полез. И потому задерживать их не стали и хоть и со скрипом, но пропустили. И все же...

Гриф посмотрел на девушку и хмуро произнес:

— Надеюсь... маг сможет помочь.

Духи переглянулись. Иревил пожал плечами.

Парня они понимали, но ничем помочь были не в силах. Девушка ведь могла никогда больше и не вернуться в нормальное состояние. И поделаться с этим они ничего не могли.

На пороге конторы "Нечисть и Ко" столпились все члены команды, хмуро глядя на безжизненно лежащую на руках Грифа девушку. Но маг шикнул — и все разом исчезли...

— Хм... любопытно. Весьма и весьма любопытно. Так вы говорите, что нашли ее на столе в черном замке, что к северу от болот смерти? И она лежала без оков и какой бы то ни

было охраны?

Гриф кивнул. Он уже снес Илию в подпол конторы, а точнее, в личную лабораторию старого волшебника, где девушку уложили на стол. Сам же маг осторожно начал ощупывать ее суставы, постоянно повторяя слово "любопытно" и поправляя дужки съезжающих на нос очков.

Духи, как и все остальные, сидели на кухне и слушали советы команды. Все уже всё знали, и теперь каждый высказывался, как именно можно вытащить девушку из апатии и у кого есть какие связи. (Маг, как известно, терпеть не мог сборищ в своей лаборатории, вот и выгнал всех в кухню.)

— Ну что я могу сказать. Так-с, мой дорогой... ее перепрограммировал и.

Гриф не совсем понял, но промолчал.

— То есть... сменили некоторые программы с базисного уровня на новый, не совсем обычный для прошлой модели поведения. Душа же... забилась вглубь, испугавшись методов воздействия, и выйдет... я не могу даже предположить когда. Но она там, не волнуйтесь, голубчик. Немного покоя нашей девочке сейчас явно не повредит.

Из всего монолога Гриф понял только три слова: "страх", "вернется" и "покой".

Кивнув, он взял девушку за руку и повел за собой наверх. Надо было ее еще накормить, напоить и уложить спать.

— Э-э... молодой человек.

Парень остановился на выходе из подвала и вопросительно оглянулся.

— Если вам будет трудно ухаживать за девушкой, то мы можем назначить дежурство. Мне лично было бы несложно...

— Нет. Спасибо. Мне нетрудно, — делая ударение на каждом слове и сжав пальцы девушки крепче.

— Что ж... — едва заметно улыбнулся маг, — Как вам будет угодно.

И Гриф ушел на кухню, оставив мага с чувством глубокой отеческой заботы смотреть вслед одному из самых "страшных убийц" в этом мире.

Девушка вела себя словно замороженная: полное отсутствие эмоций, речи и интереса к окружающим.

Все по очереди пытались ее расшевелить. Гном, к примеру, показал выбитый зуб и радостно сообщил, что это — теща брата постаралась, "обрадованная" преподнесенным тортиком. Элв спел настолько длинную балладу, что заснул даже маг. Симка и вовсе не отходил ни на шаг, мурлыча и напрашиваясь на почесон. Сим пытался ее покусать, за что был избит Грифом. (Парень застал вампира со сломанным зубом в лаборатории мага; Бура стояла напротив — в разодранной рубашке и с высоко сколотыми волосами. Сим так и не успел объяснить, что укус не удался, уматывая от озверевшего существа с кучей жгутов, взглядом убийцы и мощью мага воздуха... Вампира еще потом долго лечил маг, упрасывая больше не доводить парня. Сим пообещал, что больше не будет, при этом тайком скрестив за спиной пальцы.)

Духи тоже не отставали и постоянно тыркали свою подопечную в надежде, что она ил и очнется и улыбнется (Феофан), ну или озверееет и пойдет все крушить (Иревиль). Пока шло туго. Ни молитвы, ни пущенные исподтишка молнии не помогали. Короче... все потихоньку остыли и: стали просто ждать, не трогая больше девушку.

И ждать им нужно было не так уж долго, как оказалось, но никто из конторы "Нечисть и Ко" еще пока об этом не знал.

Вечер. Все сидят, пьют чай в гостиной на первом этаже. В камине весело потрескивает огонь. Феофан слизывает варенье с булочки, жмурясь от счастья, а Иревиль уснул в блюде из-под мармелада, объевшись до неприличия.

Илия сидит на подоконнике, забравшись на него с ногами, и, прислонившись лбом к стеклу, задумчиво смотрит наружу, пока косые струи воды барабанят по нему, стекая тонкими линиями вниз и падая с карниза в грязь и мусор внутреннего двора.

Гриф, откинувшись на стуле, наблюдал за ней. Черные глаза смотрели спокойно и

задумчиво, к чаю он даже не притронулся.

И тут в дверь постучали.

Элв с гномом затихли, прекратив давний спор, какая из рас делает стрелы лучше, и посмотрели на вампира, который встал и спокойно пошел открывать дверь.

Котенок, лежавший на руках девушки, востепенно и поднял сонную мордашку. Все притихли, с любопытством ожидая гостя. Ведь не часто в их контору так поздно, да еще и в такую погоду, заходили посетители. Обычно заказы и неприятности искали они сами.

— Хм... добрый вечер. Могу я войти?

Вампир вежливо отступил на шаг назад, и в комнату вошел высокий изящный юноша с длинными мокрыми светлыми волосами и сверкающими золотом глазами. Он огляделся, положил шляпу на стул у двери и пошел к столу. Но на полпути замер и ошарашенно уставился на девушку.

— Кхм, — Магу первому надоела затянувшаяся пауза. — Милейший, вы пришли... — Не успел маг закончить, как юноша выпалил:

— Продайте мне ее!

Все замерли. Вампир за спиной пришельца иронично поднял бровь, усмехаясь краешком рта.

— Кого? — ошарашенно спросил маг.

В Илию уверенно ткнули пальцем.

— Я заплачу любые деньги! Продайте.

— Мм... — Но мага снова перебили:

— Вы не понимаете. Я... могу присесть?

Все кивнули, вампир вышел вперед и отодвинул собственный стул, предлагая его посетителю. После чего подошел к одному из кресел у пылающего камина и, повернув его к компании, уселся, изящно подперев рукой подбородок и приготовившись слушать. Ему, как и остальным, было интересно.

— Меня зовут Лаэрт Винсдорский. И... это к моему дяде попала в руки ваша кукла.

Элв поморщился. Маг и Крут переглянулись.

— Кукла? — Гриф. Глухо. С угрозой.

Но юноша не заметил угрозы и радостно кивнул.

— Да. Я видел, как дядя открывал ее и изучал внутреннюю систему механизмов. — Шок в глазах окружающих, — Но потом он все сделал так, как было. Гм... кхм. Так вот! У меня есть то, что он сумел сделать до своей внезапной кончины от удара стулом по голове.

Элв закашлялся, маг пожевал губами.

— О, это не я его убил, — растерянно, — Он сам... в смысле, грабители. Грабители залезли в замок... Так, не будем отвлекаться. Смотрите! Это докажет, что я имею право владеть Бурой.

Парень вытащил какую-то коробочку с кнопками и начал усиленно их нажимать.

Девушка вздрогнула и повернула лицо. Все смотрели на нее, ожидая... непонятно чего.

— Вставай, — шепнул парень. — Иди ко мне.

И она покорно слезла с подоконника, пошла к нему, едва касаясь ступнями ворса ковра.

Шаг. Еще шаг. И ни тени осмысленности в глазах.

— Умница.

Посетитель взмок. На его лице появился румянец. А руки чуть дрожали.

— Оружие. Покажи его, — не переставая нажимать какие-то кнопки.

Руки Буры начали трансформироваться, защелкал, затрещал воздух. И вот уже на элва и Сима наведено по одному дулу.

— Видите? Видите?!

Парень почти кричал, возбужденно подсакивая на стуле и показывая коробочку.

— И это только прототип! У меня дома есть еще один пульт, получше. И...

Гриф встал, подошел к нему, протянул руку, при этом его черные глаза полыхнули тяжелым огнем. Горло паренька пережали, рывком вынимая тело из кресла.

— Значит, — тихо, почти шипяще, — мы идем к тебе домой.

Парень хрипел, царапаясь и пытаясь вырваться. Его ноги болтались в воздухе, он задыхался. Пульт дергался в правой руке, пока он отчаянно что-то нажимал.

— Уб-бей... его. — Хрип слышали все.

— Гриф, — маг. Тихо и испуганно. — Обернись. Только медленно.

Парень не откликнулся. Он и так знал, что обе руки девушки, точнее, пушки направлены ему в спину. Он ждал.

— Убей! — Кнопку нажали и не отпускали.

В комнате повисла напряженная тишина, никто просто не мог пошевелиться.

— Ну что же ты? — Гриф. Мягко. — Тебе дали команду.

Он слегка повернул голову и краем глаза увидел, как побледнела их "куколка", как дрожат дула пушек, а расширенные глаза смотрят неотрывно и напряженно.

— Давай.

Парень обмяк, пульт выпал из ослабевшей руки. Бура медленно опустила чуть вздрагивающие руки, на ходу трансформируя пушки и убирая их обратно.

— Нет, — тихо, — Нет...

После чего все в той же гробовой тишине подошла к подоконнику, взяла на руки застывшего котенка и села, глядя в окно.

Гриф разжал руку, и парень безвольно грохнулся на пол, издав стон. Пульт Гриф раздавил каблуком, не отрывая взгляда от девушки и лишь едва заметно улыбаясь.

Вокруг уже суетились: юношу приводили в чувство, гном с элвом собирались в его дом, или где он там поселился, дабы забрать второй пульт, а Сим прокусывал посетителю шею, обещая, что отныне каждое слово вампира станет для всех законом.

Духи же сидели, взмокшие и усталые, на плече девушки, пожимая с торжествующим видом друг другу руки и явно считая то, что никто не умер, своей личной заслугой.

А Гриф просто смотрел на Илю и улыбался. Не реагируя ни на что больше.

ГЛАВА 21

На общем совете решено было брать Буру с собой на задания (авось окончательно отойдет).

Вот что из этого получилось.

Задание первое...

— Мне очень жаль. Я... я честно не знаю, как именно эта гадость забралась ко мне в дом, но... если бы вы могли бы... плачу пять монет серебром!

Народ задумчиво переглянулся, в данный момент это были Сим, элв, Гриф и Бура.

— Мы беремся, — кивнул наконец Сим, сверкнув профессиональной улыбкой.

Через час: Вопли, грохот, стоны и крики из подвала. Худощавая нервная дама, держа свечку в трясущейся руке, стоит у выхода и напряженно вглядывается в дымящуюся тьму.

Народ выбрался оттуда лишь спустя полчаса — вымотанный и с прорехами на одежде. Сим и вовсе сжимал в кулаке половину скальпа.

— Чтоб я еще раз! — шипел элв, подергивая глазом. — Она меня так без потомства оставит!

— А ты уворачивайся, — советовал вампир, угрюмо ощупывая затылок.

— Да ты...

Но закончить ему не дали — Гриф что-то рыкнул и вывел мимо парней по ступеням Буру, держа ее за руку. Оба выглядели лучше всех, девушка улыбалась.

— А... крысодлак? — испуганно пискнула женщина.

— Мертв, — элв. Мрачно.

— Да? Вы уверены? Это такая тварь...

— Не верите — спуститесь и посмотрите сами, — пожал плечами Сим. — Я даже могу сходить следом. Но предупреждаю: кишки все еще стекают по стенам, и вонь такая...

Грохот упавшего в обморок тела.

— Нуты поосторожней, — Гриф, поднимая заказчицу и перенося ее на диван. — Нам с нее еще деньги брать.

— А я виноват, что наша девочка обрадовалась мелькнувшей в коридоре крысе и разнесла все на хрен, чуть не прибив и нас заодно?! — В голосе вампира нарастала истерика, он все еще помнил сам момент практически конца своей жизни.

Тишина. Шепот. Знаки руками и прижатые к губам пальцы. Элв сканировал пространство, задавая направление. Сим заряжал ружье усыпляющей магией. Гриф вел Буру за руку, прикрывая тылы.

Все собранны. Напряженны. Спокойны. Крысодлак мелькнул справа. Сим поднял ружье, ориентируясь на свист элва, и мрачно улыбнулся. Но тут мимо виска просвистела пара пульсаров. Грохнуло, взвыло. Страшный жар волной врезал в живот, откидывая назад, а пол под ногами треснул и рухнул вниз, увлекая всю команду.

Крысодлак, стекая ошметками с потолка, так и не понял, что это было. Сим же, падая, всерьез поверил, что это была хана.

Выбрались с трудом, уцепившись за края провала. Добивала улыбка на лице девушки, которую вытаскивали вдвоем Гриф и Крут — уж больно тяжелая. На призыв — в следующий раз спросить, прежде чем стрелять, или хотя бы крикнуть: "Ложись!" — Бура кивнула и улыбнулась еще шире.

И если бы не Гриф... вампир и элв прибили бы ее точно, снимая стресс, так сказать...

Задание второе...

— Здесь... мм... живут два призрака, мм... и имеется много редких ценностей. Мм... а духи их уничтожают! — яростно сверкнув глазами, промышчал престарелый владелец замка. — Мм... простите. Мм... я... мм... гхм! Плачу золотом! Пять золотых монет! Мм... если сегодня же выгоните обоих.

Сим пожал плечами и кивнул, Крут закинул топор за спину, Гриф держал Буру за руку. И если она опять что вытворит — убить обещали его. Он вроде бы согласился.

Темно. Тихо. Вампир знаками показывает на лестницу, и все идут на второй этаж. Бура и Гриф — в центре. Гном — позади. Оставлять девушку в тылу никто не хотел.

— Как увидите свечение — поднимите кулак в воздух, — шепнул вампир.

Все закивали.

— Сверху... что-то шумнуло, — замер Крут.

Все застыли. Гном разочарованно покачал головой.

— Или показалось?

— Идем дальше...

Но тут из стены рядом с Грифом высунулась призрачная ухмыляющаяся голова, которую держала за волосы окровавленная рука. Бура повернулась и до того, как кто-либо успел среагировать, молча врезала кулаком в камень, пробив стену насквозь, схватив завизжавшего призрака и вытряхнув его в коридор.

Все застыли. Вампир тихо прошептал:

— Только не отпускай, — достал при этом из кармана артефакт-ловушку и мгновенно ее активировал.

Девушка послушно застыла с вырывающимся привидением в правой руке.

— Есть! Отпускай.

Призрак с воем и визгом начал втягиваться в небольшой кристалл в руке Сима. Но Бура, внезапно нахмурившись, расставаться с добычей не спешила.

— Гриф, скажи ей.

Парень как раз пытался разжать пальцы девушки, но те были словно из стали и

разгибались трудом.

Гном сплюнул и тяжело вздохнул.

— Не отдам, — нахмурилась Бура.

— Блин, Бура, ты!..

Но тут из стены вылезло второе привидение, грозно оскалилось и вцепилось в первое, тоже стремясь достать его из кристалла.

— Держи его!

Вампир рванул вперед, гном тоже прыгнул, взмахнув топором. А Бура отпустила первого и, трансформируя руку в дуло, навела его на противника за какую-то долю секунды.

Уже на бегу вампир понял, что сейчас будет, и попытался затормозить, открыв рот и пытаясь развернуться. Гном в прыжке просто заорал. Гриф — зажмурился. Призраки нырнули в кристалл...

А в следующий момент — ни коридора, ни пола, ни части потолка просто не стало. И вся компания рухнула вниз...

Девушка встала первой, покачнувшись, подняла дымящийся кристалл с заключенными в нем призраками и повернулась к сидящему у обломков камина хозяину замка. В его руках были осколки стакана, а ногу его придавил огромный камень. Он был бледен, в глазах застыла острая боль.

— Задание выполнено, — протягивая ему кристалл-ловушку. — Платите!

Мужчина выругался, кое-как нагнулся и с трудом выдернул ногу из-под камня. Взыв и послав всех в одно место, он проковылял к выбитому окну и, свесившись вниз, попросил подняться перепуганную стражу и выкинуть "этих проходимцев" за ворота!

— Задание. Выполнено, — повторила девушка.

Хозяин замка зарычал и обернулся, открыв было рот для ответа. Но... ему в грудь уперлось внушительное дуло с чем-то светящимся внутри. А граф никогда не был глупым человеком и с трудом, но понял, чем именно ему разнесли дом.

— Платите. — В глазах девушки — никаких эмоций. Только ожидание.

— Мм... конечно, конечно! Сейчас. Сейчас. Куда?!

Стража застыла на пороге, удивленно глядя на хозяина.

— Все вон! — не отрывая взгляда от потолка и уже бодро хромая к комоду.

Стража покорно вышла.

Деньги же были переданы в руки девушке, которая, прихватив товарищей (одного она перекинула через плечо, а двоих — зажала под мышками), со всей командой беспрепятственно покинула замок. Граф, открыв от изумления рот и даже забыв о придавленной ноге, удивленно смотрел ей вслед, радуясь, что заплатил.

В конторе всех привел в чувство маг и попросил больше его так не пугать. Бура гордо показывала всем заработанные деньги. Крут клялся, что с ней вместе больше даже в душ не пойдет. На что вампир с умным видом кивал, а Гриф стаканами пил вино, сунутое ему в качестве обезболивающего магом (парню почти оторвало руку — слишком близко стоял).

Задание третье...

— Итак. Повторяю для идиотов! Мы! Прокрадываемся к гнезду дракона...

Завывал ветер. Мела пурга. Сим, эльв, Крут и Гриф с Бурой сидели на крохотном скалистом уступе и слушали выступление заказчика — кряжистого приземистого драконоведа, которому срочно понадобилось яйцо драконши.

— ...и резко хватаем одно! — Его план не произвел должного впечатления.

Все сильно замерзли и мрачно смотрели себе под ноги, на проплывающие мимо облака. Хотелось домой, а еще — сбросить этого психопата, сообщившего, что "да там не высоко-о", — обратно вниз. Но платил, зараза, хорошо, вот и терпели. Правда, уже из последних сил.

— Потом так же резко бежим назад!

Все посмотрели на отвесный склон, соображая: как они будут бежать. Тут уж, скорее,

лететь...

Каждый про себя еще раз решил, что заказчик спланирует первым, разведывая, так сказать, обстановку.

— Повторяю еще раз! Если увидим драконшу, то ныряем вниз! Не геройствуйте, парни! (Ему криво улыбнулись — никто и не собирался.) Ее пламя могуче, а сама — стерва такая, что и в аду догонит.

Еще более унылые физиономии.

— Ну что? Вперед! Еще пара километров...

— Сколько? — элв побледнел.

Он, как существо нежное и хрупкое, последние пять метров вообще провисел на спине гнома, которого это сообщение также ввело в ступор.

— А что такое? Гм... я не говорил, что это высоко?

— Пять минут назад ты сказал, что остался пустяк, — начал закипать Сим.

Вампир вообще опасался, что вот-вот рассветет, и лезть дальше не хотел в принципе.

— Ну дык... пара километров — это и... несерьезно. Вот когда я на Серпу ходил... э-э, вы куда?!

Все лезли вниз, переругиваясь и сжимая зубы.

За десять золотых так угробляться не хотел никто.

— Двадцать! Двадцать золотых! — испуганно заорал заказчик сверху.

— Да пошел ты, — гном. Злобно.

— Тридцать?

— Да хоть сорок, — Гриф.

Бура лезла сама, вонзая когти рук и ног прямо в камень.

— Сто!

Все замерли. Сим глухо застонал.

— Ребят... без меня.

Парни хмуро кивнули, и вампир тут же исчез среди облаков, соскользнув по веревке. Бура же радостно улыбнулась и вскарабкалась обратно на уступ, правильно оценив угрюмые лица команды.

— Чтоб я еще раз... — проворчал гном.

Элв только горестно засопел, соглашаясь.

К вершине всех вынесла Бура, обвязав себя за талию веревками, на концах которых висели члены группы, словно гроздь винограда. Заказчик, которому упавшим сверху камнем сломало челюсть, временно молчал и только страшно вращал глазами. Ногу он тоже сломал — неудачно "увернувшись" от второго камушка.

— Я нашла.

Все подняли головы, покачиваясь на веревках.

— Ы-ы... ы-ы-ы-ыг-ы!!! — проинструктировал ее мужик.

— Яйцо видишь? — перевел элв.

— Да.

— Бери!

— Нет.

Внизу притихли.

— Почему? — осторожно. Гриф.

— Она шипит и не дает дотянуться.

Гробовая тишина, нарушаемая лишь стоном ветра и звуком сталкивающихся друг с другом тел.

— Кто... она? — все же решился элв, прекрасно зная ответ.

— Их мама, драконша. Так брать яйцо?

— Нет! — проревели хором, одновременно уговаривая спуститься обратно вниз и больше ничего не трогать!

Но драконша все равно высунулась, обозрела гроздь существ, подвешенных к одному,

самому наглому, рискнувшему щекотать ей брюхо. И, прищулив один глаз, мелко плюнула струей пламени на веревки...

— Я так и знал, — успел тихо сообщить элв.

И все четверо рухнули вниз, вопя и размахивая руками.

Девушка обернулась, сжала зубы, ухватила рептилию за ухо и резко дернула на себя.

— Так не пойдет, — шепнула она.

После чего перемахнула на шею животного и рванула уже оба уха, одновременно пропуская по чешуйчатому телу разряд.

Драконша взвыла, взмахнула крыльями, вывалилась из гнезда и рухнула следом. А наглая букашка на ее шее весело рассмеялась и заставила лететь быстрее. Да еще и подхватить на спину падавших пришельцев, взмывая обратно в небеса.

— А-а-а-а-а-а!!!

— Бура!

— Вашу мать!

— Меня ща стошнит...

— Ы-ы-ы-ы-ы-ы...

Девушка обернулась, всем помахала и направила "птицу" в крутое пике, гордясь собой и улыбаясь. Мужики вцепились в основания крыльев и повисли вертикально, с ужасом вглядываясь в такую недалекую землю.

— Круто?! — весело смеясь.

— Ы-ы-ы-ы-ы-ы!!!

У самой земли драконша резко сменила курс и полетела вдоль нее, после чего, бешено работая крыльями, начала набирать высоту, возвращаясь обратно к гнезду и гневно крича от боли в ушах и чувства ярости в груди.

Девушка сощурилась и пропустила еще один разряд.

Позади нее тряслись в конвульсиях друзья, мечтая сдохнуть побыстрее и не так страшно.

Рептилия медленно и грузно села в гнездо, мотнув головой, и позволила рухнуть рядом с яйцом всей группе разом.

Бура присела на корточки рядом со стонущими парнями и внимательно на них посмотрела.

Гриф встал первым, кое-как пришел в себя и сжал ее руку, притягивая к себе и глядя в глаза.

— Она смеялась, — тихо сообщил он, не обращая внимания на разъяренную рептилию, сидящую неподалеку.

— Я слышал, — гном. Угрюмо. Даже не пытаюсь встать.

Ему все еще казалось, что его желудок пытается пролезть в горло, а сердце рухнуло в живот и там носится кругами.

Элв ползал на карачках по гнезду, явно не совсем соображая, где он. Блондинистые волосы стояли дыбом, а сам он все пытался сосчитать количество яиц. Выходило: одно. Что не радовало. Вряд ли драконша не заметит его пропажу.

— Ты меня помнишь? — Гриф говорил медленно и четко.

Девушка улыбалась и стояла молча.

— Бура.

Но ему упорно не отвечали.

— Не все сразу. — Элв все же встал и подошел к ним, стараясь шагать по прямой. — Не все сразу. Но сильные эмоции явно помогают ее душе выбираться наружу, пусть и ненадолго.

— Валим.

— А? — на гнома удивленно посмотрели.

Крут ткнул пальцем в набирающую в грудь воздух драконшу.

Гриф сориентировался первым, выпустил жгуты и, схватив ими всех четверых, первым

выпрыгнул из гнезда, одновременно вонзая еще пять в льдистый склон, стараясь тем самым хоть как-то замедлить падение.

Лед трещал, их ударило о гору и протащило вниз. А над головой распустился алый факел.

— Гриф! Держись!

Крут тоже пытался вонзить в лед топор, но правая рука была вывихнута, а левая работала плохо. Эльв, кажется, потерял сознание. Бура же просто висела, задумчиво глядя вниз.

— Я удержу.

Парень обернулся, посмотрел по сторонам и стиснул зубы.

Начинался медленный спуск обратно.

Позже эльв и гном признали, что это был самый страшный спуск в их жизни. Хотя бы потому, что Гриф все время молчал, словно держался из последних сил (а на деле просто не хотел болтать о пустяках). А знать, что твоя жизнь зависит от того, удержится ли тонкий жгут в камне или нет, — приятного мало.

Правда, драконша осталась в гнезде и не стала за ними гоняться. И все же...

Задание четвертое...

— А давайте ее не возьмем.

Все радостно загалдели. Бура сидела в кресле перед камином, забравшись в него с ногами, укрытая чьим-то пледом.

— Так... уютно спит. Зачем будить?

И снова кивки и шумная поддержка аудитории.

— Нет, — маг, — Эти задания явно пошли ей на пользу, а сидя тут, она так и останется просто механической куклой!

Общее уныние. Робкий контраргумент эльва:

— Так... задание-то простое. Без экстрима. Просто посторожить ночью какой-то камень под стеклянным колпаком в доме советника короля.

— Тогда тем более вам нечего опасаться, — отрезал маг, разливая чай в опустевшие чашки.

Когда надо — этот старичок мог очень веско настоять на своем. Хотя бы потому, что все же был магом, а побыть сутки — трое козлом или барашком никому не улыбалось.

— Ладно, — угрюмо кивнул гном, — Пойду я, Сим и... Гриф с Бурой.

Возражающих не было, Гриф пошел будить девушку. Он один никак не комментировал просьбу гнома оставить ее здесь. Просто если бы все решили больше не брать девушку с собой таскал бы ее сам, но уже на другие задания. Жаль только, что маг это прекрасно понимал и, заботясь об обоих, не давал ему своевольничать. Да и, в конце концов, каждый раз парни возвращались в таком виде... что старик был уверен: один Гриф не справится нипочем.

Усталые, издерганные, грязные и счастливые, они шли домой. Гном нес на руках эльва, который "случайно проходил мимо", когда они сражались со склизкими монстрами. Мимо он не прошел и теперь сильно жалел, издавая тихие стоны и постоянно дергаясь. Но камень ребята отстояли.

— Гриф, а ты неплохо сражался, да. — Гном ностальгически закатил глаза и причмокнул, — Как ты того осьминога о стену грохнул, я аж чуть не прослезился.

Все молчали, улыбаясь, вспоминая и радуясь, что все наконец-то кончилось. Еще б помыться.

— А ну стоять!

Народ удивленно замер. Бура покорно замерла за спиной Грифа.

Перед ними из темных провалов арок в свете посеребренной луны внезапно выросли скалящиеся личности с ножами, мечами и рогатками в руках.

— А ну, кто тут самый главный? — Низкий прокуренный голос принадлежал невысокому приземистому мужичонке с одним глазом и одним зубом.

Он стоял, сутулясь, и явно изображал битого жизнью знатока боли, ужасов и прочих реалий бытия.

— Ну я. — Уверенный голос Грифа почему-то никого не покоробил.

Главы в их группе, по сути, не было. Но парень и впрямь был сильнейшим. Плюс отвечает за девчонку.

— Гони бабло и канай отседова, — хрипло попросили его, сплевывая и облизывая ржавое лезвие ножа.

Язык порезали, мужик поморщился и нож убрал. Из уголка рта его стекала кровь.

Сим непроизвольно сглотнул.

— Мм.... А может, дадите мне разобраться? — голос вампира срывался, ноздри трепетали в предвкушении.

Все подняли головы и посмотрели на полную луну.

— Трендец, — вздохнул гном. — Ребят, советую вам свалить, пока не поздно. — Голос его звучал убедительно и тихо.

Убийцы недоверчиво заржали, оценив шутку (в банде было человек пятнадцать, да и то только те, кто вышел), так что бояться кучки грязных вымотанных прохожих уж кто-кто, а они не собирались.

— Отвернитесь, — Шепот Сима прошел по нервам, и все послушно отошли.

Гриф закрыл Буре глаза.

А затем...

Хохот и шуточки прервал громкий вопль. Второй. Третий. Грозный рев вампира перекрыл вопли нападавших и скользнул ужасом в сердца людей. Смех оборвался...

Пять минут спустя.

— Теперь можете смотреть.

Бура вышла вперед и с интересом оглядела стоявших в ряд разбойников с пустыми глазами и алыми пятнами на шеях.

— Знакомьтесь, — Сытый, довольный вампир окинул горделивым взглядом свою мини-армию. — Мой взвод. До утра будут служить, как собаки. А там... отпущу, наверное.

— Дурак, — вздохнул Крут, — Ты перебрал. Тебе нельзя выпивать в месяц больше...

Сим поморщился и показал средний палец. Гном с усмешкой отвернулся и... зашагал вверх по улице, начав горланить по пути какую-то песню и усмехаясь в бороду. Остальные переглянулись и пошли следом, морщась от грубого баса Крута, не попадавшего ни в одну ноту. Одна Бура прислушивалась с интересом. Эту мелодию она слышала впервые в жизни:

Этот бо-ой, тако-ой тяже-олый!
Бились мы-ы-ы... седьмую но-очь!
Я стою-у-у... почти что го-олы-ый!
И ниче-эм мне не помо-очь!!!

Гном прикусил губу, на его глаза навернулись слезы. Бура радостно улыбнулась, Гриф сплюнул.

Но это был еще не конец — последовал припев:

Умираю-у за любо-овь я!
Потому-у и обнаже-он!
Ты вампи-и-ирша, я же — гно-оми-ик,
Вот тако-ой вот нестыко-он...

Дальше Гриф слышал только истерический ржач Иревиля и тяжелые вздохи гнома, перекрывшие даже стоим раненого элва. Вздохнув, он покачал головой и пошел быстрее.

Скорее бы добраться до комнаты и закрыться от всего мира, оградив себя и Буру от этих идиотов. Хотя... гном бился знатно, да и элв, когда одно из щупалец схватило его, мирно проходящего мимо, и приложило пару раз башкой о фонарь, — озверел, вырвался и когтями разодрал агрессора на кусочки, рыча что-то вроде: "И как я теперь к ней пойду?!" — сверкая при этом окровавленной щекой и заплывающим глазом.

Хмыкнув, парень крепче сжал руку девушки и ускорил шаг.

Но их снова прервали.

На завывания Крута в грязный переулок вылез какой-то кривой мужик с дергающимся глазом: в ночнушке и с пулеметом. Он остановился под сломанным фонарем, долго истерически орал, что хочет просто поспать! И открыл огонь, визжа от счастья и захлебываясь слюной.

Еле успели скрыться в ближайшей арке. После чего выстрелы сразу же стихли. А в переулке взвизгнули, что если еще хоть одна тварь вззоет под окнами о гномиках, то...

Сим сплюнул и сообщил, что знает обходной путь. Все молча пошли обратно.

Гриф только зубами скрипнул, впрочем, понимая, что среди сотен Теней, видневшихся среди мусорных куч, вполне может быть та единственная, что утром донесет Совету о гибели старичка-идиота. Так что... обход. И он искренне надеялся, что это ненадолго.

Вампир ошибся. Они обошли полгорода и только к утру нашли свою контору. Вампир встретил рассвет двумя "фонарями" под обоими глазами и общим сумрачно-депрессивным состоянием существа, которому заехали между ног (ну, подумаешь, спросил у барышни дорогу, забыв, что рот все еще в крови, а глаза светят алым). "Фонари" ему поставили свои же, устав ждать чуда в виде знакомой вывески и тупо мечтая догнать и добить.

Но они дома! Приветливо потрескивает камин, на столе стоит завтрак, Симка и маг возятся на кухне, а Иревиль на руках несет Фефа к столу, уговаривая того хоть немного поесть (анрел потратил все силы ночью на борьбу с силами тьмы и теперь даже шевелился с трудом).

Задание пятое...

— У нас боевой робот, заряженный магией! И мы не побоимся его применить!

Народ притих, за запертой дверью был слышен хриплый смех, и оттуда неслось громкое:

— А у меня пушка! И я ща ка-ак фигакну по вам!

И снова хохот.

Элв растерянно посмотрел на сжимающего тесак Крута. Стояли парни на ступенях огромного дома, а их заданием на сегодня было — выкурить какого-то сумасшедшего, забравшегося в особняк и не желающего выходить. Сумасшедший владел магией, был невменяем полностью и хозяев обещал как минимум — сожрать, как максимум — повесить на воротах и зверски надругаться. У престарелой четы не было слов. Зато были деньги. И телепатическая связь с родственниками. Так что... теперь Круг, элв, Бура и Гриф стояли под дождем, ежась от ветра, на ступенях довольно старого строения и соображали, как бы попасть внутрь, не снеся дверь. (Старинная работа, штучный вариант. Бронебойная.)

— Он не принимает нас всерьез. — Крут нахмурился.

— Пускать Буру? — элв смотрел на Грифа.

Тот подошел к окну, отрицательно качнул головой и запрыгнул на подоконник, примеряясь к стеклу.

— Ладно. Продолжим отвлекать. — Крут снова повернулся к двери и открыл было рот, но тут...

Мимо пронеслось что-то белое и смазанное, в лица гному и элву ударил горячий воздух, вздыбив волосы, а... дверь снесло внутрь, пронесло по залу и вмазало в стену напротив.

Девушка медленно прошла мимо друзей и вошла в дом.

— Кхм, — Гном глянул на Грифа, изучающего выбитое стекло, и схватил за руку элва, — Впер-р-ред!

Дверь отодвинули, захватчика и пушку извлекли из вмятины в стене и положили на пол. Он был еще жив и грязно ругался.

Бура в одиночестве ушла бродить по этажам, и звуки взрывов напомнили спасателям, что ее нельзя оставлять одну.

Нашли девушку на втором этаже: она из пушки взрывала картины вместе со стенами и шла дальше, щуря глаз. Чем ее не устроили портреты — никто не понял, но Гриф сумел увести воительницу на улицу до того, как вампир вывел из подвала заказчиков.

Хозяева радостно вошли в дом, обняли спасителей, долго всех благодарили и обещали накормить ужином. Продрогшие мокрые агенты приободрились и скромно улыбались, пожимая руки в ответ.

Правда, потом супруга сбегала наверх — привести себя в порядок — и обнаружила дымящийся коридор и продырявленные стены... После чего долго вопила и просила мужа всех задержать, пока она не спустится. Муж в это время как раз выдавал гонорар усталым спасателям.

Гонорар взяли. Мужу сказали: "Да мы не голодны", — и смылись до того, как им выставили счет или чего похуже.

Итак, что в итоге: задание выполнено. Все — счастливы. Буру в который раз решили больше с собой не брать.

ГЛАВА 22

— Надо что-то делать. — Крошечный анрелочек с мрачным видом ходил по подлокотнику кресла и горестно взмахивал крыльями.

Еще один дух, но с рожками, сидел неподалеку и смотрел на пылающий в камине огонь.

— Мы все перепробовали. Она не реагирует.

— Я молился!.. Каждую ночь.

— Ты молился? Я вон ей электрошок раз пять устраивал, навел сон о бане с мужиками в полотенчиках — трижды! Подмешивал пурген в еду и заставил Грифа ее поцеловать. Все. Точка... Э-э, а что ты так на меня смотришь? Спокойно, Феф, я действовал в рамках морали, и наша девочка еще не...

Дальше вопль, сверканье и стон благословленной нечисти.

— Это ж надо, — бормотал анрел, возмущенно глядя на темного, — чуть-чуть не уследишь, и вот вам — баня! Хорошо хоть с полотенчиками. Ну, Иревиль!.. Ладно. Продолжим.

— Умираю.

— Не отвлекайся.

— Хвост!

— Что, хвост?

— Вот и я о том же. Где мой хвост?

— Ну... на полу не искал?

Тяжелый взгляд алых глазок.

— Ой. Прости... ну хоть рог на месте.

Ощупывание макушки, скрежет зубов.

— Второй вырастет обязательно. Я уверен, — покивал головой анрел, мягко улыбаясь.

Скрежет стал громче.

— Так. О чем это мы? Ах, да! Иля.

Вздых.

— У меня есть план. Изложить?

Нечистик угрюмо кивнул, осторожно сядя. Потом лег. На потолке копошились в

свежей паутинке три пойманные мухи.

— Сильный стресс вогнал ее в состояние робота. Значит... еще более сильный стресс снова сделает человеком.

— Предлагаешь напугать до икоты боевого андроида?

— Попрошу без сарказма. Да, напугаем! В конце концов, она девушка, а потому...

— Мыши.

— ...при чем тут мыши?

— Дамы очень боятся мышей.

— Хм... я подумывал о доме с привидениями. Но это — тоже вариант.

— Или лысина. Все девушки боятся лысастости.

— ...Издеваешься?

— Серьезен как никогда.

Тихая молитва с просьбой о смирении, грустный взгляд голубых глаз. Кроткое:

— Я тебя прощаю.

— Спасибо, — очень мрачно и без тени благодарности. Зад с оторванным хвостом все еще болел.

— Итак. План таков: сначала мы показываем ей мышь... потом ведем в дом с привидениями, а если все это не поможет...

— И андроид не визжит от ужаса, запрыгивая на руки первому попавшемуся мужчине и вминая его всем весом в пол...

— ...то мы, — повышая голос, — возвращаемся в замок, где это с ней сделали, и ищем способ, как вернуть нашу девочку назад.

— Хм... прикуем к столу, вскроем голову и начнем перетывать проводки? Фефа, ты — садист с задатками ученого.

Анрел нахмурился, но простил и это.

— Так ты со мной? — сверкнув голубыми глазками и убирая со лба золотистую челку.

— Да, — мрачно сообщили снизу, не спеша вставать. — А то, чувствую, получу назад невменяемого робота, мечтающего убить все живое и мнящего себя пупом вселенной. Вот тут мне и настанет трендец по причине невыполненного плана.

Феофан вздохнул и слетел с кресла, отправляясь на поиски мыши. Он прекрасно знал: несмотря ни на что, вечно ворчащий Иревиль его не бросит ни при каких условиях и в обиду не даст, следуя принципу: лучше сам добыю. Что, конечно... огорчало.

Тяжелый вздох и мягкая улыбка тронула губы духа. Но он ведь тоже его любил.

— А-а-а-а-а!!! МЫШЬ!!!

— Фефа, спокойно! Я тут. И слезь с меня, пожалуйста. Я уверен, она уже не кусается.

Трясущийся дух ступил на пол, тут же отходя за спину нечистика. Мышь с инфарктом валялась в углу. До того как над ухом раздался пронзительный визг, она как раз решала: раскопать ли ямку с запасами или ее все же могут увидеть?

— А, нет, все еще дышит. Ну ты, Феф, даешь. Не думал, что ты боишься мышей.

— Это монстр! А не мышь, — немного смущенно и тихо. К "монстру" подойти он так и не решился.

— Ну чего встал? Я один ее, что ли, потащу? Идея, кстати, была твоя, так что иди сюда, пока я еще добрый, — Рёва как раз примерялся к правой задней лапе, прикидывая, смогут ли они вообще поднять мышь наверх.

Оба духа сейчас были в глубокой извилистой норе, бравшей начало из подпола их дома. Здесь и нашли освещенную мягким светом нимба мышь.

— Гм... я не могу, я ни за что не прикоснусь к этому...

— Тогда она пойдет в мужскую баню! Тоже своего рода шок. Хотя бы и для мужиков.

Анрел ахнул, расширил глаза и, стиснув зубы, резко пошел к зверьку.

— Это шантаж, — срывающимся голосом, осторожно нащупывая волосатую лапку и зажимая глаза.

Нащупал. Вскрикнул, сжимая как можно крепче.

— Это моя рука, — мрачно. Сбоку.

— А? А-а... ну да. Прости. А лапа?..

— Вот. — Судорожный вздох и приоткрытый правый глаз. — Тяни, герой.

И два духа с трудом потащили тушку полудохлой мыши наверх, в дом, упираясь в землю ногами и помогая взмахами крыльев. Анрел при этом... и впрямь почувствовал себя героем, дрожа и стискивая до скрипа зубы. Назад он старался не смотреть вовсе и боролся со страхом изо всех сил. В глазах его пылала решимость. А Иревиль с усмешкой за ним наблюдал, впрочем, тоже надеясь, что мышь не очнется раньше времени.

Пять метров спустя.

— Я устал, — тихо.

— Терпи.

— Тяжелая.

— Да что ты?!

— И, кажется, она чем-то шевельнула, — напряженно.

Иревиль стиснул зубы и тяжело вздохнул, закатывая глаза.

— Я шас тоже чем-то шевельну, дабы не расстраиваться. Феф!

— А?

— Тащи давай.

— А если очнется? — с замиранием, стараясь не оглядываться.

— Добью. Рад? — Кивок. — Пошли.

Анрел неуверенно улыбнулся и еще пару метров послушно и изо всех сил тащил тушу. После чего за спиной послышался тихий писк, шорох, и ему в шею кто-то дыхнул. Тепло так. Страшненько.

Феофан замер и покосился на Рёву. Тот вздохнул, сморщился и выпустил когти. — Мама...

— Ша, погоди. Дай мне минуту, и я буду мамой, а пока...

И бледный анрел, зажмурившись, остался стоять на месте, слыша страшный визг и рев за своей спиной, где вступил в смертельную схватку его друг, выполняя желание Фефа ценой собственной... Нет, нельзя вот так просто стоять и ждать. Нахмурившись, анрел распахнул голубые глаза и, не глядя, всех благословил, надеясь, что Иревиль, наученный горьким опытом, — увернется. За спиной все резко стихло.

Феофан сжал кулаки, произнес благодарственную молитву и напряженно обернулся, надеясь увидеть чудо...

Дымящийся Иревиль мрачно смотрел на него, прижимая когти к шее валяющейся в отключке мыши. И молчал.

— Я помог? — осторожно спросил Феф.

Рёва вгляделся в невинные глаза, что-то прокрутил в голове, плюнул и потащил мышь дальше сам.

Растерянному Феофану он так ничего и не сказал.

— Итак. Мышь. Девушка. Спальня. Давай уж, великий мозг, твори воскрешение заблудшей души, а я пока мазь на голову наложу.

— Спасибо, — робко, вслед.

Ему махнули — типа: да не за что.

Илия спала. И... ей ничего не снилось, а на диване лежал Гриф, отвернувшись к стенке и заложив руку за голову.

Анрел осторожно положил мышь на ковер и взлетел на кровать, направляясь к девушке. Он был уверен, что его план удастся. Тем более что мышь уже дергала задней лапкой. Что, безусловно, обнадеживало.

— Вставай, — ласково на ушко.

Тишина.

— Илия, там... на ковре — сюрприз. Открой глаза, это я, Феофан.

Девушка продолжала ровно дышать.

— Помочь? — С туалетного столика, отвинчивая крышку баночки крема для депиляции и косясь на кровать.

— Ну...

Разряд пролетел по комнате и попал в ухо спящей.

Илия села, глаза открылись. Мышь что-то пискнула с пола.

Звук взрыва и дрожь стен ощутила вся команда, мгновенно вскочив и побежав спросонья наверх.

А там! На кровати сидел боевой андроид с дулом вместо руки и, испуская лазерные лучи из глаз, шарил по комнате, ища грызуна. Гриф сидел рядом и что-то тихо, успокаивающе говорил. А на люстре, обняв друг дружку, сидели Феофан с мышью и с ужасом смотрели вниз на "оружие массового поражения".

Иревиль тихо ржал на подоконнике, глядя на происходящее. То, что он анрелочка предупреждал о последствиях, уточнять было не надо.

ГЛАВА 23

Гриф сидел на кухне. В окно светила яркая луна на расчистившемся к ночи от туч небе, Ветер завывал в трубе, напоминая загробный вой мертвецов. А два маленьких духа расстилали на скатерти мятый кусочек заляпанного вареньем объявления о награде за поимку пятнадцати призраков в замке с НАСТОЯЩИМИ (это слово было выделено особо) привидениями, превратившимися в монстров, терроризирующих все живое в радиусе пяти километров.

По словам заказчика (анрел утром успел к нему слетать и кое-чего наслушался), каждый, кто проводил ночь в замке, — к утру седел или же просто оставался немым на всю жизнь, а то и вовсе умирал. И это в век магии и волшебства. Немыслимо! Но, кажется, призраки смогли соткать что-то вроде своего узора в ткани реальности внутри замка. Вследствие чего теперь в каменной громаде могут оживать самые большие страхи любого из проникающих внутрь живых существ. И эти страхи уже вполне способны убивать...

Короче, за задание никто не брался, что сильно увеличило гонорар. В замке же требовалось провести всего три ночи подряд, и тогда "мрак рассеется и деньги будут выплачены".

В этот момент духи подумали о Буре, которую срочно надо было возвращать к жизни — а это задание сулило немало острых ощущений и могло послужить хорошим допингом для ее "оживления".

— Только пойти вы должны вдвоем! Иначе не будет так страшно, — напутствовал Грифа Феф.

— ...а вы уверены, что это поможет? — парень явно сомневался.

— Да, — хором.

Рёва вообще хотел побыстрее с этим покончить и начать свои методы лечения, на которые анрел дал добро, если замок с его ужасами не поможет.

— Хорошо. — Гриф встал, потянулся и направился к выходу, — Выходим сейчас. Я поднимаюсь за Или.

— За Или? — немного офигел Рёва.

— Ему можно, он — ее будущий муж.

Нечистик перевел ошарашенный взгляд на спокойного анрела, стоящего на столе со скрещенными на груди руками.

— Да? — все, что он смог из себя выдавить.

После чего его схватили за руку и поволокли по воздуху на четвертый этаж, откуда уже спускались по темной лестнице сонная девушка и Гриф. К счастью, на пути к выходу им так никто и не встретился. Все спали.

Замок находился далеко. И даже очень. Но в объявление был встроен порт-контракт. То есть при использовании телепорта к дверям замка вы автоматически подписывали контракт и

соглашались принять все условия, описанные в нем, безоговорочно.

Феф очень волновался, что на духов это не распространяется и придется лететь самим. Но все прошло хорошо, и вскоре все четверо уже стояли перед распахнутыми настежь дверями маленького неказистого домика, затаившегося в глубоком лесу.

Гриф пожал плечами и грохнул по двери кулаком. На замок это не тянуло. Но... все же телепортировало их именно сюда.

Внутри завозились, мужской голос пьяно всех послал, и все стихло.

Гриф вздохнул и врезал еще раз. Дверь вогнулась внутрь и треснула посередине. И это при том, что была новой и довольно массивной. Рёва присвистнул и улыбнулся.

А в доме раздалась ругань пополам с рычанием, дверь резко отворили, на пороге появился лысый высокий мужик, чем-то смахивающий на медведя и держащий в руке здоровенную дубину.

— Ну все, гады, — сообщил он и шагнул вперед.

Илия молча удержала Грифа за рукав и шагнула вперед сама. Парень не возражал и покорно пронаблюдал, как разъяренному хозяину дали в челюсть с каменным выражением лица.

И даже Феф промолчал, вздохнув и подумав, что машине разрешено чуть больше, а вразумит он девушку потом... когда она отойдет.

Полчаса спустя.

В печке горели дрова, тепло распространялось по небольшой комнатке, а при свете двух неказистых свечей хозяин, хромая от стола к печи и обратно, уставлял стол вчерашней снедью, одновременно объясняя прибывшим суть их нового задания:

— Фамок фтоит на гофе.

— Я сейчас, подождите. — Сердобольный Феф силой мысли поднял аккуратно сложенную на столе горсточку зубов и разом вставил их все в приоткрытый рот хозяина дома.

Раздался вскрик, вой и тихий мат благодетельствованного. Иревил хмыкнул и щелчком пальцев снял боль. Мужик потрогал языком старые зубы, немного успокоился и продолжил, уже с большей опаской поглядывая на двоих "людей": духов он не замечал.

— Ну так вот. Замок — на горе. Заходи кто хошь. Провести надо три ночи, так хозяин договорился с духами. Если выйдете в итоге живые и вменяемые — призраки уйдут навсегда, так как подписали тако-ое... мошенничать, короче, больше не будут.

— А далеко идти до горы? — Гриф рассматривал нацепленную на вилку картошку, слушая вышагивающего по комнате мужика.

— Да не. Вон она-то. Полмысли, и вы там. Только идти в лучшем завтра вечером, а то ночь не засчитают.

— Отлично. — Гриф все же проглотил картошку и потянулся за следующей. — Тогда мы останемся тут на ночь.

Кровать одна?

— Да, — скрипнув зубами.

— Жаль. Тогда мы с тобой спим вместе.

Шок в глазах, от него отошли.

— На полу. Адама — на лежанке. Ты против?

Мужик вздрогнул и отрицательно качнул головой. О том, чтобы утром незваные гости ушли, — он уже просто мечтал. Да и не заснет все равно... А еще они его объели. Сильно... Сво-олочи.

Кровать выдержала вес девушки, и она спокойно проспала до утра.

А утром... петухи не кукарекали, птицы... пели, но тихо. А вот один надоедливый анрел — упрямо тыкал иголкой в ухо, уговаривая открыть глазки и прекратить симулировать здоровый сон. Пришлось встать, умыться и почистить зубы.

Потом гости не спеша поели, расспросили про дорогу и попросили проводить. Долго выламывали застрявшую в проеме дверь и... наконец-то ушли: сытые, довольные и наглые,

по мнению угрюмого хозяина.

Итог: дверь лежала в комнате, мужик со вздохом убирал со стола, ругаясь под нос, а Рёва записывал в блокнотик все то, что успела натворить Илия, стараясь ничего не забыть.

Анрел морщился, пытался вспомнить, что девушка сделал хорошего, и смотрел на белый лист своего блокнота. Карандаш — нетронутый — висел сбоку. Н-да.

— Замок! — Феофан радостно взлетел вверх и полюбовался на грязно-серое обшарпанное мрачное строение со шпилями, полуобрушившимися башенками и горгульями на стенах.

Он гордо возвышался на холме, окруженный мрачными деревьями подступающего все ближе леса, и невозмутимо смотрел на пришельцев черными проемами бойниц.

— Готично, — Рёва огляделся и сощурился. — Я бы тут пожил.

— Не говори ерунды. Гриф, ты его видишь? — подлетая к уху парня.

— Да. Минут через десять будем рядом.

Духи загладели, обсуждая план действий, и опустились на плечо девушки. Правое. (Рёва опять забылся.) А солнце, только-только забираясь на чистый небосклон, освещало лес, замок и окрестности ярким довольным светом проснувшейся звезды.

Итак. Если пропустить утро, посещение замка, выкрики Рёвы: "Ау, здесь есть еще придурки?" — и стрельбу Или по крысам из оружия массового поражения (прорех в стенах и потолке стало много больше, крысы мигрировали в лес, решив, что оно того не стоит), то мы перейдем сразу к тому моменту, когда ночь опускалась на мир и луна робко карабкалась на небосвод, унылым серпиком заглядывая в окна и освещая тусклую картину запустения и упадка, Гриф — давно проверивший все и везде и успевший облазять замок сверху донизу — теперь стоял рядом с девушкой и спокойно ждал, прислонившись спиной к стене и сложив руки на груди. Анрел уговорил его не предпринимать ничего, пока Илия не испугается, и парень согласился. За себя он не боялся. Его напугать было, мягко говоря, непросто.

За девушкой же он пристально следил, приготовившись ждать столько, сколько нужно, прикрыв ресницами черные отблески в глазах.

Пусть даже ждать придется все три ночи.

ГЛАВА 24

Ветер лихо пронесся, хлопнув ставнями о стены. Сверху судорожно заскребся какой-то зверек, и снова все стихло...

Двое стояли в холле первого этажа, освещенном лишь тусклым светом луны, проглядывающей через рваные просветы облаков, и ждали, сами не зная чего. Гриф держал Илию за талию и спокойно разглядывал старинные часы, косо висящие на полуразрушенной стене. Ни ему, ни девушке страшно не было. А зря.

Зря не боялись. Темнота словно сгущалась, растекаясь по полу и заслоняя оконные проемы и дыры в стенах. Очень медленно начали срастаться пробоины в камне. И, как только поломанные часы пробили полночь, ставни закрылись, тихо хлопнув створками, а зал погрузился в полную темноту, не оставившую ни единого лучика света.

Замок начал оживать.

— Рёва... ты где?

— Тут.

— Ой. Прости.

— Угу. Слушай, странно как-то. Мне холодно.

— Ну... мне тоже. И что?

— Только что жарко было.

— Хм...

— Иля, — Голос раздался за спиной девушки, и она медленно повернула голову.

— Да? — Спокойно, холодно.

Духи поморщились, но промолчали. В конце концов, она просто обязана была очнуться.

— Не отходи далеко. Поняла? — шепнул Гриф на ушко. — Да.

И снова темно, тихо.

— Рёва.

Ему не ответили.

— Иревиль? — немного нервно.

Где-то скрипнула половица, и все замерло.

— Рёва, это не смешно! Иля, скажи ему... Иля? Хм... как я оказался на полу? Ой, нет, это подоконник. Что-то мне нехорошо. ИРЕВИЛЬ!!!

— Не ори.

Вскрик, сверкание нимба. Рычание нечистика.

— Ой, прости. А...

— Дай руку. Вот. Так и держи. Эта тьма особенная, она нас разделяет. Но ты — моя половинка, так что не бойсь, я тебя везде откопаю.

— Спасибо, — смущенно.

— А вот Лию и Грифа... тут сложнее. Предлагаю оставаться здесь до утра. Пугать будут их, скорей всего. Мы для замка не совсем видимы, как и для обычных смертных. Так что бояться нечего.

— А я и не боюсь, — возмущенно. Но руку Феф не вырвал.

— Вот и молодец. Садись. Переждем здесь.

Кивок, который никто не увидел. И духи осторожно присели на камень, все так же держась за руки и прислонившись спиной друг к другу.

— Как считаешь...

— Молчи. Не привлекай внимания. Мало ли... заметят.

И маленький дух покорно затих, чувствуя тепло ладони Рёвы и полностью доверяя ему.

Девушка стояла во мраке и не шевелилась. Грифа больше не было слышно — ни дыхания, ни голоса... Его присутствия совсем не ощущалось, и она застыла в одиночестве, спокойная и холодная, как и три часа назад, когда еще сияло солнце.

Скрип повторился. Словно наступили на старую половицу, но уже ближе.

И снова тишина.

— Гриф.

Никто не откликнулся. Предположение подтвердилось: она одна, а потому и действовать должна самостоятельно. Руки медленно преобразовались в оружие: каждый палец теперь мог испускать лазерный луч, разрезающий сталь. Но сражаться пока что было не с кем.

А потому — надо снова ждать. В голове работал таймер, до рассвета оставалось пять часов тридцать четыре минуты.

Жда-ать...

Гриф понял, что Илии нет рядом, сразу. И просто ее пошел искать. Тьма мешала. Он не видел и не чувствовал даже колебания воздуха, словно оглох и ослеп одновременно. Остановившись, парень повернул голову и громко ее позвал. Тьма тут же набилась в рот, нос и глотку — неосязаемая, но неприятная. Он сглотнул, поморщился и пошел дальше.

Но ноги внезапно потеряли опору, воздух сгустился, и парень рухнул вниз, группируясь в полете и изрыгая проклятья про себя. Началось. А он опять не предусмотрел всего. Зар-раза.

Девушка застыла в полной темноте, словно впад в транс. Вокруг — тишина, покой и никого. Но страшно не было. Вообще эмоций не было. И только таймер тихо щелкал секундами в голове.

Щелк.

Скрип ближе и четче, словно кто-то тяжело дышал, стоя неподалеку и разглядывая ее.

Щелк. Щелк.

Ветер шевельнул волосы, рецепторы носа уловили вонь помоев, стало противно и тошно. Но девушка продолжала стоять на месте.

Щелк. Скрип. Щелк. Скрип. Щелк...

Оно подошло ближе и... пропало. Пропала вонь, словно ее и не было, пропал звук и ощущение взгляда. Все исчезло. Таймер продолжал тикать в голове.

Рывок, хруст раздвигаемых ребер и огромный коготь, алым шилом зависший в воздухе перед ней. Горло заполняла кровь, глаза смотрели на коготь, а тело задержалось в конвульсиях. Что-то замкнуло, голову сжали огромные холодные пальцы, внутри микробионы бежали по сосудам, спеша восстановить повреждения и разрушить чужеродное тело. Руки дернулись, лазеры срезали конец, и она шагнула вперед, с чавком снимая с когтя тело. А после, резко развернувшись, разрезала тьму за спиной пятью лучами разом.

Кровь хлестала из дыр, стекая по рубашке и штанам вниз. А позади нее была только тьма, снова все поглотившая.

Сейчас... она была даже не уверена, что действительно видела коготь.

В этой темноте нельзя было ничего увидеть.

И она снова застыла, усилив до максимума чувствительность рецепторов и вслушиваясь в шумы, а точнее, в их отсутствие. Ноздри затрепетали, глаза полыхнули алым.

Тишина-а...

Внезапно кто-то засмеялся у уха. Тихо, хрипло, словно захлебываясь кровью, и все же хохоча изо всех сил, кашляя и прерываясь на миг.

Рука дернулась вбок, но там никого не было, даже смены температур, что свидетельствовало бы о присутствии призрака... потустороннего тела. Ничего. Кроме смеха, который все не утихал.

Рука втянула пальцы, преобразовалась в ствол, Илия отвела ее вбок и шарахнула разрядом, глядя прямо перед собой.

...тихо.

Снаряд был проглочен, взрыва не последовало. А стреляла ли она?

Зато смех оборвался. И снова стало тихо. Таймер в голове показывал, что до рассвета осталось все те же пять часов тридцать четыре минуты...

Дыхание девушки участилось, мозг начал работать быстрее, а сломанный таймер выключился. Причина поломки — неизвестна. Решение проблемы — неясно. Миниатюрные наноботы уже начали разборку и сборку механизма. Вся надежда на них.

И снова — мертвая тишина.

Правда ожидая нападения и глядя в пустоту, она не боялась. Киберы не умеют бояться...

— Как считаешь, как там наша девочка? — Фефу было слишком страшно просто сидеть и молчать, ничего не видя и не слыша.

— Не бойся, не пропадет.

— Просто... взрывов не слышно.

— Хм... там Гриф.

— Ты прав. Гриф не даст ее в обиду. Спасибо.

— За что? — удивленно.

— За разговор.

Тишина.

— А... не поговоришь со мной еще? Хотя немножко. Тут... немного неуютно.

Тихий хмык за спиной, и анрел ощутил, как Рёва пожимает плечами.

— И о чем же мы будем говорить?

— О чем угодно! — с энтузиазмом.

— Тогда о бабах, — мстительно.

Анрел запнулся и с ужасом понял, что влип.

— Итак, — тихо и с наслаждением растягивая слова. — Так как там у вас с тем анрелом?

И удрученному Фефу пришлось всю ночь рассказывать о своих путаных чувствах и выслушивать отчеты о похождениях Иревиля. И... это была худшая ночь в его жизни! Иревиль же наслаждался, улыбаясь и радуясь, что не успел первым попросить разговора по душам.

Слушать бы ему тогда псалмы до самого утра. Что удручало. Атак — все супер. Да и рассвет не может быть за горами.

— А еще... у одной девушки была половинка души — рыженькая. Так она та-ак...

Стон Теофана был ему ответом.

Рёва блаженно улыбнулся, продолжая. Ему было хорошо.

ГЛАВА 25

Скованная и спокойная, она стояла и смотрела в никуда. Шорохи, скрипы, дыхание и колкость когтей, пробегающих по плечу, не пугали. Яркие внезапные вспышки вдали, на миг рассеивающие мрак и ослепляющие сенсоры, заставляли выпустить когти и приготовиться. Но все стихало снова, как и в прошлый раз.

— Ты не боишься? — Хрипящий надтреснутый голос раздался у самого уха.

Девушка резко обернулась и врезала кулаком в темноту. Ничего. Рядом никого не было.

— Что ж. Посмотрим, будешь ли ты так же спокойна и дальше.

И из тьмы вырвалась ладонь с окровавленными огрызками когтей, вонзилась в живот, пропорола кожу и мышцы и застряла внутри, шевеля пальцами и подергиваясь.

Выдох. Руки сжались на кисти и рывком ее выдернули. Хохот, врезавший по ушам, напоминал визг сумасшедшего. Кисть же шевелилась, извивалась и блестела алыми каплями. Видимо, была оторвана у кого-то и теперь жила своей жизнью.

Девушка отбросила ее на пол, до хруста придавив ногой.

И снова вокруг — только тьма, а под ногами — ровный пол.

Рана в животе медленно заживала, но кровь продолжала литься.

Лия поняла, что просто стоять и ждать нельзя — истечет кровью.

И, словно в ответ на ее мысли, вспыхнул яркий свет всех факелов разом. Хм, и снова она — на первом этаже, только стены вокруг без дыр и увешаны гобеленами. В камине разожжен огонь, а тени пляшут по углам, извиваясь и корчась в тишине.

Девушка огляделась и задумалась. Ей нужна была ванна — обработать рану и смыть кровь. Кажется... раньше их делали рядом со спальнями на втором этаже и выше. Она пошла к лестнице, внимательно прислушиваясь к звукам и шепоту и зажимая рукой рану на животе. Жаль, но факелы горели только внизу, в зале. Весь же второй этаж был погружен во мрак.

Ванная поражала чистотой и белизной. Подойдя к зеркалу, Илия медленно повернула кран и подставила окровавленные руки под струю воды. Вода рванула с хриплым воем и ударила по коже, окрашиваясь в алый цвет и закручиваясь водоворотом у стока.

Девушка подняла голову, посмотрела на свое отражение.

Отражение улыбалось и... облизывало красные пальцы, щуря глаза.

Бура опустила голову и продолжила мыть руки. Фигура в зеркале замерла. Злобно сощурившись и выпустив когти, она медленно сдавила... шею.

На коже девушки тут же появились алые яркие полосы. Она снова подняла лицо и встретила с торжествующей ухмылкой отражения.

Потом двинула кулаком по стеклу — осколки с разлетевшейся на кусочки перекошенной рожой осыпались на пол, хватка на шее разом исчезла. Что-то завизжало. Девушка-киборг только пожала плечами и закрыла краны. В ванной... было не так уж плохо. И она осторожно присела на край, глядя на закрытую дверь и решив дождаться рассвета здесь.

Но тьма не собиралась сдаваться.

Вскоре из-под двери полезли странные причудливые тени, а затем раздался мерный

тихие шаги, приближающиеся к ванной.

Они слышались все ближе и ближе, все громче и громче. Тени под дверью резко открыли алые глазки и оскалились рваными улыбками, ожидая неизвестно чего.

Девушка задумчиво посмотрела на них и преобразовала руку в пушку. Она тоже ждала.

Последний шаг замер на границе тишины. Дверь вздрогнула от удара, тени зашипели и резко втянулись под нее, а дерево снова содрогнулось. И еще раз, и еще.

Петли трещали. По двери заскользили трещины, а за ней раздалось тихое рычание, переходящее в хриплый рык.

Удар. И три когтя — черные и загнутые — пробили преграду насквозь и возникли перед Илией.

— Выходи, — прохрипел монстр и дернул дверь на себя.

Прогнувшись, она завибрировала на петлях и начала медленно поддаваться.

Бура подняла руку, сощурила глаз и выстрелила плазмой.

Дверь, монстра и визжащие тени снесло и коридор, пробило стену и вышибло наружу.

В ванную медленно вползли струйки дыма, и вновь воцарилась тишина. Рука девушки медленно возвращалась в исходный вид, до рассвета оставалось... она и сама не знала сколько. А потому перевела взгляд на крошечное оконце под потолком. И приготовилась ждать.

Все замерло. Звуки исчезли, а темнота обиженно затаилась, окружив ванную комнату, свет в которой начал мерцать. Несильно. Но магический огонек задрожал и стал биться о стекло, словно чего-то боялся и вот-вот собирался окончательно погаснуть. Тогда она снова окажется во тьме.

Девушка встала, посмотрела на фонарь и сняла с полки полотенце. Ногтем правой руки скользнула по пальцу, открывая небольшое отверстие, и на тряпку полилась густая маслянистая жидкость, пахнущая дегтем. Полотенце Бура бросила в раковину. Добавила масла, заткнула слив железной пробкой, и лазерными лучами, вырвавшимися из таз, подпалила ткань. Вовремя. Огонек в магофоне окончательно погас, и неровное свечение чадающей тряпки стало единственным, что теперь освещало стены.

— Долго она не прогорит. — Бура и сама не знала, зачем говорит вслух. Но так было... правильнее.

У уха что-то зашипело, и щеки коснулось мокрое и холодное. Повернувшись, она не увидела ничего, кроме занавески, висящей у стены и покрытой темными разводами. Скорей всего, бурыми. Это кровь стекала с нее в заполняющуюся водой ванну, вода в которой медленно поднималась из слива — мутная, грязная, с запахом канализации. Девушка задумчиво посмотрела на нее и встала. После чего прислонилась спиной к стене и продолжила молча наблюдать, готовясь к очередной пакости. Из осколков зеркала на полу за ней злобно наблюдало ее отражение, слишком мелкое, чтобы причинить вред, а потому временно бездействующее.

Уровень воды в ванне все повышался. Иногда со дна всплывали пузыри, и тогда над поверхностью поднимался зеленоватый пар с довольно противным запахом. Пришлось понизить чувствительность фильтров в носовой полости и снова повесить уровень видения.

Тряпка догорала, свет потихоньку гас. Вода уже поднялась до края ванны и начала переливаться на пол. В глубине что-то мелькнуло, и... из ванны медленно начала подниматься рука, обвитая водорослями и черными червями, противно шевелящимися в разлагающейся плоти.

За ногу схватили, больно впиваясь когтями и дергая вперед. Впрочем... такой вес подвинуть непросто. Так что Бура устояла, ударив резко по руке и сбросив ее, и снова посмотрела на воду — оттуда снова всплывало к поверхности гнусно ухмыляющееся бледное лицо с разверстой черной пастью.

Утопленница опять протянула руку и вцепилась в край штанины девушки, пытаясь утянуть ее в воду. Девушка рывком отодрала ее от штанины, резко вывернула, слыша треск и чувствуя, как под пальцами разъезжается плоть.

Существо застыло и перестало скалиться. Вторая рука резко вырвалась вперед и схватила за шею. Распухшая голова утопленницы с широко раззявленной пастью медленно на нее надвигалась. В пустых глазницах что-то копошилось, а мокрый хрип пробирал до костей. Бура дернулась назад, отдирая от себя сразу обе руки, и сбросила их обратно в воду. После чего, сформировав пушку, расстреляла существо, спокойно наблюдая за тем, как оно дергается в конвульсиях.

Но тут сзади раздались шаги — и в спину вонзились когти, а смрадное дыхание обожгло шею. Не оборачиваясь, она направила дуло назад, спустила курок и выстрелила в пасть монстра. Грохот на миг оглушил, а плечи и спину облепило кусками чего-то теплого, сползающего вниз.

Улыбнувшись, девушка снова присела на край ванны, задумчиво посмотрела на что-то огромное, в конвульсиях еще дергающееся на полу, и перевела взгляд на небольшое оконце под потолком.

Нужно ведь просто дождаться рассвета. Просто дождаться... и все.

Вода в ванне за ее спиной начала убывать, раны на теле постепенно затягивались, а тьма за порогом сгустилась и отступила на время...

А затем... ночь как-то внезапно закончилась. Стало светать. И на пороге появился грязный, израненный Гриф, вытирающий кровь со лба и задумчиво оглядывающийся по сторонам. Правую ногу он подволакивал, но внешне сильно не пострадал. Увидев девушку, парень подошел, провел пальцами по ее щеке и спросил, как она.

— Хорошо.

— Хорошо... — задумчиво оглядывая ее, он сделал шаг назад, устало оперся спиной о стену, прикрыв глаза и облегченно усмехнувшись.

Внезапно из стены с визгом вылетели длинные лезвия и резко сомкнулись на нем... точнее, на руках девушки, которая, сделав шаг вперед, успела обнять его, защищая.

Бура с силой рывком дернула лезвия, размыкая их, и они с тихим звоном осыпались на кафель, уже ни для кого не представляя опасности. Глаза девушки были расширены, она тяжело дышала, ее трясло.

— Чуть не попался... — удивленно глядя на пол.

— Идиот, — тихо. На выдохе.

Парень замер и поднял голову. На него смотрели вполне человеческие глаза, наполненные настоящим страхом. Он недоверчиво сощурился и мягко усмехнулся:

— Вернулась?

Из золотых глаз потекли прозрачные слезы, и она прижалась к нему, утыкаясь в плечо и стиснув зубы. Мысль о том, что он едва не умер на ее глазах, жгла огнем вернувшуюся в тело душу.

— Придурок.

Ее осторожно обняли и скользнули губами по виску.

— У меня кожа непробиваемая для таких штук. Да и не дал бы я так просто себя убить.

Она вздохнула и удивленно нахмурилась. После чего попыталась вырваться. Но ее со смехом удержали, словно и не заметив попытки.

— Но мне приятно, что ты беспокоилась, — хитро щурясь и вновь глядя в ее глаза.

— А мне приятно, что вы живы! — в ванную влетел сонный Феофан, зевнул и помахал ручкой обоим.

На лице Грифа мелькнуло недовольство, но он промолчал. Бура же радостно протянула руку, и Феофан немедленно на нее уселся, довольно глядя на свою подопечную и улыбаясь во весь рот.

— А где Иревиль? — Гриф не спешил выпускать девушку из рук и теперь задумчиво смотрел в коридор, прислушиваясь к звукам.

— Рёва? А он заснул. Там. На подоконнике. И так сладко спал, что я просто не решился его будить.

Бура хмыкнула. Анрел очаровательно покраснел (после бесконечной ночи рассказов о

своих любовных похождениях нечистик и впрямь отрубился, чему анрел был бесконечно рад и до самого утра боялся даже пошевелиться, оберегая сон друга).

— Ну что ж... первую ночь мы выдержали. Предлагаю спуститься в тот домик и перекусить.

Грифу никто не возразил, и все пошли за Фефом.

А вслед им со стены ванной смотрели два алых задумчивых глаза, полные злобы, ненависти и силы. И если эти смертные думают, что эта ночь была страшной, — они просто дураки. Страшные ночи — впереди. И в конце концов замок получит души этих несчастных. Так или иначе. А пока...

По этажам пронесся ветер, срывая морок и обнажая паутину и дыры. Гобелены и скатерти расплзались на глазах. А за стенами всходило на небосклон ярко пылающее солнце, прогоняя мрак, а с ним и все страхи.

В то же самое время пять древних привидений, вынужденных вновь затаиться в старых подземельях, злобно шипели, переглядываясь и ругаясь под нос, — пережить первую ночь и сохранить при этом разум не удавалось еще никому, кроме этих новеньких. И это злило. Очень злило. Но ведь еще не конец... подождем.

В маленьком домике под горой сходил с ума мужик, к которому ввалилась в полном составе вчерашняя компания, в целости и сохранности, и потребовала накормить, напоить и приютить до вечера.

Пришлось согласиться, стиснув зубы и поражаясь тому, что они пережили эту ночь. Но следующая — наверняка станет последней для них, а потому... не стоит им туда возвращаться, ох, не стоит. Да разве ж их убедишь?

ГЛАВА 26

Тот же замок, те же стены и дыры в них. Стою и задумчиво оглядываюсь по сторонам. Вчера не было страшно ни капельки. Но... вчера — не сегодня. Вчера я была, мягко говоря, не в себе. А точнее, вообще смотрела все как по телевизору: отстраненно, что ли, не вдумываясь. А сегодня...

Кошусь на Рёву, как всегда подкалывающего Феофана. Духи были в приподнятом настроении из-за того, что я — это снова я. Гриф же — старался не выпускать меня из виду и постоянно хмурился. Хм... да и было из-за чего. В прошлой жизни я ненавидела ужастики, и любой из тех, что случился лично со мной (!) прошлой ночью, этой — перенесу вряд ли. Но не заявлять же ему, что мне страшно. Нет, лучше так:

— Слушай...

Он повернулся ко мне, отмахнувшись от летающих перед носом духов (обоим было интересно — как именно парень выбрался вчера из ловушки... о которой я его даже не спросила. Эх...).

— Уверен, что тебе нужно это задание? Я — снова я и...

— Боишься? — сказано спокойно и почти равнодушно. Он просто интересовался.

— Нет, — ляпнула прежде чем поняла, что именно.

— Тогда пошли.

И меня взяли за руку и утащили внутрь. Бли-ин... закат уже не за горами, но у него словно стальные пальцы... И теплая кожа. Не хочу, чтобы он считал меня трусихой, да и... если он все время будет рядом — я ведь не буду бояться ни капельки. Да?

— Предлагаю расположиться здесь.

Кошусь на какую-то каменюку в углу, явно вывалившуюся из потолка. Там темно. Но Гриф уже сел и приглашающе положил руку рядом.

Ладно. Сажусь, смотрю прямо перед собой и молчу.

— Что-то не так? — Феофан залез ко мне на колени и заботливо заглядывает в лицо.

Его ярко-голубые глазки светятся мягко и понимающе.

Рядом плюхается Рёва и тоже изучает мое лицо, насмешливо шуря ехидные очи.

— Нормально все.

Из плеча Грифа появилась пара жгутов. Они скользнули в сторону и из кучи мусора неподалеку достали что-то блестящее.

— Что это?

В руки кладут цепочку с кулоном, при виде которой Иревиль присвистывает, а Феофан тяжело вздыхает.

— А это, дорогая моя, цапки! — радостно дергая хвостом и касаясь коготками блестящих камешков. — И недешевые.

— Но мы не можем их взять. Они же чужие?

— Угу. — Разглядываю камешки на просвет, Феф восхищенно вздыхает.

— Тебе бы пошло, — Гриф. Даже не глядя на меня.

Да? Вешаю цепочку с кулоном себе на грудь и защелкиваю замочек.

Анрел вздрагивает и оглядывается. Мне тоже что-то послышалось вместе со щелчком, но не пойму что. Словно где-то еще щелкнуло. Громко и отчетливо.

— Ты ничего не слышал?

Гриф смотрит непонимающе.

— Ну... неважно. Спасибо.

Кивает и достает из кармана веревку.

— Держи. Привяжи к правой руке. Не хочу потерять тебя из виду, как вчера.

Смотрю на веревку, хмурюсь. Идея мне не нравится вообще. Я что, похожа на истеричку? Или мне стоит надеть еще и ошейник с поводком... Волна раздражения почему-то проходит от шеи и спускается колкими мурашками вниз. И прежде чем я успеваю подумать, слова слетают губ сами по себе:

— Убери это. А если так за меня опасаясь, то просто не пропадай. Как вчера.

Вербку убрали. Он снова не смотрит на нас. Сижу и ошарашенно думаю, что же на меня нашло? Ну подумаешь, веревка... Ну и ладно. Главное, теперь еще чего не ляпнуть, чтобы... не усугубить эффект. Да и потом — подумаешь, ночь! Я вообще — киборг, и меня не запугать какой-то страшилке, у которой даже тела нет. А может, даже все, что вчера произошло, было и вовсе сбоем в программе или...

— Темнеет.

Поднимаю голову и смотрю в окно.

Гриф прав. Темнело. Да и зажженные им магосветлячки, прихваченные нами из домика в лесу, уже не так радостно прыгали вокруг нас.

— Не волнуйся, — Феф успокаивающе гладит меня по пальцу.

— Мы о тебе позаботимся, — подмигивает Иревиль.

Киваю и улыбаюсь. Да мне и не страшно. Все... хорошо.

Темно. Страшно. Хочется спать. Сижу рядом с Грифом и смотрю на загорающиеся на небе звезды. Они видны через проломы в стене, которые затягиваются. Медленно и неумолимо.

Как и в прошлую ночь — вокруг сам собой наводится порядок, вещи молодеют, а на стенах появляются гобелены и факелы, зажженные словно специально для незваных гостей.

— Почти уютно, — улыбаюсь.

Гриф не ответил. Он встал и осмотрелся. Спокоен и холоден. Просто не хочет, как вчера, угодить в глупую ловушку.

— А здесь даже мило. — Рёва усмехнулся и взлетел вверх. — Я бы пожил. Да, Феф?

— Не мешай. Я молюсь.

Угрюмое лицо нечистика.

— Это обязательно?

— Да.

— При мне?

— Отойди.

— Вот еще. Куда хочу — туда лечу!

— Рёва! — с угрозой.

Тяжелый вздох, и мне уселись на макушку, бурча себе под нос, что мир несправедлив.

Улыбаюсь и осторожно касаюсь крыла маленького анрела, стоящего на колене. Мягкое, как перышко. Приятно.

— А давай я расскажу тебе страшилку? — За волосы больно дернули, и нечистик перебрался ко мне на плечо. — Говорят, есть такая традиция: рассказывать страшилки в жутких местах.

— Тут не страшно, — упрямо.

Разглядывая портреты с надменными лицами и черными провалами глаз. Глаза словно забыли нарисовать, и это выглядит неправильно и... немного пугает.

— Тем более, — убеждал Иревиль.

— Но...

— Не бойсь, твой защитник, если что, разнесет все тут к едрене фене. Вон как стоит! Того и гляди, сорвется.

Смотрю на освещенную факелами спину Грифа. Рёва прав. Он готов ко всему. Я в порядке. Да и вообще. Разнылась... как ребенок.

— Давай, рассказывай свою страшилку.

Довольный смешок. За волосы снова дернули.

— Слушай!

"В далеком-далеком королевстве жила-была маленькая девочка. И звали ее... Лили".

Усмехаюсь. Рёва продолжает: "И у нее было все: игрушки, куклы, вкусная еда и множество книг. Но не было друзей. Ведь в том королевстве она была принцессой. И отец — король — запретил ей играть с простыми детьми".

Откидываюсь назад и прикрываю глаза, не отрывая взгляд от спины Грифа. Кажется... я успокоилась.

"И вот однажды, роаясь в огромной дворцовой библиотеке, она нашла очень старую и странную книгу. На пустых страницах были только рисунки с забавными рожицами. А на самой первой было написано всего одно предложение: "Хочешь со мной дружить?"

Голос прервался, к уху придвинулись ближе и продолжили шептать так, что каждое слово касалось сознания, словно погружая в сон, но не давая уснуть: "Девочка заинтересовалась, принесла эту книжку в свою комнату и положила ее на стол. Она взяла свечу, зажгла огонь и вместо того, чтобы идти в свою кровать, взяла перо и чернила и неуверенно вывела: "Хочу".

Но бумага осталась чистой. Ничего не изменилось. И девочка легла спать.

Наутро, вернувшись с прогулки и сев рисовать, она с удивлением заметила, что надписей на странице уже три. Ей ответили. И спросили:

"А как тебя зовут?"

Принцесса решила, что это кто-то из придворных или нянюшек решил развлечь ее, и радостно взяла перо в руку.

"Лили. А тебя?"

И снова ничего.

Принцесса ушла на обед, потом долго играла в саду, учила уроки в классе и все время ерзала. Она знала, что ее комнату приберут, и надеялась, что тот, кто ответил ей в прошлый раз, — ответит и теперь. Она даже оставила чернила у книги, правда, не красные, которыми писались ответы, а черные. Но все же...

Вечером, вернувшись в комнату и быстро переодевшись в ночную рубашку, она выгнала придворную фрейлину и бросилась к столу. С большим волнением принцесса открыла книгу и прочитала долгожданный ответ, снова написанный красным:

"Я — Реко. Давай дружить?"

"Давай", — старательно вывела она и легла спать.

Утром была новая запись, и дальше они снова сменялись одна за другой, всегда

появляясь только после того, как Лили покидала комнату.

"Мне одиноко, поговори со мной".

"О чем?"

"Что ты любишь?"

"Орехи. А ты?"

"Ночь. Темноту. Не люблю свет".

"Я тоже! Ночью можно играть и проказить".

"Да. А что еще?"

"Ну... люблю животных, кошек, птиц. Люблю читать".

"Мне холодно... мне так холодно..."

Лили удивилась и продолжила писать, хмуря бровки:

"Я могу оставить тебе плед".

"Спасибо".

Утром плед исчез, а принцесса нашла запись:

"Все равно холодно. И темно. Помогите".

Она оставила на столе свечу, спички и еще один плед. До вечера ответа не было. Но утром ей все же ответили:

"Спасибо. Так легче. Я хочу всегда быть твоим другом".

"Я тоже, Ре ко. А кто ты?"

На этот раз она вышла из комнаты совсем ненадолго — всего на пять минут. И тут же вернулась. Странно, но в книге снова появилась запись:

"Я — Реко".

"Фрейлина?"

Девочка огляделась по сторонам и встала. Было уже поздно, и она выходила до этого — позвать няню, которая не откликнулась на звонок колокольчика из комнаты девочки. Но той не оказалось и в ее комнате, вот и пришлось вернуться. Кроме няни, в этой части дворца больше никого не было. Замок был слишком велик, а казна — невелика, поэтому можно было довольно долго блуждать, прежде чем встретишь кого-либо из слуг.

"Нет".

И снова запись появилась, когда она отошла к зеркалу почистить зубы. И в комнате опять никого не было. Лили испугалась и подошла к шкафу. Пусто. Не нашла она никого и под кроватью, и на подоконнике, и даже за дверью.

Девочка нахмурилась и закрыла странную книгу. После чего легла спать, решив сегодня больше ничего не писать.

А утром книга вновь была открыта, а на ее страницах появилась новая запись:

"Лили. Почему ты не пишешь? Где ты? Я тебя не вижу".

Девочка снова закрыла книгу и спустилась к обеду. Король-отец сказал дочери, что сегодня он и весь двор отправляются на трехдневную охоту и в замке остаются ее няня и стража у ворот. Девочка просила взять ее с собой, но отец отказал и вечером убыл на охоту со всей свитой".

Мои глаза были прикрыты ресницами, голова словно затуманена, хотелось объяснить, что я устала и не хочу больше слушать эту страшную историю, но губы словно онемели, верно, ото сна. А голос все шептал и шептал на ушко:

"Вернувшись в комнату, Лили заглянула в книгу. В ней появилась еще одна строчка: "Почему ты мне не отвечаешь? Мы же друзья".

Девочка подошла к столу и села.

"Потому что я не знаю, кто ты. Я хочу знать. Кто ты?"

"Я — твой друг".

Лили вздрогнула. Надпись появлялась прямо перед ней. Словно невидимая рука вывела ее, немного криво и косо, все теми же красными чернилами.

Она огляделась по сторонам и позвала няню. За окном уже сгустились сумерки и быстро темнело. Няня не отзывалась. Но Лили была храбрая девочка и... все еще верила в

сказки. А потому постаралась не пугаться и написала:

"Ты — фея?"

"Нет", — быстрый рваный почерк.

"А кто?"

"Хочешь увидеть?.."

В комнату ворвался холодный воздух, взметнув волосы и пройдясь мурашками по коже. Девочка вздрогнула и, привстав, заперла окно. Вновь сев на стул, она тут же увидела новую строчку:

"Я тоже хочу увидеть тебя, Лили".

Она закрыла книгу и сжала кулаки. Потом подошла к кровати и легла, накрывшись с головой. Ей больше не хотелось писать.

На подушку что-то шлепнулось.

Вздрогнув, она приподняла одеяло и увидела книгу, лежащую рядом. Книга медленно открылась и приподнялась. Чернила светились. И она смогла разобрать:

"Иди ко мне. Я внизу..."

Взвизгнув, девочка вскочила, запуталась в одеяле и рухнула на пол. Но снова встала, морщась от боли в колене, и выскочила за дверь. Она подбежала к соседней двери и начала стучать изо всех сил. Но нянюшка не открывала. Она кричала и звала ее, вокруг было очень темно, словно что-то погасило все факелы. Дверь ее комнаты с тяжелым скрипом открывалась все шире и шире... и вскоре на порог упала книга, шелестя страницами словно звала к себе. Странно, окно было заперто, но страницы перелистывались все быстрее и быстрее, пока не застыли на середине, где жирными алыми брызгами было написано:

"Или я приду к тебе?"

— Нет! — Принцесса сползла на пол, ее трясло, она заплакала.

Книга же медленно ползла к ней, и все новые строчки появлялись на листах:

"Я уже иду, Лили!"

Я уже на лестнице. Мне холодно и трудно идти. Но я поднимаюсь к тебе".

Девочку трясло все сильнее, но она просто не могла оторвать взгляда от строчек.

"Я плохо вижу, но чувствую тебя, Лили. Мы теперь всегда будем вместе? Я возьму тебя туда, где мы будем вместе навечно, Лили. Там холодно и сыро. А еще — всюду земля. Но тебе понравится. Тебе..."

Девочка вскочила, отшвырнула ногой книгу, вбежала в комнату и захлопнула дверь. Она закрыла ее на задвижку, кое-как пододвинула тяжелый комод, подперев им дверь, и забилась в угол, дрожа от страха.

Что-то стукнуло в коридоре. Мягко и тихо. Книга?

Стук повторился. Еще и еще. Словно кто-то очень хотел войти и не мог. А потом из-под двери в щелку начали медленно проталкиваться страницы, подползая к девочке и ложась в ряд одна за другой.

"Я уже в коридоре, Лили".

Первая.

"Я подхожу к твоей комнате".

Вторая.

Девочка поняла, что слышит тихий звук шаркающих шагов, словно кто-то сильно хромал, подволакивая ногу.

На следующей странице долго ничего не появлялось, но шаги становились все громче и... замерли совсем рядом.

"Я здесь".

Девочка зажмурилась и опустила голову на колени. По двери что-то заскребло. Ногти? Потом ударило. Сильно. Но дверь устояла.

"Ли..."

"Ли-ли..."

"Ли-ли..."

"Ли-ли... открой".

Записи появлялись одна за другой, все быстрее и быстрее, и все новые и новые листы лезли из-под двери. Красных чернил было так много, что они капали на пол, оставляя темный след, к ногам девочки приближался небольшой ручеек, а в дверь колотили все сильнее и сильнее.

"Лили... Лили..."

Лили, Лили, Лили, Лилилилилилили..."

Страницы закончились. Под дверь никак не могла пролезть обложка. А в коридоре — все стихло. И только неровная надпись медленно проявлялась на самой двери, выведенная кривыми корявыми буквами:

"Я уже в комнате, Лили!"

И девочка почувствовала прикосновение чего-то холодного к своей шее. Она страшно закричала, вскочила и повернулась к зеркалу. За ее спиной стоял кто-то грязный, с облезшей кожей, сгнившим ртом и черными провалами вместо глаз. Волосы мокрыми сосульками свисали на лицо, а рука медленно тянулась к ее плечу. Она словно заледенела, а это..."

— Хватит! — Я скинула странное оцепенение и села.

Рёва, не удержавшись, рухнул на колени. После чего кое-как встал и угрюмо посмотрел на Феофана. Анрелочек смотрел на него квадратными глазами, приоткрыв рот.

— Что?!

— Нашел, что ей на ночь рассказать! — у Фефа прорезался голос.

— А что такого? — Иревил сел по-турецки и обиженно посмотрел на мою угрюмую физиономию. — Я хотел ее немного развлечь, а то сидит вся бледная, несчастная и...

— А где Гриф?

Только сейчас я заметила, что его нигде нет.

Духи тоже озирались по сторонам, но Грифа действительно нигде не было, и я теперь сидела одна в огромном зале, где со стен на меня взирали черными глазницами десятки предков вымершей династии.

— Ни фиги себе! Обещал охранять до утра, а сам смылся, — у Иревиля не было слов.

— Может, в туалет вышел? — предположил анрел.

— Ага, смотался по-тихому, дабы нас не беспокоить. А потом обнаружил запор, переходящий в понос, и немного задержался.

— Рёва, — укоризненно.

Я вскочила, озираясь и прикусив губу. Стало страшно, и очень захотелось его позвать. Но если позову, а он не откликнется — станет еще страшнее.

На плечо взлетели духи, и Рёва успокаивающе потрепал меня по щеке.

— Да успокойся ты, ну куда он денется? Небось надоело здесь стоять, вот и пошел осмотреться.

— И ничего не сказал?

— Ты спала, — напомнил Феф.

Я?!

— Я не спала.

— Да ладно тебе. — Иревил усмехнулся и кольнул концом хвоста. — Ты чуть ли не храпела, я даже сказку не закончил, ты как раз уснула на том месте, где девочка нашла книжку, а про то, что в ней появилось жуткое проклятие, и у принцессы выросли рога, — я тебе рассказать не успел. Феф, правда, услышал, вот и разозлился, я ж прекрасный рассказчик...

— Рога?

Так. Погодите.

— Ты говорил совсем не это.

Рёва и Феф переглянулись. Анрел пожал плечами.

— Нет, правда, там было про то, что появлялись записи и Лили общалась с...

— Лили? Девочку звали Риза.

— Но, — оборачиваюсь к ним. И никого не вижу.
Духи пропали. На плече никого не было.
Стою посреди зала и тупо смотрю на плечо. А вокруг — никого. И такой ужас внутри.
— Феф. — Голос слегка дрожал, но я сжала кулаки и позвала еще раз: — Иревиль?
Гриф! Да где вы все?!
Никто не отозвался. Стою в полной тишине и оглядываюсь по сторонам.
Руки как-то сами собой превратились в оружие, и теперь вместо них у меня два ствола.
Медленно, шаг за шагом, я отошла назад, прижавшись спиной к стене.
"До рассвета... четыре часа сорок восемь минут", — сообщил голос в голове.
Ухмыляюсь и пытаюсь сосредоточиться. Я — машина. Не время чувствовать себя слабым человеком. И если этот замок решил поиграть со мной, то он просто не на ту нарвался.
Внезапно в голове возникла жуткая мысль: а что, если... я все еще сплю? И Гриф стоит передо мной, а все это — плод моего воображения? Я ведь могу выстрелом и убить его. Он не ожидает нападения со спины. Правда... его могут предупредить духи, но... но ведь я запросто могу его убить.
Оружие медленно трансформируется обратно. Смотрю на свои пальцы и сжимаю руки в кулаки. Меня не так просто убить. Я сильная. Надо просто подождать. Просто... подождать.
И я стала ждать. Глядя прямо перед собой. И, чтобы хоть немного успокоиться, раз за разом повторяя в уме старую считалочку:

Раз, два, три, четыре, пять.
Я иду тебя искать.
Если сразу не найду —
Просто лягу и умру.
Шесть, семь, восемь, девять... сто.
Я нашел тебя давно.
Кто не понял, тот — дурак.
Ты теперь — мой злейший враг.

Дурацкая считалочка. Но помогает отвлечься. На втором этаже что-то грохнуло. Сжимаю зубы и снова считаю:
Раз, два, три, четыре, пять.
Я иду тебя искать...
На лестнице раздался шаг. Очень тяжелые.словно на ступеньки каждый раз падало что-то громоздкое и мягкое. Вроде тела.
Если сразу не найду...
Все начало погружаться во мрак, как прошлой ночью. Пытаюсь включить ночное зрение или хоть что-то, но у меня не получается. Лестницу уже не вижу, а шаги приближаются, замирая на последней ступени.
Просто лягу и умру...
По нервам прошелся громкий скрежет — словно когтями по камню. Но я молчу. Тяжело и часто дышу и молчу. Мне уже плевать на все, я просто считаю про себя и не боюсь! Ни капли. Не боюсь. Слышишь, ты, гад?!
Не слышит, ведь я же молчу. И тишина снова. Такая тишина... что хочется прислушиваться бесконечно. Перед глазами что-то мелькает. Какой-то текст. Щурюсь, приглядываясь. И кое-как разбираю мерцающую алым вопрос-команду: "Активировать режим боя?"
Я ж тогда все здесь разнесу. Нет, не надо...
Снова грохот. Смотрю туда, где была лестница. В нос ударяет жуткий смрад, а по полу лацают когти. Осторожно так. словно оно вглядывается, затаившись.

Улыбаюсь и стараюсь не дышать. Есть шанс, что оно меня не видит.

Шесть, семь, восемь, девять. Сто!

Голос Иревиля врывается в уши и заставляет замереть, расширив глаза и не веря своим ушам. То, что стоит в темноте, — поворачивается и смотрит прямо на меня. Я это чувствую. Словно льдом по коже.

Я нашел тебя давно!

Оно прыгает.

Я включаю боевой режим и зажмуриваюсь, из последних сил надеясь, что тело само меня вытащит из этого дерьма.

Руки непроизвольно дергает вперед, уши закладывает от выстрелов, меня бьет отдачей, а под веками расплываются алые блики отсветов вспышек. Что-то тяжелое и мощное врезается в стену напротив, снося на пути огромный обеденный стол, звенит падающая посуда и канделябры, а по нервам ударяет жуткий леденящий вой бьющегося в агонии монстра.

Кто не понял, тот — дурак.

Выстрелы затихают. Электронный блок внутри меня металлическим голосом объясняет что-то о перерасходе энергии и необходимости срочно ее восполнить. Бездумно стою, не открывая глаз и все еще вытянув раскаленные руки перед собой. Мне страшно. Меня трясет. Снова темно, и веки больше не жжет вспышками плазмы. Тишина такая плотная, словно я оглохла. Повожу челюстью и поднимаю голову.

Открываю глаза. Ме-эдленно. И злорадно ухмыляюсь, представив размазанную по стене гадину.

В темноте напротив... горят две алые точки глаз.

Ты теперь — мой злейший враг.

Зараза...

Оно опять встает, напрягается и прыгает. Резко, быстро и бесшумно. Выдыхаю, поднимаю руки и стискиваю зубы.

Конец.

В меня что-то врезается, вминает в стену, ломая кости, впивается шипами, иглами и зубами, обдаёт удушающим зловонием и заливают слизью и кровью из десятков ран.

Оно визжит и дергает меня, словно куклу. Сухожилия и мышцы рвутся, будто резиновые, но кости оказались не по зубам — и тварь визжит, недовольная и вгрызающаяся глубже.

Что я чувствую? Ничего. Сознание отключило боль автоматически, а тело теперь "работает" само по себе: само отбрасывает это назад. Само выходит из-под удара и само дерется на пределе резервных запасов энергии, одновременно срашивая самые страшные раны.

Темнота. Визг монстра. И полная пустота в мыслях.

Как не свихнулась — не знаю.

А потом настал рассвет. Все начало исчезать. Со стен стекали на пол портреты с алыми от лопнувших сосудов глазами. И монстр куда-то исчез, растворился. А я осталась стоять посреди зала — окровавленная, шатающаяся и улыбающаяся широко и нервно. В голове по кругу прокручивалась считалочка, на плечо сели два маленьких духа, а губы снова и снова повторяли стишок.

— Гриф! Я нашел ее! — Иревиля.

Смотрю прямо перед собой. Передо мной выскакивает фигура человека. Поднимаю руку и пытаюсь выстрелить. Но изувеченные пальцы даже не разгибаются.

— Иля.

Обнимают за плечи, заглядывают в глаза и встряхивают. Хочу упасть, но мне не дают.

— Надо вынести ее на свет. Солнечная энергия — самое то. И накормить. Лучше — железом или другим металлом, — деловито командует Рёва.

Феф что-то нашептывает на ухо, глядя по щеке.

Кажется... я начинаю приходить в себя.

Меня подхватывают на руки, выносят наружу и кладут на землю. В руки суют что-то холодное и велют съесть.

Потом Гриф встал, чтобы еще раз вернуться в замок, но я так вцепилась в руку... Он остановился и вопросительно обернулся.

— Не уходи. — Сумела-таки. Сказала.

Кивает и садится. Потом осторожно обнимает одной рукой и прижимает к себе так бережно и крепко, словно ожидает, что я вырвусь и сбегу с воплями.

Утыкаюсь лицом в рубашку и замираю.

Тепло, солнечно, птички поют. Таймер на нуле. Хорошо... И чего я боялась?

Глупая. Вот ведь глупая.

ГЛАВА 27

Мужик из домика встретил нас отвисшей челюстью и стеклянными глазами. Он явно не верил, что мы вернемся живыми. Нас приняли, накормили, напоили и даже спросили: "А че было-то?"

Рассказывал, как всегда, Иревил. Долго и в красках, я даже заслушалась, несмотря на пережитый ужас и все еще не до конца зажившие раны.

Гриф всю дорогу назад молчал, но мне идти не дал и донес до дома на руках, как истинный рыцарь. Вот и сейчас сидит за столом и смотрит в окно, о чем-то размышляя. Феофан мне сказал, что меня словно всосало в стену. Очень быстро — никто не успел ничего сделать. А когда Гриф стену разбил — за ней оказалась какая-то темная каморка, к тому же пустая. Потом они до утра бегали по замку, разыскивая меня. Сначала по подземельям, потом по этажам. В итоге нашли меня снова в холле, под утро — всю в крови, в зеленой слизи, с кошмарными ранами и невменяемым лицом. Причем я еще и улыбалась, что добило всех. И вот теперь Гриф сидит за столом и о чем-то задумчиво размышляет. А Иревил рассказывает хозяину домика и Феофану о жуткой ночи в замке-призраке и своих личных скромных подвигах во благо мира и света. У Фефа с хозяином глаза — по пятаку. Тоже слушаю захватывающий рассказ:

— ...а он не отстает. Ну там челюсти, горящие в темноте глаза, жуткий запах и визг — все как положено. Как есть сожрет, думаю. Но не растерялся, взмыл под потолок и притаился! Жду. Ползает оно, значит, внизу — полуразложившееся и все в грязи — только из могилы. А я "подарочек" готовлю, эдак вольт на пятьсот. Ну, думаю, сейчас ты у меня получишь, зар-р-раза. И...

Пьет морс. Слушатели заворуженно смотрят, ожидая продолжения, мужик, по-моему, даже не дышит, принимая все за чистую монету. Рёва вытер рот, отставил в сторону кружку и продолжил:

— И тут оно прыгнуло! Сверкнуло чем-то и прыгнуло. Я аж растерялся. А оно — уже рядом! Оскалило зубищи, дышит в лицо смрадом. Ну я молнией и засветил... — Довольная усмешка, гордый взгляд. Восхищение в глазах хозяина и неодобрение — у Феофана. — А как визжало, как визжало-то... жуть. Но я улетел — не стал дослушивать. А тут и рассвело как раз. И Бура выползает, — в меня ткнули пальцем. Смущенно улыбаюсь. — Кричит: "Помоги, Рёва, помираю!" Ну... я и полетел — разгромил каких-то там монстров. Мелкие были, не мне чета.

Клопы, что ли?

— Ну и... спас, — гордо. — А как же.

Вздых Феофана. Улыбка мужика.

— Да-а... а только третью ночь вам там все равно не продержаться. Она — самая страшная, так что... хотя раньше и одной-то никто не выдерживал: или уходили, или и вовсе не возвращались. Но вторая... вы — первые выжившие.

— И мы тоже возвращаемся домой.

Смотрим на Грифа. Он встает и, в свою очередь, смотрит на меня.

— Ты туда не вернешься. Обещаю.

Эм...

— Правильно, — кивает Феофан, — Бура снова стала самой собой, а деньги в этой жизни не главное.

— Струсил, — Рёва.

На лице — усмешка бывшего война, смотрит из-под челки, положив руку на сгиб колена.

Хорошенький. Но я не о том.

— Но осталась всего одна ночь. — Это я такое сказала? Пристрелите меня, у меня в голове явно что-то замкнуло.

— Неважно.

— Нет. — И с чего такое упрямство? Еще два часа назад я думала точно так же.

— Не спорь, — спокойно.

И он пошел к кровати. После чего лег, заведя руки за голову, и закрыл глаза.

Подхожу и ложусь рядом. Мне тоже хочется спать. Но... он неправ! Я... я просто не хочу, чтобы думали, что я струсил. И потом... чего он командует? Уступлю сейчас — всю жизнь буду уступать и спрашивать его мнение.

Ну уж нет. Фигу...

С этими мыслями я и заснула, прижавшись к его боку и чувствуя, как за плечи обняли рукой и прижали теснее, даря чувство защищенности и покоя.

А на столе остались два духа, снова препирающих между собой:

— Ты мне проспорил.

— И ничего не проспорил.

— Феф, она нашлась к утру, а ты утверждал, что мы ее не найдем.

— Если не поторопимся. И вообще это была истерика.

— Но ведь проспорил?

— И ничего не проспо...

— Феофан, — тихо, но грозно.

Молчание.

— Ладно, — угрюмо. — И чего?

— Гм... усыпи Грифа на сутки.

— ?!!

— Если Илья выдержит еще одну ночь, то очистит замок от зла и... все будет хорошо! Тебе — плюс, да и ей — больше сил и человечности.

— Я не буду...

— Феф, не будь ребенком. К тому же я кое-что придумал.

— Нет.

— Вот. Смотри!

— Чего это? — подозрительно.

— Попробуй меня ударить.

— Вокруг тебя какая-то пленочка...

— Знаю. Ударь.

— Нет, извини, но я...

— Да это суперзащита! Ударь, и увидишь, что я неуязвим.

— А зачем?

Рычание, тихая ругань, возмущенное сопение анрела.

— Бей!!!

— Хм... ну если неуязвим.

Вопли, грохот разбитой чашки, стон...

— Ну блин, Фефа-а...

— Очень больно? — испуганно. Но ты же говорил...

— Я просил ударить, а не перекрестить! — с надрывом.
— Уй... хвост, — трагично.
— Где?
— Да уже не там! И... и правый рог. Ну Фефа...
— Так. Спокойно. Я все понял. Сейчас ударю по-настоящему.
Тяжелое дыхание, неприличные слова, угрюмое:
— Давай. Тихий звон.
— Гм... это чего было?
— Пощечина, — искренне и слегка удивленно.
— Да-а... подсказываю: бить надо чем-то тяжелым. Вон кружкой или ложкой.
— ...ладно. Дзынь.
— Во! Убедился? Дзынь.
— Я же говорил, моя защита... Дзынь, дзынь, дзынь...
— ...неуязвима... Бздынь!
— Ой.
Звон упавшей кружки и стук тельца.
— Рёва?
— Рёва!!!
— Я... я ща. погоди. Да отстань ты.
— Больно? — с сочувствием и очень виновато.
— Да, — подумав.
— Прости, — тихо.
— Ладно. Недоработочка вышла. Оказывается, если долго бить в одно и то же место...
— Осторожно!
Ругань, шорох, шелест крыльев.
— Но если защиту обновлять раз в секунду... ну-ка. А теперь?
— Ты уверен?
— Уверен, уверен. Давай. И если тебе не удастся ее пробить — мы отправим Илю в замок на ночь, но я ей обеспечу эту защиту. Согласен?
— Это слишком опасно, — напряженно.
— Просто попробуй, — тихо.
Дальше — много дзиньканья и счастливый смех Рёвы в конце.
— Ну? — гордо.
— Ладно, — с тяжелым вздохом. — Но учти. Как только что-то снова пойдет не так — она тут же возвращается.
— Согласен. По рукам?
— Нет.
— Ну и ладно. Полетели.
— Куда?
— Ты должен усыпить Грифа. Забыл? Если он проснется, Илю мы уже ни в какой замок не уведем. Видел его глаза, когда я ее нашел? Дать ему волю, он бы этот замок весь по камешку разнес.
— Ладно, я понял, — грустно.
Снова шелест крыльев.
— Он точно спит?
— Да. Моя сила погрузила его сознание в субполярные глубины...
— Надо проверить.
— Гм. Проверь.
Сонно открываю глаза и вижу Рёву, тыкающего хвостом в нос Грифа. Тот спал, повернув лицо ко мне. На глаза упала черная челка, лицо спокойное, расслабленное, красивое. Тонкие губы совсем рядом, отчего по спине сбегает табун мурашек и хочется к нему прикоснуться...

— Спит, — Рёва вынес вердикт и теперь весело смотрит на меня. — Да ты спи, спи. Скоро вечер, а тебе надо восстановиться.

— Для чего? — уже закрывая глаза и с удовольствием вдыхая запах его кожи. Чуть солоноватый, но приятный. Не знаю, как описать. Но мне... нравится.

— Узнаешь. Спи.

И я засыпаю, ощущая, как лба касается маленькая ладошка анрела. Тот угрюмо смотрит на Иревиля и огорченно качает головой.

— Не волнуйся, я все продумал.

Тяжелый вздох был ему ответом.

Вечер коснулся ресниц едва очерченными теньями и прошелся сквозняком по комнате. Печка больше не грела, но в объятиях Грифа было тепло и уютно. Правда, два недовольных духа даже и не думали оставлять меня в столь приятном положении и упорно будили, щипая и дергая за волосы.

— Она не встает, — угрюмо.

— Ты сильно дернул?

— Сильно!

— Тогда тыкай в глаз.

— Как это? — испуганно.

— Нимбом, нимбом, говорю. Ой...

— Что случилось?

— Да так... а он точно спит?

— Крепче некуда.

— Хм... тогда почему на меня руку положил?

— Не знаю. Не мешай.

— Как всегда. До бедного маленького меня — никому нет дела.

— Не прибедряйся. О! Глаз открывается. Ты был прав.

— Я всегда прав, — пыхтя. — Так. Иля, проснись, солнышко, пока молнией не засветил, — тебя ждет ужастик. Часть третья — решающая.

— Не пойду, — хмуро.

— Пойдешь. — В руке нечистика что-то сверкнуло.

Я тяжело вздохнула и кое-как села.

— А зачем? Все ведь уже хорошо и...

— Ты — робот, — назидательно, — Так что тебе нужны добрые дела. А что может быть добрее освобождения целой местности от обители зла? — Рёва явно собой гордился и говорил с умным видом, выдергивая ногу из-под пальцев так и не проснувшегося Грифа.

С подозрением смотрю на парня.

— Я его усыпил, — тихо вклинился Феф, с красными от стыда щеками и сильно виноватым видом.

Угрюмо киваю.

— Слушай, а тебе-то это зачем? — смотрю на Иревиля, уже стоящего на ногах и радостно оглядывающегося по сторонам.

— Не понял? — честные глазки.

— Ну... добрые дела ведь не по твоей части, а ты лезешь...

— Ты меня ни с кем не путаешь?

Склоняю голову набок, хмурюсь.

— Я — отражение половинки твоей души, а не зло в чистом виде, — угрюмо. — Так что не надо думать, что я хочу твоей роковой гибели, да и зачем ты нам в виде застывшего на фиг манекена. Я, блин, тоже за то, чтобы ты немного очеловечилась!

Феф покивал. Я улыбнулась.

— Ну... если так.

— Так ты идешь? — уже взлетев на мое плечо и все еще дуясь.

— Нет.

Тяжелый вздох общественности.

И еще два часа уговоров.

Стою перед замком. Одна. Совершенно не понимая: что я тут забыла? Оба духа остались в доме. Феофан утверждал, что заклинание сна надо периодически обновлять, а Рёва — за компанию. Короче... н-да-а.

Но... я и сама уже хочу все это закончить. Не сбежать, а именно закончить. Так много уже боялась и страдала... Просто еще одна ночь, и я свободна.

Вспомнилась одна страшная сказка, прочитанная на ночь когда-то давно, в прошлой жизни. Сказка вроде бы называлась "Вий", и закончилась она плохо...

Вхожу внутрь, оглядываюсь по сторонам и ежусь от порывов залетающего в дыры и щели стен ветра. Солнце уже садилось. Вечерело. Мне стало как-то грустно и в то же время — весело.

В этот раз бояться я не собиралась.

Еще раз.

Мебель, гобелены, свечи, накрытый стол и идеально ровные пол, стены и потолок. Замок ожил и смотрит на меня черными провалами глаз с портретов предков нынешнего владельца, примеряясь и готовясь к последнему удару.

Подхожу к столу и сажусь на него. Потом отключаю сознание, передавая управление электронике, и еще раз оглядываюсь по сторонам.

В последний раз. Потом действовать и думать буду, исходя из программ. А сейчас...

— Может, хочешь что-то сказать? Напоследок.

Тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в камине.

— Я выслушаю. Обещаю.

Угу, сейчас портрет возвестит дурным голосом, что его просто все задолбало и он так прикалывался.

Но портреты молчали, все с той же ненавистью взирая на незваную меня.

— Ну и ладно.

И сознание померкло, а разум накрыла темнота.

Больше я бояться не собиралась. Ни сейчас, ни когдабы то ни было еще. Так что... мое тело этой ночью будет действовать само по себе. Я — "сплю".

ГЛАВА 28

Рассвет. Сажусь на грязном полу среди камней, крошки и обломков мебели. Всюду зеленая кровь, челюсть свернута набок, рука болит так, что о ней даже думать не хочется, а ноги вывернуты под невероятным углом. Кажется... я не могу ходить. А еще у защиты Ревы есть один явный, хоть и мелкий, недостаток... как оказалось, можно изувечить, не разрезая пленку, особенно если сил немерено.

Закрываю глаза, ложусь обратно и перематываю видеозапись, сделанную за ночь.

Перед глазами в убыстренной съемке прокручиваются кадры.

Сажусь за столом. Смотрю на стену.

Час смотрю.

Потом выходит из портрета высокий красивый мужчина, подходит, садится, начинает говорить. Глаза — красные, температура тела в инфракрасном диапазоне... труп. Мне улыбаются, наливают вина (подсыпав в него незаметно каких-то таблеток), суют под нос. Не пью. Тогда он снимает камзол, расстегивает рубашку и распускает волосы. (Хм, сказать, что он красавчик, — будет слабо сказано. Была бы сама собой — уже бы лезла целоваться. Еще бы, там концентрация феромонов в воздухе зашкаливает и особенно велика именно рядом с ним.) Сажусь, смотрю. Не мигаю.

Тогда мужик начал тыкать в меня пальцем. Палец укусила и... Отгрызла.

Визжащий мужик носится по комнате, размахивая пальцем и страшно ругаясь. Демонстрирует огрызок пальца портрету с каким-то дедушкой. Оттуда — плюнули. Мужик

угрюмо вернулся ко мне. Снова сел. Начал угрожающе расстегивать ремень. Решил изнасиловать? А, нет, у него какая-то странная бляшка с встроенными заклинаниями. Моя система защиты среагировала, и бляшку я отобрала, выдрав вместе с ремнем и частью штанов. Мужик — в шоке ушел.

Снова сижу одна, жду.

Начала сгущаться тьма. Сгустилась. Что-то схватило за руки, ноги, подняло и начало швырять по комнате. Не реагирую. Система защиты молчит. То есть либо это не опасно, либо она просто не видит ни-че-го. Потому и не защищается... Действительно призрак? Тепловых, звуковых или любых других волн нет. Меня швыряет.

Похоже, существу надоела моя пассивность, и меня оставили в покое. Снова светло.

Ползли кошмарики. Щупальца, черви, тараканы и прочая мерзость ползает чуть ли не по лицу. Все рычат, шипят, скалятся, летают и пугают. Лежу на полу в позе сломанной куклы, смотрю в потолок.

Все ушли. Все разочарованы.

Лежу, не мигая.

О! О-о-о-о... н-да. Главный пришел.

Как хорошо, что я была без сознания, ну... не видела это.

Аура силы зашкаливает. Выглядит как человек, но уж больно страшный. Еще и смотрит так, что хочется зажмуриться. Плюс что-то говорит, но вот что? На записи — сплошные шумы и помехи. Мое тело не реагирует.

Тогда он что-то сделал, и меня подняло в воздух и начало ломать. Ноги, сделанные из титана, — хрустнули на раз. Потом взялся за руки, но, так как я висела, не двигаясь, и не орала — перешел к другим методам. Меня, кажется, жгли, били о потолок, один раз уронили на подсвечник, которым чуть и не проткнули. Все это время он что-то тихо вещал. Я — молчала.

В итоге мужик плюнул и обвалил на меня потолок. Потом ушел. А его гады — вернулись и развлекались со мной до самого утра.

Утром же, как обычно, все исчезло, и я пришла в себя.

Теперь вот щупаю на спине вмятины от подсвечника и думаю: как бы мне доползти до дома или хоть как-то починить ноги.

— Иля!

Гриф? Смотрю на парня, оглядывающегося по сторонам с видом взбешенного убийцы. Гм... а может, не окликать его?

Парень поднимает кулак с чем-то мелким, зажатым в нем. Узнаю сильно потрепанного Иревиля. Феофан летает рядом и пытается его освободить, но от него довольно грубо отмахиваются.

— Гриф!

Парень отвлекается и смотрит в мои глаза. Потом бросает духа (анрелочек едва успевает его подхватить) и бежит ко мне, перепрыгивая через завалы и сузив глаза.

Что-то мне нехорошо.

— Ты как?

Падает на колени, отбрасывает валуны, которыми придавило ноги, и сжимает руки, заглядывая в глаза.

— Нормально, только... встать не могу, — Почему-то улыбаюсь, немного виновато и смущенно, но все же.

Он же серьезен и угрюм настолько, что даже... теплеет где-то в груди.

Меня рывком поднимают на руки и молча тащат обратно в лес.

— Передашь своим духам: еще раз провернут такой трюк со сном — и оторванными крыльями не отделаются.

Смотрю на него.

— Ты оторвал Иревилю крылья?!

— Нет. Но оторвал бы, если б не нашел тебя.

Облегченно вздыхаю и киваю:

— Передам.

Мужик в домике встретил нас... радостно. Что удивило. Я держала на руках раненого Рёву, который все объяснял мне, какой мой парень — зверь. А на плече сидел напряженный Феофан и все просил нести Иревиля аккуратнее.

Нам накрыли на стол, в доме почему-то было убрано, плюс еще и положили на кровать весь гонорар, объяснив, что полчаса назад с хозяином домика связался наш заказчик и объяснил, что с заданием мы справились (и как только узнал?).

Короче, нас усадили, накормили, мне принесли неплохой стали и дали ее съесть, восхищенно провожая глазами каждый кусочек.

Рёва после плюшки с маком поправился и даже начал ползать по столу, все еще изображая умирающего, но уже разыскивающего, чего бы еще вкусенького слямзить. Феф покорно таскал ему лучшие кусочки, летая от стола к печке и обратно.

Гриф сидел рядом и не спускал с меня глаз. О ночной вылазке он больше так ничего мне и не сказал. Молчал.

Что тоже радовало.

А потом меня уложили спать. До следующего утра! И довольный организм гут же погрузил меня в глубокий сон, с тихим мурлыканьем приступая к восстановлению поврежденных органов. Спина зачесалась, ноги и руку заломило, и... и больше ничего не помню — уснула. Снова в объятиях Грифа.

Как же мне скучно. Стою в ванной, с интересом разглядываю правую руку. Она восстановилась, но довольно странным образом... стала человеческой. Хрупкие косточки, нити сосудов и мягкие мышцы... И что мне с ней делать?

— А если уколоть спицей? — Иревиль все еще сомневался и держал эту самую спицу в руках с видом заправского садиста.

Феофан бурно радовался, бегая по раковине и улыбаясь.

— Не надо спиц. Это больно, — морщусь.

Меня уже кололи иглками, нащупывая кости, заставляли подтягиваться, пока не растянула связки, и радостно наблюдали за опуханием кисти.

— Так, ладно. Это, конечно, замечательно, но что мне теперь делать с одной такой рукой? Она же в любом бою тут же сломается... или оторвется.

Рёва покивал, Феф нахмурился.

— Илечка, ну как же ты не понимаешь! Это... чудо!

— Да, но чудо — хрупкое и может отломаться, — мрачно.

— Как я тебя понимаю, — Рёва вздохнул, — на одну пушку у тебя, считай, меньше.

Киваю.

— Какие пушки? — оторопел Феф. — Радоваться надо! Еще пара десятков добрых дел...

Представила двадцать замков, в каждом из которых меня ломают, жуют, запугивают и прочее и прочее. Стало грустно.

— А сразу нельзя? Ну... раз — и все.

Рёва заржал.

— Ага. Ща слетаю, найду пару народов с глобальными проблемами угнетения, настучим по тылке главному угнетателю и — вуаля! Ты — слабое беспомощное существо с косточками, хрящиками и угрозой старения.

Мне как-то... не по себе.

— А я обязательно должна стать человеком?

Феф в шоке.

— Так ведь... Илечка!

— Во-во. И я о том же! На фиг надо? Вот киборг — это круто! А...

— Рёва. — В голосе Феофана прямая угроза. Голубые глазки сверкают, рука сжата в кулак.

— ...а с другой стороны, на фиг нам железная черепушка? Неинтересно. Вот ре-а-альная угроза, ощущение смерти, дышащей в спину, сведенные судорогами страха мозги...

Тяжелый вздох анрелочка.

Фыркаю, умываюсь и выхожу из ванной.

Надо искать новые добрые дела. И покрупнее, покрупнее, а то так и буду в подвешенном состоянии ходить.

— Бура, скажи ему! — На моей кровати сидит элв и возмущенно смотрит на лежащего рядом и невозмутимо разглядывающего потолок Грифа.

— Что сказать?

Бреду к шкафу, размышляя, что бы надеть.

— Мы решили сходить в пивную... в мужской компании, а он не иде...

— Я с вами, — не дав закончить.

Тяжелый вздох.

— Что тебе непонятно в словах "мужская компания"?

— Вы готовы? — В спальню ввалился гном и радостно всех оглядел.

Кислый вид элва его не вдохновил.

— Он не идет, — в Грифа ткнули пальцем.

Гриф продолжал разглядывать потолок.

— Феф, "мужская компания"! Нам тоже надо.

— Не пойду, — напряженно. — Чего я в пивной забыл?

— Меня, — невозмутимо.

— Рёва, — укоризненно.

— Иля тоже пойдет.

Оба смотрят на меня. Киваю, снимая ночнушку.

За спиной все как-то разом притихли, Гриф тихо что-то рыкнул. Оглянувшись — увидела напряженные затылки и довольное лицо воина. Вздыхаю и напяливаю рубашку. Забыла, что тут как-то неадекватно относятся к майкам и шортам. Гм...

— Как это не идет! — вспомнил, на чем прервался, Крут. — Мы ж отмечаем ваш с Бурой первый крупный гонорар.

— Тем более пойду, — я.

— Нет, — хор голосов.

— Феф, дык это ж и наш гонорар! Надо обмыть.

— Рёва, — с угрозой.

— Ну и сиди тут, мне же легче будет споить нашу девочку, пока ты носик дома морщишь.

Ошарашенное молчание. После чего быстрое:

— Я тоже... слетаю.

— Во-во, слетай, — довольное. — Авось и понравится.

Смешок.

— Ну вы идете? — влился маг в общий гомон, стоя на пороге в плаще и с зонтиком, — Вечерет.

Все закивали, Грифа потянули за ногу (элв). Парень начал мрачно сползать с кровати на пол, продолжая изучать потолок. Я накинула куртку и проскакала мимо в одном сапоге. Все заинтересованно за мной пронаблюдали.

— Она тоже хочет идти, — убито сообщил гном, поймав мою тушку и усадив к себе на колени.

Я тут же натянула второй сапог. Гриф сел и нахмурился. Гном демонстративно меня обнял. Усмехаюсь, показывая парню язык.

— Ну и что? — не понял маг.

— Так мужская же компания! — элв был в отчаянии.

— Ну... Бурочка у нас и не совсем человек, — почесал затылок маг, — Пусть идет.

Я радостно подпрыгнула на коленях гнома, забыв, сколько вешу. Что-то хрустнуло,

гном побелел и закатил глаза.

Два часа лечили колени Крута.

Потом пошли в бар, заказали много пива и до утра пили, ели и болтали о заданиях и их выполнениях. Все напились. Элв в обнимку с гномом делился сокровенным, чуть не плача. Маг рассказывал обнимающему меня Грифу о своей нелегкой профессии и вреде чрезмерных нагрузок. А Рёва страшно радовался тому, что сумел споить Феофана и теперь пьяный анрелочек сидит на краю моей кружки и поет песни о далеких небесах и недалекой нечисти. Он кручинился о том, что его не понимают, и просил любви всех кому не лень. Рёва проникся и сообщил, что очень любит. Они начали обниматься и рухнули в стакан. Рёва вылез, анрел — утоп. Доставать пришлось мне. После чего кашляющего, мокрого и сильно несчастного духа посадили на стол, завернув в салфетку.

Короче... вечер прошел неплохо. Особенно когда под конец нечистик начал летать под потолком и поджигать пятые точки посетителей самонаводящимися молниями, что разожгло немало драк и в итоге закончилось всеобщей свалкой, в которой анрела чуть не затоптали, а порхающий над головами Иревиль его красиво спас.; Домой все приползли только под утро и рухнули вповалку у камина прямо на шкуры. До кроватей не дошел никто. И телепортированным магом покрывалам народ шумно порадовался, что-то пробурчав сквозь храп.

Я, кстати, снова заснула в объятиях Грифа. И, кажется, уже начинаю к этому привыкать...

ГЛАВА 29

Я нашла доброе дело. Страшно доброе. Настолько страшно, что иду на него одна, оставив Грифу записку: "Пошла творить добро. Если не вернусь через три дня — можешь считать себя свободным от обязательств. Бура".

Надеюсь, он не ринется меня искать, как ненормальный. Правда, Иревиль, который и диктовал мне текст записки, как-то странно усмехался. Нуда и ладно.

Так. О деле. Я и духи сейчас стоим перед колодцем на главной площади и с интересом в него заглядываем. Рядом мнется заказчик с факелом в одной руке и носовым платком — в другой (у него грипп, и вообще он сильно болеет, но ради меня встал из уютной постели и пришел сюда).

Что за задание? Кто-то отравил воду. Причем полгорода уже слегло, а противоядие предложили купить по настолько баснословной цене, что король до сих пор пьет успокоительные капли и ищет, кого бы обезглавить для релаксации. (Придворные прячутся по подвалам, стараясь вообще не попадаться ему на глаза, в итоге дворец — в запустении.) Тени... ищут. Совет так вообще сообщил горожанам, что паниковать не стоит, ведь на них самих отравы не действует, так что без правительства город не останется. Народ почему-то обиделся и объявил их самих зачинщиками. А король и вовсе проглотил байку о грандиозной попытке срочно его свергнуть и утром выгнал весь Совет Теней взащей.

Все это в красках изложил мне заказчик, добавив, что за работу платят сами Тени, но через подставных лиц. Что забавно — ведь работать, получается, я буду на Совет.

— Так. Там... есть что-то живое. Во-от. Надо это поймать! Во-от. Все пытались, но утопли, во-от.

Киваю, снимая сапоги. Феф и Рёва стоят на краю и заглядывают вниз. Рёва предлагает подогреть водичку молниями — вдруг что всплывет. Анрел возражает, пытаясь закончить молитву и освятить-таки воду. Рёва очень переживает, что и его зацепит, а потому предлагает настойчивее, едва не затыкая анрелочку рот. Лично мне — все равно. Лишь бы вдогонку не запустили чего электрического. Мало ли — тоже утону. Хотя... организм протестировал системы органов и уверяет, что все нормально и я могу не дышать хоть сутки. Это радует.

— Ну так... чего?

— Иду.

— Ага. А я здесь, значица, подожду. Во-от, — покивал мужик, после чего смачно высморкался и плюнул в колодец.

Мрачно на него смотрим.

Забираюсь на бортик и прыгаю. Вниз ногами (мало ли что), игнорируя ведро, висящее на цепи. Иревил, зараза, все же швырнул вдогонку шаровую молнию, и вода подо мной красиво вспыхнула голубеньким. Но... вроде нормально окунулась. Не закоротило и даже не ударило. С другой стороны, моя кожа — прекрасный изолятор.

Холодная вода ударила по нервным окончаниям, тут же перестроившимся на другой температурный режим. Нырок. Вода с воздухом пузырями рванула вверх, а я — вниз. Глубоко.

Темнота полная, ничего не вижу ни в инфракрасном, ни в других диапазонах... И как мне искать здесь то, что отравило полгорода? Что-то обвилось вокруг кисти, видимо сжалившись, и рывком утянуло еще глубже.

...ничего себе колодец. Вот это, я понимаю, глубина. Или... или он просто переходит в подземное озеро? Огромное такое. В которое я только что и выплыла, с интересом оглядываясь по сторонам и теперь прекрасно различая небольших алых рыбок, водоросли и прочую жизнь, суetyающуюся вокруг.

А вот и хозяин щупальца. Зубастый. Левая рука перестроилась в пушку, и я резко выломала все зубы разом, поджарив его и прочих обитателей озера мощным разрядом. Точно. Моя кожа совершенно точно — изолятор.

Существо мертво и плавно опускается вниз. Сомневаюсь, правда, что именно оно отравило воду: молекулы отравы не концентрируются вокруг. Но если присмотреться, то видно, что яд поднимается откуда-то снизу. Улыбаюсь и переворачиваюсь вверх ногами. Хорошо, что у меня есть датчики, а так я бы тут могла до скончания времен плавать.

— Буль?

Кошусь на проплывающего мимо Иревиля и неуклюже перебирающего ножками следом Феофана.

— Вниз, — тыкаю пальцем.

Мне утвердительно булькнули и посмотрели вниз.

Усмехаюсь и, сгребая их в охапку, ныряю глубже, бешено работая ногами.

В огромной пещере, среди зарослей потревоженных водорослей, усыпанных костями мертвых рыб, стоял и смотрел на нас некий зверь с двумя ногами, двумя руками, головой и длинным витым хвостом, выполняющим роль неплохого движка.

И вот уже полчаса я уматываю по всему озеру от этой хреновины, которая плюется ядом (тем самым, что отравила воду в колодце) и пытается меня схватить.

Почему уматываю? А у него тоже кожа — изолятор. Ну не прелесть? А еще она не пробивается моими когтями, пульсарами и прочим нехитрым арсеналом.

Впервые такое чудо вижу. И оно догоняет!

Рёва, распластавшийся на моей груди, пытается передать мне какую-то мысль. Феф, запутавшийся в моих волосах, просто булькает. А я, уматывая на полной скорости, пытаюсь понять — как это прибить и откуда оно взялось. Вода-то до недавних пор была нормальная. Или у него период полового созревания? Блин.

Уворачиваясь от еще одного зубастика, загребая вверх, разыскивая глазами провал колодца и чувствую, как меня хватают за ногу и с силой тащат назад, сильно затормаживая бегство.

Оборачиваюсь и изо всех сил бью ногой и руками, опускаясь до того, что начинаю банально кусаться и царапаться, как человек. А этот... козел — улыбается во все тридцать клыков и, не отпуская ногу, тащит меня обратно в дыру. Явно будет есть.

— Иля! — голос возникает прямо в голове, мешая паниковать.

— А?

— Он не жрать тебя тащит! — с надрывом. Смотрю в огромные глазки Рёвы.

— А зачем?
— Ему баба нужна, — закашлявшись. Н-да-а...
— И что делать?
— Линять! — хором.

Спасибо. Я прям прозрела.

Снова пытаюсь выдраться, но меня подтаскивают к груди, крепко к ней прижимают и неуклюже гладят по голове. Успокаивают?

Смотрю на клыкастое лицо с синей кожей, пытаюсь понять: есть ли у него способности к телепатии. Может... можно все объяснить? Но тут меня куда-то отшвырнуло, вода вскипела. И я среди мелькания пузырей, ошметков чешуи и разводов крови увидела два пылающих ненавистью черных глаза. Монстр отпустил меня и сцепился с еще одним. Я отплыла назад и, приглядевшись, с трудом узнала во втором Грифа. Он-то что здесь делает?

— Иля, выход, плыви в колодец! — Феф дергал меня за ухо и показывал вверх.

— Ага, давай бросай своего мужика, — фыркнул Иревиль, презрительно на меня глядя. Я их не слушала.

Шипяще-рычащий комок из двух сцепившихся насмерть существ... заволакивал.

Жгуты Грифа раздирали то, что я не могла даже поцарапать, его же когти — проходили насквозь. Но и монстр умел многое и шел до конца, вцепившись так, чтобы оказаться как можно ближе и вонзить зубы в шею, а когти — в грудь противника.

— Сдохнет, — Рёва.

Киваю и плыву обратно, не слушая воплей Феофана.

В руке конденсирую разом весь заряд системы, оставляя не больше десяти процентов на жизнедеятельность. Должно сработать.

Меня ловят за талию хвостом, не отвлекаясь и не давая приблизиться. На миг... даже стало его жаль. Он ведь не виноват, что родился и ему нужна самка. Так и должно быть, только... Гриф не отступит. На него даже смотреть страшно — в глазах ничего человеческого, и разрезающие все подряд со смертельной скоростью жгуты, мелькающие вокруг.

Разряд. Прямо на хвост. Парня закоротило, я смогла пробить чешую! И гут же десятки щупалец закончили начатое.

Монстр затих и, когда его отпустили, начал медленно погружаться на дно.

А меня схватили за руку и с силой дернули вверх, увлекая к далекому входу в колодец. Гриф даже не смотрел на меня. Просто очень крепко сжимал кисть, истекая кровью.

Выбираемся из колодца. Гриф вытащил меня на спине, вонзая когти в каменные стены и не обращая внимания на крики заказчика о пользе спущенного на цепи ведра.

Перепрыгнув через борт, парень опустил меня на мостовую и посмотрел на мужика. Тот отчего-то сильно побледнел.

— Через пару дней вода очистится. Я выполнила заказ.

Показываю кусок кожи с чешуей монстра. Кусочек осторожно берут пинцетом и кладут на что-то вроде целлофана.

— Как только... вода очистится... мы заплатим, — Даже стиль речи человека изменился. Теперь — безо всяких там "во-от" и так далее.

Киваю и ухожу с площади. Гриф молча идет следом.

И ведь так и будет молчать. Не отругает, не наорет, даже дурой не назовет. Просто будет идти рядом.

— Спасибо, — тихо.

Зачем сказала?

Он посмотрел на меня. После чего подхватил на руки и понес дальше. Вырваться я не смогла, а потому просто уснула, прижавшись носом к мокрой груди и вдыхая его запах.

Я ведь... так много энергии там потратила. Спокойной ночи.

ГЛАВА 30

Я решила стать писателем! А что? У меня явный талант с рождения. Тем более что в городе как раз открылось первое магическое печатное издательство. И туда требуются авторы!

Так что... сижу в кресле в спальне глубокой ночью, выбираю перо и пытаюсь понять: как же мне начать произведение. Духи сидят на чернильнице, болтают ножками и почтительно ждут. Гриф — где-то в городе разыскивает мне очень доброе, но легкое дело. А ребята давно спят. Симка, кстати, сегодня утром убежал обратно в семью и решил там остаться на некоторое время. У кошек закончилась мирным договором многолетняя война с Тенями, я признана главным освободителем (тайно). И все шпионы смогли вернуться к родным, чтобы теперь вместо забегов по помойкам и дворцам рассказывать по вечерам у теплого камина леденящие кровь истории о сражениях в ночных переулках с полчищами крыс, о выкрадывании секретных материалов из спальни короля. И об отважных героях, так и не вернувшихся с поля боя...

Но я отвлеклась. Снова смотрю на белый лист и хмурюсь, выдумывая роман века. Хм... ну, например.

"Жила-была принцесса..."

Избито.

"Жил-был монстр?"

Как-то... Да нет. И что я буду с ним делать? Ему еще и красавицу надо будет подобрать, которая сослепу поцелует, а потом умрет от разрыва сердца. Не-эт... тут надо идейно!

"Жил-был гном..."

Вспоминается Крут. Фантазия со скрипом начинает работать.

"Огромный, как шкаф и... маленький, как тумбочка".

Не дай бог, Крут прочтет.

"И вот однажды..."

...А что однажды? Опять ступор.

Иревиль слез, обозрел мои кляксы и потребовал тоже листок и перышко. Сказал — к нему пришло вдохновение. Да и скучно смотреть, как я мучаюсь. Феофан, крайне смущаясь, из-за его спины сообщил, что и он бы не отказался попробовать себя на писательском поприще.

Выдаю ребятам требуемое, творим уже втроем. Мне, кстати, обещали потом дать почитать.

Угу.

Та-ак. Гном.

"И вот однажды пошел он в лес. Нет, в поле... В горы!"

Гм, логично, что не в небо... а хотя...

"И вот однажды он улетел..."

Так, куда бы его послать?

"И прилетел в рай.

И сдох".

Жалко гномика. Да и коротко как-то получилось. Ой, я же про внешность забыла. Рост — это еще не все.

"А внешне он был... красив... — На всякий случай — мало ли, Крут все же прочтет. — Черные брови переходили в заросли бороды... — а она у Крута и впрямь очень высоко начинается, почти у висков, — ...глаза горели синим и красным. — Красиво. — А белые... клыки!.. Выпирали".

Довольно ставлю точку, перечитываю написанное. Эх. "Выпирали". Сразу ясно, что не иголки там какие-то, а именно клыки. Продолжим.

Феф напевал, что-то строча на выданном ему листочке. Рёва тихо смеялся, вытирая слезы рукавом. Что он там сочиняет-то? А впрочем — не стоит отвлекаться. Мне еще нужно

приз за лучшую авторскую работу выиграть (ее напечатают в газете, а точнее, ее подобию).

"И вот наш красавец прилетел... в... в... ввв... в яму..."

Нет, не могу. У меня творческий кризис.

Вскакиваю, бегу из спальни на кухню, вытаскиваю початую бутылку вина и бегу обратно. По дороге — пью. Становится легче, мысли более или менее выстраиваются в ряд.

Снова сажусь за стол, поправляю маголампу и склоняюсь над листком. Кажется, я знаю, о чем написать.

Итак:

"Жил-был гном: огромный, как шкаф, и маленький, как тумбочка. Черные брови его переходили в заросли бороды, а глаза горели синим и красным. Белые клыки его далеко выпирали, а когти наводили тоску даже на гидр.

И вот однажды... он улетел в яму. Очень глубокую и страшную. Но он не испугался, рухнув в центр и застряв вверх головой. Просто замер и стал ждать.

И голос из ниоткуда сказал:

— Кто ты-ы?..

Гном показал два средних пальца и слегка дернул ногами.

— Отку-уда-а ты-ы? — не унимался голос.

Гном ткнул вверх, после чего уперся руками в жижу и попытался выбраться из нее. Но жижа держала крепко... она была разумной, и гном ей нравился.

И тогда рядом затопали, кто-то подошел, и он ощутил, как с его ноги начинают стягивать сапог. Но наш герой не растерялся! И двинул второй ногой.

Рядом хлюпнуло и затихло.

— Ты убил мою дочь! — молвил голос с ужасом. — Она хотела познакомиться и обнюхать тебя, о презренный!

Гном кое-как выбрался, сел и поправил бороду. Рядом с ним валялась прекрасная незнакомка — с клыками, с бородой и с когтями. Прямо как он.

И возрыдал гном! И... э-э... сдох.

Но голос его снова оживил.

— Я не дам тебе умереть, пока ты не оживишь ее.

— А как? — спросил гном.

И голос поведал... поведал... о жутком обряде бритья ног и..."

Так.

Мне надоело. Да и неактуально все это как-то. Надо сначала выбрать тему! О чем хочет читать современный читатель? Ну-у... (задумчиво грызу перо). А за окном надвигается шторм и снова льет дождь. Встаю, закрываю форточку и опять сажусь напряженно думать, какие темы и жанры сегодня наиболее актуальны? Насилие, любовь, мистика и... детективы.

Так. Ща.

"Гнома изнасиловали призраки, влюбленные в него с детства. Ведется следствие".

А что? Очень даже... пикантно. Только быстро как-то. Надо бы сюжет развить, что ли. Гм... к примеру:

"Он целовал ее взасос, она трепетала и попискивала всеми местами. Клыки чуть-чуть мешали, но ей так нравилось даже больше... Э-э... она любила агрессивные тумбочки. Вот.

Но тут! Из-за угла появилось ОНО. Огромное... нет, маленькое... но волосатое! Или большое и лысое? Короче, жуть крошечная, — и сожрала обоих".

Так... а о чем дальше писать? Тяжело вздыхаю.

"Но, подумав, выплюнуло гнома и, истекая слизью, вонью и всякой гадостью, поползло в свою страшную нору, которая находилась... неизвестно где.

И гном возрыдал..."

А что? Он о ней беспокоился! Страсть, так сказать... Хм. А вообще — что-то мало страсти. Надо добавить:

"Он бился головой о мостовую, отрезал себе пальцы на правой руке в память об утрате и вырвал себе глаз..."

Перебор. Какой-то он... нервный. Лучше:

"Гном долго плакал, лежа в луже... собственной крови, и... страдал. Потом замерз. Встал... и пошел по склизкому следу монстра, надеясь, что еще не поздно спасти ту, ради которой он час лежал в луже".

Во-от, уже романтика. Мне даже жалко его как-то стало. Так. А что это я все про гнома да про гнома? Если писать о романтике, то ведь лучше про элва? У них с этим всегда лучше было. И вообще, если бы за мной полз гном... я бы не очень радовалась. А вот элв — совсем другое дело, читательницы будут в восторге.

"Элв шел по следу монстра, роняя прекрасные чистые слезы и брезгливо опуская ноги в зловонный след. По пути он пел балладу об утерянной любви. И пел ее так чисто и проникновенно, что все кошки выходили из подворотен следом и подвывали, вникая в суть страшных сердечных мук прекрасного героя".

Кстати, о внешности.

"Он был высок! Худ. Сильно. Почти костляв. Но не скелетина... так, умеренной костлявости. Его глаза были... зеленые и широко распахнутые... нет, скорее, немного навывкате (а как иначе в них прочтешь все чувства разом?). Ну в крайнем случае — овальные, и с этими... желтками вместо белков... в тон коже... золотистой такой.

Он передвигался так легко и изящно, что... не касался мостовой (парил, наверное). Или не парил? Скорее, плыл по воздуху... гребковыми движениями вслед за монстром. На лице его был оскал улыбки... клыкастой. На голове его висела коса (просто волосы мешали бы, а он еще драться будет... Так. А если косу отрежут? Случайно...). Точнее, он был полулысый, и лишь редкий ежик волос украшал его голову всеми переливами... мм... радуги (не могу выбрать цвет).

Значит, плыл он, плыл... плыл он, плыл... далеко ли плыл, близко ли — никто не знает. Но в итоге приплыл.

Монстр как раз выплевывал всех съеденных за день жертв и... страшно связывал, подвешивая к потолку. Он взглянул на спасителя, красный глаз которого мигнул в ярости, а... зеленый вспыхнул, подобно сверхновой..."

Так, а тут знают, что такое "сверхновая" и что от такой вспышки элв бы гарантированно ослеп? Ладно. Какая разница? Зато красиво.

"И монстр взвыл в отчаянии и... и..."

В голову лезет сплошная банальщина. Элв по сценарию должен достать меч и изрубить им монстра. Ну или монстр элва. Но такое точно никто читать не будет. Хм. А если...

"...и влюбился. Он подполз к парящему в воздухе мужчине и... облизал его, мурлыча и поливая слюзью..."

Элв умер от удушья, его аристократический нюх не выдержал спектра миазмов. А монстр... э-э... женился на трупе, и жили они... долго и страшно".

Вот! Конец.

А что? Очень даже недурно получилось. Кошусь на стоящего рядом и читающего все это Фефа. Челюсть у него отвисла, глаза круглые, знаками просит Иревиля подойти. Тот только отмахивается — у него своих дел полно. Да и... вроде как нечистика посетило вдохновение, и он теперь строчит не хуже моего.

Беру у Фефа листок и зачитываю, с его разрешения, вслух. Страшно интересно, что же он там написал.

"Жила-была белочка. Она бегала по полянке и нюхала цветочки. Цветочки были разные. А мимо проходили охотники. Они увидели белочку и долго с ней играли, прыгая между цветочков и стараясь не раздавить их. Охотники были хорошие и отдали белочке все свои продукты и вещи. Белочка поблагодарила их на своем языке, и они расстались. А белочка снова стала прыгать по полянке и нюхать цветочки.

Мораль: нюхайте цветочки и не бейте животных. Феофан".

Рёва спросил, не маки ли нюхала белочка и не горела ли поблизости конопля. Так как только укуренная в дым белка могла грабануть разбойников, да еще при этом расстаться с

ними миром. Небось впервые в жизни создала пульсары и, радостно визжа, носилась по полянке, кидаясь ими в несчастных мужиков. Вот парни и побросали все, что было.

Феофан чего-то надулся и сказал, что все было совсем не так и вообще мы ничего не понимаем.

Ну... лично мне — понравилось.

Но меня уже дергал за рукав Иревил и протягивал свою версию "рассказа года". С интересом углубляемся в чтение (мы с Фефом — в Иревилено, а Рёва — читает мои перлы).

"Жил-был ежик..." (Что-то духов все на животный мир тянет.) "Ёжик был старый и больной. Его никто не любил, и у него выпадали иголки. Тогда он изобрел героин и стал продавать самодельные шприцы со своими иглами. И его стали все любить.

Мораль! Тебя любят, только если ты приносишь счастье".

Да-а... краткость — сестра таланта. И ведь... не придерешься, зарраза.

Феф угрюмо мнет крыло и все пытается сообразить, что бы такого возразить. Но... пока тоже молчит.

Внезапно заскрипела дверь, и в спальню вошел Гриф, подошел к кровати и рухнул, мгновенно отрубаясь.

Я со скрипом отодвинула от стола стул, встала и подошла к нему. В правой руке мокрого парня был зажат какой-то клочок бумажки. Пришлось бережно вынимать, стараясь не разбудить. Но пальцы разжались сами, и черные глаза устало сверкнули из-под ресниц, после чего веки снова сомкнулись.

Стою у маголампы и читаю расплывшиеся от влаги строчки объявления о найме на работу. Неужели... заказ?

"Шахте Сирий требуется квалифицированный маг для выведения грызунов, которые подтачивают крепления, что приводит к обвалу проходов и гибели рабочих. Оплата..."

— Это же самое что ни на есть доброе дело!

Феф кивнул, радостно улыбаясь, а Рёва, как всегда, скуксился.

— Не понимаю, что хорошего в том, что мы полезем в какие-то подземелья гонять кротов?

— Но...

— Лучше бы сходили в баню или еще куда... а тут шахты. Эх! Иль, а пошли в бордель?

Но я только отмахнулась, ложась на постель рядом с Грифом и тоже засыпая (стараясь при этом не разбудить его и особо не шебаршиться во сне).

А только утром я все равно, в который уже раз, обнаружила себя в его объятиях.

...А еще утром Гриф заболел. Знаю, вы скажете, что такие, как он, никогда не болеют. Что такие — героически погибают в бою, а не умирают (банально) в кровати, и вообще...

Но он-таки заболел. И мы все собрались у его кровати, обсуждая, что нам делать. Маг при этом пытался померить ему температуру, но у него прямо в руках лопнул уже пятый градусник подряд, и он, страшно нервничая, предложил погрузить больного в ванну с холодной водой, чтобы хоть как-то сбить жар.

Вампир уже ковырялся в ванне с водой, делая ее похолоднее, а элв таскал из погреба куски льда. (Гном при этом сидел у кровати с огромной тарелкой супа собственного приготовления и терпеливо ждал своей очереди поиздеваться над пациентом.) А я сидела рядом и просто смотрела на него, не зная, что делать.

— Бурочка, не могла бы ты подвинуться? — Маг посмотрел на меня и мягко улыбнулся.

Киваю и встаю, наблюдая за тем, как Крут и Сим поднимают Грифа и волокут в ванну, а элв суетится и подсказывает — что и куда совать, дабы тело прошло в дверной проем.

— Я... не понимаю. Он же никогда не болел.

— Все когда-нибудь болеют. — Маг похлопал меня по руке и пошел смотреть, что там творят ребята.

Я же осталась в комнате, глядя на задумчивые лица духов и не зная, чем помочь.

— А ведь это неспроста. — Иревил почесал затылок и посмотрел на Фефа. Тот

поспешно отвернулся и крайне тяжело вздохнул. — Феф?

— А? Что? — не поворачиваясь.

— Ты себя странно вел. Ни разу его не перекрестил и даже не спел песенку на ухо.

— Я потом спою.

Встаю и подхожу к окну. Что же делать? А это точно пройдет? Он такой горячий.

— Иля, эта зараза явно что-то знает!

Удивленно оборачиваюсь:

— В смысле?

На Фефа жалко смотреть. Красный, взъерошенный и возмущенный, он сжимает кулачки и гневно смотрит на Иревиля.

— Я дал слово! — возмущенно, — Ты, кстати, тоже.

— Что за слово? — я.

— Не ври, меня заставили, а потом еще и память стерли. Колись.

— Нет.

— Колись!

— Нет!

Из ванны послышался вой и крик. Потом дверь вынесло, на пол рухнул гном, сверху — маг. А Сим и элв в глубине отчаянно боролись с встающим из воды и явно невменяемым Грифом.

Бегу туда, плюнув на духов.

Парня пришлось связать, причем мне, так как больше никто с ним справиться не мог. И вообще, кажется, единственной, кого он теперь подпускал, — была я. Меня он не пытался, по крайней мере, разрезать жгутами, отшвырнуть или покусать. Даже дал снова уложить себя в постель и укрыть одеялом. Температура, правда, все еще зашкаливала, да и разума в открытых черных глазах было немного, но я упорно не давала больше тащить его в холод. Хоть и сама не знала, права ли.

В итоге все устало вышли из комнаты, оставив нас вдвоем. Гном поставил возле кровати тарелку с супом и попросил позвать, ежели чего, а маг обещал разузнать все о болезни и приготовить лекарство, для чего утащил с собой элва и Сима, в помощники.

Я не отреагировала. Мне было немного страшно, а еще — плохо.

А на столе остался лежать листок с заданием — очередным добрым делом.

— Итак. Слушай. — Иревиль держал Фефа за плечи передо мной, оба стояли на мне.

Я же, положив голову на плечо Грифа, задумчиво смотрела на дождь за окном.

— Бурочка, ты только не волнуйся. — Вид у Феофана был убитый. — Но... Гриф не поправится.

Мигаю и перевожу взгляд на мелкого. Тот отводит глаза и явно чувствует себя не очень хорошо.

— Понимаешь... он тоже киборг. Только биологический, и... и он уже совершил много-много дел.

— Злых. — Рёва решил влезть. Феф потерянно кивнул. — Он же на арене был, когда ты его нашла и... ну, короче, если душа совершит много отрицательных дел... то тело тоже меняется, просто немного иначе.

Феф кивнул.

— Как именно?

Процессор анализирует информацию на повышенных скоростях. Слушаю внимательно, понимая, что не врут. (Интонации не те.)

— Сказки читала? — Рёва. — Завтра процесс закончится, и он окончательно станет редким уродом... в моральном плане.

— И всех убьет, — Феф. Несчастливым голосом.

— Можно что-то с этим сделать? Повернуть процесс вспять.

— Он и так отсрочен, так как Гриф... влюбился, ну и... — Вид у Фефа совсем убитый.

Сажусь, смотрю на парня. Черные волосы взъерошены, пара прядей упала на лоб,

скользнув кончиками по векам. Такой красивый. Как мальчишка. И я не хочу его терять.

— Должен быть способ.

— Иля, ты не дослушала. — Рёва взлетает ко мне на плечо и тихо шепчет на ухо: — Ты можешь наконец-то стать человеком. Не надо больше будет бояться, что тело однажды перестанет слушаться. Просто... просто останови того, кто завтра со всей своей новой силой начнет уничтожать город. И это... ну очень доброе дело будет.

"Подтверждаю".

Программа. Вмешалась все-таки.

— А если нет?

— Ну... тогда ты будешь наблюдать, как он убивает твоих друзей, затем рушит чужие дома и судьбы. Потом он попытается убить тебя...

— А если нет?

— Илечка, это ужасно, правда, я понимаю. Но Иля...

Отмахиваюсь от Феофана. Наверняка есть другой способ. Любую программу можно остановить, заблокировать, загрузить вирус...

И духи мне ничего не скажут. Им же лучше, если я стану человеком, душа получит тело — и их миссия будет выполнена. Потому как они тоже не исчезнут и не растворятся, а получают то, о чем всегда мечтали, — шанс на еще одну жизнь.

Кладу руку ему на лоб. Горячий. Закрываю глаза и думаю. Система обиженно затихает, не участвуя и не давая использовать весь аналитический аппарат. Она тоже знает свою задачу и свою функцию. Мне никто не поможет. Даже я сама.

— Я не стану его убивать.

Тяжелый вздох духов.

— Надеешься, завтра красиво его остановить и своей смертью вернуть в разумное состояние? — Рёва. Язвительно.

Им тоже трудно, я знаю. Особенно Фефу — подбивать меня на такое.

— Он не человек и уже им не станет, Илечка. — Анрел почти плачет. — Ты не сможешь, даже если...

— Молчи, — резко. С плеча.

Распахиваю глаза. Поворачиваюсь к Рёве.

— О чем?

— Иля...

Беру его в руку и подношу к носу.

— О чем он должен молчать? Что-то можно сделать?

Отворачивается, кусает за палец, царапает коготками и страшно недовольно сверкает рубиновыми глазками.

— Илечка, не надо. — Феф подлетает к руке и пытается разжать пальцы.

Вдыхаю и подношу духа ко лбу.

— Расскажи. Ну пожалуйста. Я должна знать, что не смогу ничего сделать, понимаешь?

Переглядываются. Феф садится на запястье второй руки и огорченно мотает головой.

— Ладно, — Рёва перестает кусать и демонстративно складывает руки на груди. — Но помни: я тебя предупреждал.

Киваю, внимательно на него глядя.

— Его может вытащить только одно: если кто-то намеренно пожертвует своей душой ради него. Тогда дадут еще один шанс.

— Что значит — пожертвует?

Феофан с готовностью объяснил:

— То есть никогда уже не получит тела человека и навсегда останется машиной.

— Или трупом. Если уже человек, — дополнил Рёва, кивая.

Отпускаю, сажусь поудобней и думаю.

— А Гриф тогда станет человеком?

Тяжелый вздох духов.

— Ты не понимаешь, Иля. Если ты отдашь душу за него, твое тело никогда не станет снова человеческим, а останется навсегда обычной машиной. Ты не сможешь им управлять, и душа исчезнет, приблизившись к смерти. Понимаешь? Это даже не самоубийство, это — хуже. У тебя же не будет второго шанса родиться.

— И потом, — Рёва внимательно осмотрел свой хвост и повернулся ко мне, — Ты думаешь, что он бурно обрадуется такой жертве? Да он тебя любит больше жизни! А потому тоже перережет себе... ну, там, горло или вены и сдохнет в муках, ибо один останется.

Угрюмо смотрю на парня, дыхание которого остановится все более и более учащенным. Лицо покраснелось, по телу иногда проходит дрожь, словно ему холодно, а из пальцев вышли на всю длину немелкие когти.

— А что нужно сделать, чтобы пожертвовать душой? — Шок в глазах духов. — Ну... может, можно смухлевать?

Облегченные выдохи.

— Не, нельзя, — Рёва, со вздохом, — Тут надо, чтобы он взял... к примеру, пистолет и застрелил тебя. Тогда жертва была бы отдана и принята добровольно. И ему бы дали еще один шанс.

— А при этом нельзя ли было бы мою душу куда-нибудь... переместить. Ну там, в игрушку.

— Ага, или в покойника! А что? Побудешь зомбиком, а там что-нибудь придумаем! — в голосе Рёвы нарастала истерика.

Феф осторожно положил руку на его плечо и укоризненно покачал головой.

— Кхе-кхе... Короче, нет! Киваю и встаю. Я все равно попробую.

Полчаса пытались вынуть душу и переселить в какую-то куклу, в ворону (она как раз сдохла на нашем подоконнике, видимо решив, что тут комфортнее всего) и... даже в Рёву. (Он отчаянно сопротивлялся и очень ругался, отказываясь, чтобы в него вселяли что бы то ни было.)

Не получалось. Душа сопротивлялась и выдиралась из рук, а тело угрожало отключиться на неделю, пока не поумнею.

Тогда я взяла столовый нож, вложила его в руки Грифа и угрожающе над ним нависла, направив оружие себе в горло (как еще меня можно убить обычным ножиком — я не очень понимала). Рёва попросил не драматизировать, Феф заламывал ручки.

Короче, ничего у меня не получилось, и я снова села на постель, глядя на пылающее от жара лицо Грифа и на когти, глубоко вошедшие в матрац. Ему было плохо. Очень. И я это видела.

— Рёва, мне больно, — чуть не плача. Вздох.

— Ну что еще, Илечка, я же...

Дух замер и подлетел ко мне. По моим щекам катились слезы, руки тряслись, и я совершенно не понимала, как остановиться.

— Эй, ты чего?

Феф всплеснул руками и куда-то улетел, Иревиль же осторожно поглаживал меня по пальцу и, хмурясь, смотрел в глаза, пытаясь понять, с чего я плачу.

— Ты же не любишь его, Иля.

— Люблю, — упрямо.

Шок.

— С ума сошла? Это он тебя любит, не пута...

— Люблю!

— Ты — машина!

— С душой!

— Какая на хрен душа? Тут гормоны нужны, гор-мо-ны! Адреналин, например. Только они все и дают...

— А я все равно люблю! Вот, смотри, слезы.

— Не капай на меня.

— Отдай палец.
— Успокойся.
— Я настойку принес! — Феф влетел и попытался вбить мне в зубы наперсток с какой-то зеленой жидкостью.

Я отвернулась, все разлили на злого Рёву. Тот психанул и врезал по нам обоим молниями. Феф упал и застонал, Рёва побежал его лечить и извиняться. Его благословили.

Пять минут спустя. Когда все очнулись.

— Так. Еще раз.

На Иревиля больно смотреть, но я упорно продолжаю:

— Я его люблю. Точка. А потому жить без него не смогу. И вообще... — уже тише. — И вообще любовь — не только гормоны и химия. Мне без него... темно будет. Понимаешь? И холодно. Я потеряюсь.

— Не потеряешься, — хмуро. — Мы же здесь.

— Рёва, — Анрел отрицательно покачал головой и посмотрел на меня. — Мы не всегда будем рядом. А только пока...

— Ну да. Только пока она не получит человеческое тело. Но... просто потом мы станем невидимыми, и все, ведь человеческий организм так несовершенен, и вообще...

— Понятно, — что-то мне совсем плохо стало.

Встаю, подхожу к подоконнику, забираюсь на него с ногами и смотрю в окно. Все понятно. Я остаюсь одна. А Гриф умрет...

— Рёва, — анрел. Укоризненно.

— А что опять Рёва? Ты хоть понимаешь... да ну вас! Оба — идиоты и меня тянете. Она же умереть хочет за него, а он без нее жить не станет. А ты — Рёва! — обиженно.

— Ну... — смотрит на меня, — Можно ведь и иначе.

— Ага. Щаз. Так я и дал тебе пожертвовать собой, чтобы вытащить этого охламона. У него был шанс!

Удивленно смотрю на анрела, сидящего на одеяле и задумчиво разглядывающего меня.

— Что значит пожертвовать? — хмурюсь.

— А то! — Рёва встал, — Если вот он, — в Фефа ткнули пальцем, — самоуничтожится ради твоего Грифа, то тоже есть шанс, что ему дадут шанс... я запутался. Короче: нет!

Усмехаюсь и киваю.

— Конечно нет. Я бы и не позволила.

Феф почему-то покраснел и отвернулся. Мы оба на него смотрим. Ну кто ж ему даст умереть. Уж лучше я сама. А вообще... Рёва прав. Сборище самоубийц какое-то, и один мелкий голос разума в лице нечистика.

Гриф внезапно застонал сквозь стиснутые зубы и выгнулся. После чего снова упал на постель и затих. Дыхание было резким и прерывистым.

— Недолго осталось, — Иревиль, в полной тишине.

Встаю с подоконника и иду к нему.

Я... никогда не любила долго думать.

ГЛАВА 31

Вы когда-нибудь теряли?

Заколку, расческу, медальон...

Это больно?

Не очень.

А друга?

Уже жестче.

Уже едва дышишь, стискивая зубы.

Любимого?..

Я склонилась над ним, так что волосы плеснули на подушку по обе стороны от лица.

Его лица. Смотрю на линию губ, веки, ресницы.

Я — машина. А машина не должна чувствовать. Мне нельзя плакать, смеяться, любить и тосковать. Как говорит Рёва — это все гормоны. Просто гормоны. Которых у меня нет.

Скольжу рукой по его плечу, чувствуя, как навстречу, оплетая ее, — выходят жгуты. Тонкие, черные и смертоносные — они мягко оплетают кисть и словно ласкают ее.

Вот ведь странно. Он без сознания, не видит меня, не знает, что я здесь. Температура тела зашкаливает за все мыслимые для живых отметки, и он едва сдерживает стоны боли. А меня узнал...

Осторожно глажу черные жгуты, подвожу пальцами их к своей груди, заставляю коснуться моего тела и мягко улыбаюсь.

— Что ты задумала? — кажется, Феф.

— Не бойся, он ничего ей не сделает. Может... прощается?

Умничка. Рёва всегда был умничкой.

Закрываю глаза и касаюсь второй ладонью его лба. Он медленно выдыхает, замирая. Понимая, что это — я.

Жгуты все еще скользят кончиками по моей коже, забираются под одежду, щекочат.

Улыбаюсь.

Закрываю глаза.

Кстати, а вы знали... что любую машину можно перепрограммировать? Просто и элегантно. Скользнуть по рецепторам, войти импульсами в мозг и всего двумя-тремя разрядами сбить установку в нужную сторону. Делов-то...

Всего один импульс — и агрессия затапливает его расслабленный мозг, ошарашенный началом вторжения.

Второй — и боль пробегает по его нервам, подтверждая угрозу. Ему сейчас... плохо: страх, ярость, ток, хлещущий по нервным центрам...

Жгуты замерли, укололи меня концами, входя в кожу. Немного больно, но терпимо.

Третий...

Так и слышу эту фразу в его голове: "Боевой режим активирован".

И черные глаза распаиваются, жгуты мгновенно находят наиболее уязвимые точки, пронизывая мое тело насквозь, разрушая кости и микросхемы мощным разрядом и заставляя кричать. При этом изо всех сил я сдерживаюсь, чтобы не ответить на агрессию.

Мои когти пропороли подушку, окрасив перья в кровь. Ау меня ее много, очень много... кажется. Даже слишком.

Боль взвилась волнами и затопила все тело. Дышать не могу, процессор то включается, то выключается, система идет вразнос...

А я смотрю в его глаза и понимаю... что схожу с ума. Потому что счастлива. И мне больше ничего не нужно. Совсем ничего. Только он.

— Ил...

Надо же, уже говорит. Явно поправится. Жгуты с сытым чавканьем рывком выходят из дернувшегося тела. Я... кажется, упала на него.

А рядом застыли бледные духи, держащиеся за руки.

А еще... он обнял меня. И уже не такой горячий. Кажется. Кажется... он поправится.

Иначе никак. Я же отдала все, что было, за его жизнь.

Кажется...

Парень встал, приобнял ее и осторожно положил на спину, затем приложил ладони к груди и прогнал силу через дрогнувшее тело.

Впустую.

Смотрит на духов — те пятятся от его взгляда. Встает, выходит, спускается вниз и приводит мага.

Старик испуган, в руках — плошка с каким-то варевом. Видит окровавленную девушку на кровати и громко зовет остальных. И они приходят. Эльв бросается перевязывать, раздирая рубашку на ленты. Сим бежит за заживляющим зельем, гном — за своей настойкой.

Все бегают, все суетятся...

А он подходит к кровати, садится рядом, глядя на ее лицо, берет девушку за окровавленную кисть и, прошептав имя, закрывает глаза, соединив два контура тел и пустив циркулировать свою энергию по обоим.

Теперь, пока он держит ее, — она не умрет. Тело будет продолжать дышать, жить.

Душа же... словно птица в клетке — никуда не денется.

И если надо — он будет держать ее руку вечно.

Можно написать много о том, что я плавала в тумане, про смутные образы, судороги и разрывающую тело и душу боль... но это будет наглое вранье и ложь. Ничего не было. Ничего-го.

Даже меня.

Душа же, словно решив слиться из этой металлической "коробки", — вынырнула на волю и зависла под потолком, разглядывая комнату и красивого парня, сжимающего на кровати руку девушки.

Рядом стоял сморкающийся в плащ нечистика анрелочек и тихо что-то пел сквозь всхлипы, икоту и кашель. Получалось... грустно.

— Рёва.

Видит. Оба, как по команде, задирают головы и ошарашенно смотрят на меня. Значит, видят! Ура.

— Привет, — машу им.

У анрелочка отпадает челюсть, а рука так сжимает плечо Рёвы, что тот с шипением отходит, спасая руку.

— Иля! — В голосе Фефа — море возмущения.

Делаю как можно более виноватый вид.

— Ты... а ну марш обратно!

— Нет.

Знаю, что звучит глупо, но возвращаться ну совсем не хочется. Там будет темно, одиноко и больно. Пусть сначала... подживет. Мое тело.

— Ты не понимаешь, — вмешался Рёва, тоже взлетая ко мне, — ты пожертвовала жизнью ради этого... идиота! И если немедленно не вернешься, помочь мы уже ничем не сможем.

Показываю всем язык и подмигиваю Грифу. Жаль... но он меня не видит. Просто сидит, закрыв глаза, и слушает дыхание тела. А меня не видит. Вдыхаю и оглядываюсь по сторонам. Что бы такого сделать?

— Рёва, — мрачно. Феф.

— Ща.

Что-то сверкнуло, и сквозь грудь пролетел небольшой серебристый шарик. Молния? Шаровая.

Поворачиваю голову и слежу за тем, как шарик врежется в потолок, отражается от него и рикошетом бьет по Грифу, в этот момент приоткрывшего глаза и глядящего на мой профиль.

— Разряд, — зачем-то вякнул Феф.

И парня закоротило.

Висим, смотрим, думаем.

— А он молодец, ее руку так и не выпустил, — Рёва. В полной тишине.

Маг и гном, в этот момент оба суетящиеся у туалетного столика, синхронно повернулись на глухой рев и с удивлением уставились на слегка дымящегося парня. Я, кстати, тоже получила разрядом, а точнее — получило мое тело, которое не догадались отпустить.

— Еще есть идеи? — снова я. Язвительно и с чувством превосходства.

Анрелочек меня перекрестил. Стало немного щекотно и приятно. Жмурюсь, подмигиваю растерянным парням и вылетаю через потолок наружу.

Свобода! Приятно.
И снова льет дождь.

ЗАПИСИ В ДНЕВНИКЕ ГНОМА

Вторник

Застали ее всю в крови, парня — невменяемым. Он все время сидит рядом и молчит. Напугал мага, попытавшегося их разнять. Лечит?

Маг что-то приготовил и напоил Буру. Бура все еще лежит, но уже открыла левый глаз. На этом... все.

Гриф рычит и требует нормальное противоядие.

Среда

Девочку напоили противоядием. Открылся второй глаз. Так и лежит. Зато Гриф ожил: всех выставил и как-то там ее лечит сам. Ну... не знаю.

Когда снова вошли: он — изможденный, усталый, у нее — глаза закрыты, щеки покраснели.

Жить, значит, будет.

Четверг

А может, и не будет.

Пятница

Элв полдня уговаривал меня помочь ему напоить Буру какой-то дрянью. Обещал, что после этого она будет летать.

Я мучительно обдумываю идею, и мне она не нравится. Тем более что лечение парня — эффективнее всего. Раны уже затянулись, жар почти спал... Зачем ее еще и поить?

Да и обещал поубивать всех докторов Гриф очень реалистично. Так хлопыстнул жгутами по стене, что аж чуть кусок не выбил.

Элву я отказал.

Но элв все равно напоил девочку своей отравой, пока Гриф ходил в туалет. (Впервые за последние три дня, как сказал маг. Он за ним следил?) Девочка закричала. Сбежались все. Дверь туалета вынесло и прибило ею элва. Гриф явно целился и бил наверняка.

Потом полдня лечил Буру. Она перестала кричать, и все успокоились.

Элва удалось отбить.

Суббота

Лечил элва.

Воскресенье

Утро

Эдо уже ходит и потихоньку ругается. При виде Грифа его перекашивает. Плюс он еще где-то достал свою шпажку, обещая кроваво отомстить. На его "меч" — без слез не взглянешь.

Пришлось одолжить топор.

День

Состоялась битва.

Лечим элва.

Топор исчез.

Вечер

Бура снова открыла глаза! Все сбегается на крики мага. Парень сидит рядом и так напряженно на нее смотрит, словно она как минимум открыла новое месторождение алмазов и вот-вот скажет, где оно.

Но она молчит. Просто смотрит, и все.

Пытаемся ее растормошить.

Растормошить не удалось. Гриф чего-то озверел и всех выгнал. Жгуты с грохотом

захлопнули за нами дверь. Маг что-то со вздохом проворчал, прижимая к себе бутылку самогона.

Хм... а я думал — идея хорошая. Видимо, машины не пьянеют, а только искрят.

Вот она и... заискрила.

Понедельник

Утро

У меня задание.

Вечер

Выполнил задание. Оно было плевым. Всего-то и надо было, что подкараулить одного нехорошего вампира и врезать ему секирой по зубам.

Правда, парень уворачивался. Но я посильнее буду. Да и секира заговоренная — сама находит зубы нежити. Спасибо папе.

Ночь

Вернулся беззубый Сим. Долго смотрел мне в глаза. Маг пообещал вырастить ему новые клыки за неделю.

Хм... а папаша той девчонки, что вампир совратил, — неплохо заплатил. Так что... делаю вид, что это был не я в переулке.

Вторник

Новое задание. Идем на него с элвом. Надо вытащить похищенного элвенка из лап банды похитителей детей.

Среда

Чтобы я еще раз с элвом... куда пошел! Он надумал решить все миром и в самый ответственный момент предложил бандитам сдаться! Как раз тогда, когда я застыл позади вожака с занесенным над его головой топором (новым).

Ну... зараза остроухая. Короче, Эдо я оставил в обмен на элвенка. Сказал, что парень — элвский принц и за него большие дадут.

Вечером пришло первое письмо с требованием выкупа. Маг и вампир с интересом его читают, я — пошел смотреть, что с Бурой.

Четверг

Второе письмо. Еще более животрепещущее, чем первое. Вложена фотография, где ушастый с вызовом смотрит на толпу бандитов, дергая при этом связанными за спиной руками и мрачно усмехаясь.

Герой, да и только. В тексте было сказано, что если мы не пришлем деньги — нам пришлют скальп элва.

Маги и Сим выясняют у меня: что я сделал с Эдо. Пришлось во всем сознаться.

Завтра пойдем выручать ушастого.

Пятница

Вернулся лысый эльф. Продемонстрировал скальп, попытался меня зверски убить шпажкой. К сожалению... он неплохо дерется. Куда хуже, чем я только что найденным топором, но все же не так плохо, как хотелось бы. Короче, теперь у меня нет бороды, и мне стыдно смотреть в глаза гномам.

Лечим Бурю новой настойкой. Не реагирует... Не знаю, что и сказать. Девочку жаль.

Маг сказал, что снова знает, как помочь, но ему нужна помощь.

Мы согласны.

Суббота

Вампир наверняка погиб. Эльв орет из подпола. Я... еле вырвался. Пишу трясущейся рукой, поэтому строчки неровные. Что хотел сказать-то... А! Я — гном Крут Каменоломный завещаю тому, кто это прочтет, — никогда не заходить в подпол! Там... ЗЛО...

А-а-а-а-а! Маг пришел...

Воскресенье

Я, вампир и эльв теперь... бабы. Маг придумал! Сказал, что нужна кровь трех

девственниц, а ему бегать искать их где-то несподручно. А так как бабами мы стали только что, то девственны!!!

В данный момент девственный вампир ссезживает в баночку кровь из вены. Маг, сверкая тремя фингалами на лице, мрачно командует.

Лично я — вообще ушел, чтобы не впасть в соблазн и не дать ему по морде еще и топором. Но нельзя... тогда не расколдует обратно.

Грудь страшно мешает. Цепляется за все.

Элв вернулся с рынка. В лоскутках вместо одежды, с синяками на груди и плохо контролируемой паникой в глазах. Сказал, что мужикам очень понравился, и попросил, пока его не расколдуют, ходить на рынок вместе с ним. Как охранник. Я согласился. Друг же.

Вечер

Мужики перли и перли. Где мой топор?!

Да-а. Хорошо, что вампир подоспел. Так бы я не отбился. А все элв! Вот ему позарез надо было в рыбные лавки. А там моряков! Да еще и грудь у всех нас троих — восьмого размера. Маг сказал: для реалистичности. А нас перевешивает!

Моряков пришлось прибить. Всех. И гордо унести домой на руках потерявшего сознание элва — говорю же, он первым кровь сдавал, а маг — запасливый и ссудил сразу литр. Теперь наш ушастый бледный, вялый и постоянно просит пить.

Сходил навестить Буру. Девочка все еще спит. Угрюмый Гриф сидит рядом, не отпуская руку, и смотрит на нее. Я ему рассказал о планах мага. Он сказал, что не может ее отпустить, так как иначе девочка умрет. Я покивал и ушел спать на диван у окна. Мало ли... ночью помощь понадобится.

Кстати, на мою грудь он даже внимания не обратил. И это приятно.

Понедельник

Элву убрали грудь! Одну, правую. Насчет левой сказали, что там что-то заело и надо походить пока так.

Ржем с вампиром на кухне. Элв заявил, что мы — уроды, и ушел спать.

В чем-то он прав...

Маге тремя литрами крови "девственниц" что-то химичит в подвале. Сим мнетя рядом, облизываясь. Мне дурно. Намекнул ему, что, ежели чего, дам укусить себя за зад, так уж и быть. Путь только не лезет к волшебнику.

Мой зад с интересом оглядели. Вампир — зеленого цвета — смылся на кухню. Облегченно выдыхаю. Когда мага тревожат в процессе работы, он — зверь.

Вечер

Все скопом торжественно поднимаемся наверх следом за магом. Маг тащит в руках хрустальный бокал с концентратом крови и еще чем-то. Все очень надеемся, что это поможет. Вампир пытается напевать, но я молча показываю ему кулак, и шепелявое пение обрывается.

Что ж... час икс настал.

(Пишу, сидя на подоконнике.)

Она очнулась!!! На Грифа — больно смотреть. Сидит, смотрит на нее и молчит. Все смотрим. А маг так еще и улыбается, сжимая в дрожащей руке бокал. И только элв тихо спрашивает: можно ли ему теперь убрать грудь. Левую. Маг, не глядя, убирает. На спину. Элв молчит.

Сидим на кухне, записываю эти строки, которые войдут в историю. Гриф не отходит от Буры ни на шаг. Девочка рассказывает нам о том, как летала над городом и вообще по всему миру. Личико — довольное, а еще сказала, что теперь явно сделала очень хорошее дело и скоро станет настоящим человеком, а не банкой с шурупами. Последнее я не очень понял.

Элв притащил еще вина, заказал еды из трактира на углу, и теперь мы, пьяные в дупель, празднуем возвращение к жизни нашей красавицы. Мы с элвом — радостнее всех. Как раз получили новый заказ, который гласит, что надо выявить банду, похищающую

смазливых барышень с улиц города и продающих их в рабство. А у нас наживки не было. А там тако-ой гонорар. Уже думали о том, чтобы припрячь к делу элва, но с одной грудью, да еще и на спине, он вызывал скорее ужас, чем потребность украсть и изнасиловать. Короче, все рады, что Бура снова в себе.

Хотя... я так и не понял: что с ней было-то?

Конец записей ...

ГЛАВА 32

Странно, но я действительно очнулась и, прочитав записи Крута, узнала, что тут без меня было, в общих чертах. Теперь сижу довольная и счастливая — что, оказывается, всем очень нужна. Пусть и в качестве наживки, но все равно приятно.

И Гриф... действительно рядом. Был рядом, когда очнулась. И смотрит так... что стало понятно — нужна, хоть и не знаю почему.

А еще Феф с Иревилем — сидят в обнимку на краю стакана с вином и смотрят на меня так умильно, словно я их ребенок, который наконец-то вернулся из долгого похода за море.

Забавные они. Все.

Что ж, ладно, об этом потом. А сейчас — я очень голодная и уставшая. Наверное, впервые в своей новой жизни.

Упав на кровать, жую пирожные и смотрю на дождь за окном. Дождь... льет постоянно, но Теням это выгодно, и менять ничего они не будут. Вампиры, по крайней мере, счастливы... Сим, к примеру.

Мысли копошились в голове какие-то вялые и бесформенные. Электроника во мне затихла и успокоилась, впервые согласившись, что меня не надо защищать.

Все, кстати, ушли получать гонорар за успешное выполнение последнего задания: меня все-таки продали в рабство — и я побила, захватила, связала и предоставила довольному Круту всю преступную банду. Крут утер слезу умиления и, похлопав меня по плечу, сообщил, что я молодец. Гриф только вот рад не был. Сказал, что не хочет больше отпускать меня одну и вообще сам заработает столько, сколько захочу. А взамен я обязана сидеть в конторе, есть сладости, читать книжки и ничего не делать. Помню, когда-то, в прошлой жизни, это было пределом моих мечтаний, а сейчас — мне скучно. Даже Феф с Иревилем разлетелись кто куда. У них что-то вроде двойного свидания, и страшно краснеющий Феф утром у меня отпрашивался, уточняя — точно ли я буду сидеть в конторе или же побегу героически умирать в ближайшую подворотню. Я пообещала сидеть.

Тишина какая...

Встаю, зеваю и оглядываюсь по сторонам. На тумбочке какие-то микстуры и бутылки, которые мне велено принимать ежедневно. Горько, противно, но если отключить вкусовые рецепторы — нестрашно.

Потягиваюсь, оглядываю в который раз комнату и подхожу к стене. Медленно провожу ладонью по ее шершавой поверхности. С виду — деревянная, теплая... замагиченная.

Как же скучно...

Потом спускаюсь вниз, иду в лабораторию мага, забираю все деньги из тайника и выбегаю на улицу. В дождь и слякоть.

— Это чего? — Рёва с синяком под глазом угрюмо сидит на столе и смотрит на кучу винтиков-шпунтиков и прочего металлолома, что я принесла из магазина гномов. Там килограмм сорок будет, а то и больше... Не знаю, но, когда я мешок со всем этим добром без видимых усилий закинула за спину, у гнома-продавца открылся рот, а из рук вывалился лом.

— Мне скучно.

— Ну... мне тоже невесело... — Мучительный вздох. — Меня послали.

Улыбаюсь и кошусь на трагическую мордочку нечистика. Алые глазки потускнели, он явно страдает.

— За что хоть?

— Предложил поцеловаться. А она же — анрел! И сочла это страшно оскорбительным.

Я только развела руками.

В окно влетел встрепанный Феф в разодранной одежде. Форточку закрыл с такой скоростью и силой, словно за ним гнался рой ос и крокодил в придачу. После чего на бреющем полете рухнул на стол и, дернув крылом, затих.

— А у тебя-то чего? — Рёва явно оживился.

— Чуть не изнасиловали, — с ужасом в голосе.

Кашляю в кулак, пока Иревилъ возмущенно рассматривает перепуганного друга. В глазах его была зависть и непонимание, но... он мудро промолчал.

— А... что это вы тут делаете? — анрелочек быстро приходил в себя и уже рассматривал ближайшую железяку, которая валялась прямо у его носа.

— А что, не видно? — нечистик. Все еще угрюмо.

— Нет, — растерянно.

Рёва презрительно хмыкнул и повернулся ко мне. Ибо и сам не знал.

— Телевизор хочу собрать.

Вот тут уже оба наострили ушки.

— Какой телевизор? — Феф. — А спутники? А... а как же связь, телецентр и прочая и прочая...

Рёва с надеждой посмотрел на меня. Он тоже хотел телевизор.

— Ну-у... я тут задала процессору задачку с входными параметрами и условием наличия магии. Вон те артефакты, к примеру, вроде бы должны решить все наши проблемы.

Духи тут же пошли рассматривать блестящие волшебные "камешки", пока я продолжала собирать из купленных деталей телевизор, опять же прибегнув к магии. Хотя... хотя я в ней, как и раньше, не разбираюсь вовсе. Зато вот руки — явно знают, что им делать. Пальцы левой, к примеру, постоянно во что-то превращаются — то в отвертку, то в паяльник, то в резак... или в плоскогубцы и кусачки. И работа спорится! Я спокойно продолжаю создавать то, о чем мечтала уже давно, как раз с момента, как в первый раз тут заскучала.

— И все-таки, — анрелочек покачал головой и вынес свой вердикт: — Вряд ли мы сможем создать ТВ с нуля. Ты же ничего не смыслишь в магии.

Я только усмехнулась.

— Вау...

— Феф, подвинься и помолчи. На.

— Это что, попкорн?

— Угу, "кола с ананасами". Пирог это, Фефа!

— Вкуфно.

Кстати, оба духа и я — сидим в данный момент на кровати и смотрим на "голубой экран", поставленный на тумбочку напротив.

На экране — герой в доспехах как раз подкрадывался к задку дракона, держа наперевес копье.

Лично мне — очень интересно.

— А молодец мужик, знает, так сказать, с какого конца за проблему браться, — Рёва, тонкий знаток мужской психологии.

Мы с Фефом покивали.

— Есть! — Рёва подпрыгнул и подбежал по кровати поближе, захватив тарелку с пирогом (утащил волоком).

Феф, открыв рот, смотрел, как ревушая огнедышащая ящерица бежит кругами по пещере с копьём в... кхм... заднице.

Рыцаря затоптали сразу, так что... мужика, конечно, жаль. Идеальный был.

Дракон вроде бы оправился.

— Переключай, — расстроено доставая второй кусок пирога и шевельнув хвостом. —

Здесь уже ничего интересного не будет.

Беру небольшой пульт всего с тремя кнопками ("вкл. — выкл.", "вперед", "назад") и начинаю листать "каналы".

— О! Назад!!!

Отматываю, не отдавая Рёве пульт, который тот пытается внаглую слямзить из рук.

— Во! Вот это мы и будем смотреть, — с восторгом глядя на женскую баню.

Пунцовый Феф закрыл лицо ладонками и опустил голову. Тихо попросил меня не поддаваться на провокации и переключить на более приличный канал.

Переключаю. Под возмущенные вопли нечистика.

"Что я без тебя?! Ты... ты для меня — все! Твои глаза, губы, руки!!! Ирида! Будь моей невестой, а не то я умру!" — завывал на экране мужик с гноящимися глазами и волосатыми ручищами.

Стоя на подоконнике распахнутого окна замка, он пристально и мрачно смотрел на хрупкую девушку, заламывающую руки у двери... и в данный момент усиленно соображавшую: как бы так его отшить, чтобы потом не пришлось рассматривать окровавленный труп с вытаращенными глазами под окном.

— Оставь, — Рёва, радостно улыбающийся и показывающий фигу севшему рядом Фефу.

Тот только отмахнулся, не отрываясь от экрана, при этом ловко стащив кусок сладости с тарелки.

Киваю и откладываю пульт. Сюжет увлекал.

"О нет! Я не могу, Сирик! Ты прекрасен и мужественен... — вскрикнула девушка. Мужик немного оттопырил зад, выпячивая грудь.-...но... но это... мне всего тридцать!"

Тяжелый вздох Рёвы.

— Это мало? — Феф. Озадаченно.

"И это... так неожиданно. Мне надо подумать!" — кокетливая стрельба глазами. — "Сколько?" — мужик, мрачно оглядываясь на явно неблизкую землю.

"Дня три. А потом я сообщу, выбрасываться тебе или нет."

Взгляд жениха — непередаваем. Ждем.

"Спасибо..." — кисло.

"О! Да, и вот. Это тебе! — Мужiku в руки пихают слипшийся платочек, трогательно краснея. — Там мои инициалы, и он почти пахнет мною... и духами, конечно. Ты должен взять его и хранить возле сердца как знак того, что сходишь по мне с ума!"

Платок молча суют в карман. По-моему, прыгать передумали.

"Это все?" — желчно.

"...а можно я Клару и Фисю позову? Они тут внизу, с гостями. Ну... еще разок при них крикнешь, что не будешь жить без меня, и... я буду более благосклонна", — девица, загадочно краснея.

Мужик слез с подоконника, плюнул на пол и вышел.

Ошарашенная дева рванула следом, заливаясь слезами и вопя, что согласна.

— Да-а... — Рёва причмокнул, подмигнул мне и потребовал снова переключить канал.

А хорошо все-таки, что я запрограммировала эту коробку показывать только то, что будет максимально интересно большинству зрителей. Магия тут и не такое может. Что приятно. Стоит только дорого, ну да чего там.

А на экране уже появилось мрачное подземелье, свисающие с потолка цепи, крючья и еще что-то. Феф побледнел и зажмурился, заткнув уши руками. Попросил толкнуть, когда переключим, а то он ужастики не переносит. Мы покивали, доедая пирог. Гм... опять, что ли, на кухню гонять? Леня как-то.

"Покайся, грешница!" — Толстый лысоватый мужчина стоял перед дыбой с прикрученной к ней женщиной средних лет и довольно потирал ладони.

Высокий мускулистый палач, положив руку на колесо, разглядывал свой бицепс, незаметно его напрягая и расслабляя.

"Нет!" — с достоинством, которое проняло даже Фефа, решившегося подсмотреть.

"Почему?" — угрюмо.

"Потому как ты — гад ползучий и редкий козел! А козлам я заговоры не раскрываю", — обиженный взгляд на палача.

Тот не отреагировал — бицепс как раз сократился, потрясая хозяина.

"Ах, так! Сигизмунд!"

Палач вздрогнул и вцепился в колесо.

"Давай!"

Феф зажмурился, мужики на экране усмехнулись, Сигизмунд напряг бицепсы.

Громкий визг разорвал тишину в комнате, прошелся по нервам и заставил Рёву подавиться.

"Стоп!" — мужик повелительно.

"Дык... я ж еще не начинал!" — растерянный бас палача.

"Не понял?"

Женщина продолжала надрываться, дергаясь в оковах. Вид у Сигизмунда был страшно виноватый. Мужик же нервничал и все просил, чтобы колесо назад отмотали.

"Да куда назад-то? Она и так болтается, как белье на веревке..."

Мы все дружно посмотрели на страдальцу. И впрямь, болталась.

"Что ты орешь?!"

Тишина в комнате. Судорожное дыхание. И тихое.

— Уже все? — Фефа с надеждой.

— Переключи, — Рёва, со страдальческим видом.

Пришлось переключать, и впрямь дурдом. Палачи, тоже мне.

— Ой, оставьте! — это Фефа.

На экране как раз мелькнул церковный хор, и востепенный анрелочек подпрыгнул на кровати.

Сидим. Слушаем. Ждем.

— Красиво поют, — улыбаясь.

Рёва вздохнул и упал навзничь. Хм... а вообще — и впрямь неплохо. Ложусь на спину, завожу руки за голову и слушаю. Клонит в сон. Улыбка сама собой вылезает на лицо. Я все-таки сделала это. Я — гений. Это ж надо запрограммировать магию в артефактах... Точно — гений.

А потом я уснула и спала так до тех пор, пока не вернулась вся разношерстная команда нашей конторы.

ГЛАВА 33

Мы страшно богаты! Совет Теней, прознав про новое изобретение, выкупил у меня телик, заплатив бешеные деньги. И теперь... я с утра до вечера программирую кристаллы для новых "ящиков". Совет заказал еще пятьсот, дабы создать шпионскую сеть и внедрить технику в массы.

Н-да-а... Тяжело.

И вообще я не знала, что в такое вляпаюсь! Хочется спать.

Правда, мне грех жаловаться. Работают все. Сим вон с Эдо с ног сбились, доставая детали, пока маг и Крут их паяют. Вообще, детали должен был доставать гном, но он отказался ввиду того, что, цитирую: "ненавидит торгашей". Особенно из своего народа. Вот и не пошел к ним. А жаль. Симу они тройную цену заломили, а потом и вовсе обнаглели до неприличия. Пришлось сходить и разобраться. Теперь цены прежние, вежливость — на высоте.

Падаю на стул и расслабленно откидываюсь назад.

— Ты как? — на плечо садится Феф и осторожно гладит по щеке, отводя выбившиеся из хвоста волосы.

Улыбаюсь и киваю: все нормально.

— А где Рёва?

— Да... на свидании, — хмуро.

Понимаю. Анрелочек после того случая к девушке пока не летал.

— Не бойся, все будет хорошо.

— Да я... не переживаю. В конце концов, если повезет, мы с Рёвой будем жить вечно, как и твоя душа. Так что в отношениях я разобраться... сумею.

Тяжело задумываюсь над этим фактом: как это — вечно?

— Как дела? — смотрю на Грифа, входящего в комнату, но мысли упорно не о том.

Вечность — маленькое слово, а сколько в нем силы. Так я что, буду бессмертной, что ли?

— Бура...

— Э-э... привет, — улыбаюсь и смотрю на него.

Какой-то вид у него... нет, ну то, что он мокрый и взъерошенный, — так было всегда. Нотут другое. В глазах сквозит что-то новое, не пойму только — что.

— Маг опять подорвался на сварке?

— Нет, — улыбается.

И эти ямочки на щеках.

Какой же он у меня красивый. Подходит, садится на стол передо мной и вытаскивает что-то из кармана.

А следом — вихрем влетает в комнату Иревиль, плюхается рядом с анрелом, радостно дернув его за крыло. Феф старательно зашипел, гэйл удивленно притих, наострив ушки и с любопытством оглядываясь на нас.

— Что это? — напряженно разглядываю небольшую шкатулочку, способную уместиться у меня в кулаке.

— Открой, — мягким бархатистым голосом.

По позвоночнику скользнул табун мурашек, я с ужасом поняла, что вполне могу сейчас поднять крышку и увидеть... обручальное кольцо. Я ведь еще до того, как его с того света вытащила, как раз как-то вечером поведала об обычаях делать предложение девушкам в моем прошлом мире... точнее, жизни... Я запуталась.

Молча разглядываю шкатулку.

— Открывай, — громкое шипение.

Рёва никогда не умел быть деликатным.

— А что там? — поднимая глаза на Грифа.

Понимаю — вопрос глупый.

— Открой — узнаешь. — Смотрит напряженно и пристально.

А у меня руки дрожат.

Нет, так нельзя. Так... Вдох. Вы-ыдох. Вдох...

— Тебе помочь? — Феф. Участливо.

Рёва дал ему подзатыльник и утянул в укрытие, стараясь хотя бы приблизительно оставить нас наедине.

Открываю шкатулку, хмурясь и стараясь действовать механически. (Это у меня всегда получалось лучше всего.)

А внутри... оказывается небольшая сонная змейка, поднявшая головку и взглянувшая мне прямо в глаза. Серебристая такая. Красивая.

— Это что за червяк? — Что я несусь?

— Ой, дура-а, — Рёва, удерживая Фефа.

Гриф стиснул зубы так, что на скулах проступили желваки, и, видимо, только большим усилием воли удержал себя на месте.

— Не нравится? — жестко.

Что-то мне подсказывает, что коробочку сейчас отнимут, а меня пошлют.

— Э-э, почему? Обожаю червяков.

Рёва, кажется, ругался матом.

— Это кольцо... свадебное... В этом мире, если ты принимаешь предложение руки и сердца, то протягиваешь палец к змейке, и... если ты действительно искренне любишь дарителя — живое кольцо обвивается вокруг пальца и остается на нем навсегда, — сухо. Четко. Не глядя на меня.

— А если нет?

— Пусти, Рёва, я сам ее прибью!

Все. Я довела даже анрела.

— Тогда она кусает тебя и возвращается в шкатулку.

Гриф смотрит куда-то в окно. Разговор явно нелегко ему дался, он даже побледнел. Сжимаю зубы.

Так. Ладно...

Зевающей змейке врезала пальцем в глаз и придавила им к подушечке в шкатулке.

За палец злобно тяпнули, не разбираясь. Чуть не плачу, пытаюсь отобрать у "кольца" мизинец и не зная, как теперь смотреть в глаза Грифу. Но... палец не отпустили. Вместо этого укус стал еще больнее, и змейка — обвилась вокруг основания фаланги, сверкнув рубинами глаз. И застыла, положив голову на кончик собственного хвоста.

Сижу, смотрю. Даже и не знаю, что сказать.

Гриф все еще наблюдает, что там творится за окном, с предельно внимательным выражением лица. Тоже кошусь на серое небо с редкими просветами и на сидящего на подоконнике мокрого страшного голубя...

— Надела, — робко.

На меня посмотрели так, что захотелось с гордостью предъявить палец — что я и сделала.

Гриф взъерошил волосы на голове, усмехнулся, неуверенно встал и... снова сел на стол.

— Ты рад? — уточняю. Совершенно не представляя, что делать дальше.

Но это и не нужно. Он берет меня за подбородок и осторожно целует в губы, прикрыв длинными ресницами черные глаза.

Сладко, больно, тепло... Сама не замечаю, как обвиваю руками его шею и не даю отстраниться. Впрочем, он и не пытается, рывком поднимая меня с кресла и сажая себе на колени.

Старый стол напряженно скрипит. Надеюсь, выдержит.

А застывший на пороге гном, держащий за руку черного искрящегося мага с вздыбленными волосами, по-доброму улыбается и тихо прикрывает дверь...

Ребята страшно радовались за меня, разглядывая кольцо и наперебой поздравляя нас с Грифом. Больше же всех змейкой восхищался Крут, цокая языком и глядя на рубиновые искорки ее глаз. Элв же удивил тем, что предложил немедленно отметить помолвку и повел всех за свой счет в трактир! Даже вампир был в шоке. А Рёва так и вовсе слетал проверить — не идет ли на улице снег.

В тот же вечер мы наелись и напились до отвала и вернулись в контору только поздней ночью, в благодушном настроении, перекидываясь шуточками и веселясь над идеей Сима переименовать контору в "Нечисть, киборги и Ко".

Камин в большом зале был разожжен на раз, и, усевшись перед ним кто где, мы еще полночи ели плюшки, запивали их свежим горячим чаем и разговаривали о пустяках. Я при этом сидела на коленях у Грифа и смущенно слушала то, что он шептал мне на ушко. Парень впервые столько улыбался. И старался ни на миг не отпускать меня, постоянно касаясь пальцами лица, волос, зарываясь в них носом и щуря черные красивые глаза.

Рёва и Феф при этом сидели на каминной решетке и занимались любимым делом: жарили над огнем кусочки сосисок, выделенных магом невидимым духам. Все периодически поглядывали на загадочные палочки, висящие в воздухе вместе с насаженным на концы мясом, но мудро молчали, делая вид, что так и должно быть. За что я им всем была очень

благодарна.

За окном при этом тихо барабанил дождь, чай хорошо согревал. А плед, обернутый вокруг моей тушки, — и вовсе погружал в сон под тихий гомон, смех друзей и довольное чавканье Иревиля и Феофана.

Гриф коснулся моего плеча и помог удобнее лечь ему на грудь, прижимая к себе и проведя носом по моей макушке...

Уютно. Как же мне уютно. Не хочу просыпаться. Ни-ког-да.

ГЛАВА 34

Знаете, что случается, если мир встает с ног на голову? А я знаю. И даже очень неплохо.

Тени выяснили, что, кроме телевизора я еще много чего могу придумать. И теперь я — гордая обладательница собственной научно-магической группы, в которой пытаюсь втиснуть в головы продвинутых магов основы магического программирования. Особенно забавно для меня то, что сама я в этом ничего не смыслю, но упорно объясняю чуть ли не методом тыка, как и что надо делать. Группа находится в непрерывном шоке и ежедневно строчит жалобы и кляузы Совету — искренне полагая, что это поможет...

— Гм. А вы уверены, что кристалл стоит облучать закланием вечного разума именно под этим углом? — задает мне вопрос рыжий низенький маг худощавого телосложения.

Кажется, его зовут Пупузус. Он умудряется этим гордиться.

Ура! Он понял, что я сделала! Йес.

— Да, — гордо.

— Но это не сочетается с наложенными ранее чарами интеграции сущего и не пойми зачем всунутого наговора любви.

— Да? — продолжая "колдовать".

(Это я придумала, чтоб каналы показывал, какие хочется, а не какие есть... кажется.)

— Да, — сухо.

— Вы бы еще некромантию присобачили, — мрачно. Из задних рядов.

Больше всего их бесило, что каждый раз "вязь заклинаний" была новая. Хотя я делала все то же самое, доводя мэтров колдовства до белого каления и мигрени.

— Гм...

Тяжелый вздох справа.

— И последнее... — Мой голос почти не дрожит.

Это — самая тяжелая стадия: собрать все, что уже привязала, воедино. Самое сложное, чего маги не понимают вообще.

Народ напрягся.

— Смотрите внимательно.

Ругань справа.

— Показываю еще раз.

Смешки и пожелания провалиться в подземелья боли (это они так подвалы в замке называют).

— И-и... раз.

Взвыл ветер.

— И-и... два!

Грохнуло, вспыхнуло.

Все.

С гордостью оглядываю мрачные лица мэтров, которые опять ни хрена не поняли.

— Ну как? — радостно.

Мне молча пододвигают следующую партию кристаллов.

Бли-ин... такое ощущение, что мы тут пожизненно. Ибо, если хоть один из них уйдет, не освоив методику, — Тени его отправят заговаривать кладбища и огороды по деревням.

Отдаленным. И навсегда.

Я уже говорила, что меня здесь ненавидят?

— Я, кажется, понял, — робкий голос из задних рядов.

Поднимаю голову и пытаюсь разглядеть, кто это сказал. Впрочем, он уже и сам проталкивается к столу — невысокий худой пареньек с ярко-голубыми глазами на немного чумазом лице.

— Ты-то куда лезешь, Рем? — Рыжий маг явно был невысокого мнения о способностях паренька.

Я же — напротив, памятуя, что самые классные хакеры как раз получались из молодежи. Тут же сунула ему в руки кристаллы и кивком позволила показать — что именно он понял.

Парень нахмурился, осторожно, почти благоговейно, дотронулся до камней и, что-то бормоча под нос, начал очень быстро и небрежно плести над ними какую-то вязь.

Посмотрев вокруг, я увидела, что многие усмеваются, но все смотрят предельно внимательно. Кто его знает, а вдруг и впрямь понял и сможет научить. Тогда — прощайте ежедневные и чуть ли не круглосуточные занятия и... здравствуй, нависший над шеей указ Теней о высылках.

— Готово!

Уже? С интересом рассматриваю протянутый мне главный кристалл.

— Вот... должно работать. — Вид у него далеко не такой уверенный, руки чуть подрагивают.

Молча подсоединяю кристалл к остальным, вкладываю в корпус и нажимаю на пульт.

Ну?..

Ждем. Мелькание, полосы, всполохи. Разочарованный вздох публики. Кто-то отвесил парню по шее, предлагая опять убраться в задние ряды и не мешать корифеям.

Но тут... да, точно. Заработал! Хотя, если честно, сама в шоке. И изображение, пусть и черно-белое пока, да еще и рябит, но уже есть! Призываю паренька обратно, ставлю рядом с собой и радостно вещаю, оглядывая кислые лица удивленных магистров:

— Итак. А теперь — еще раз. И, если получится, — он будет вашим новым учителем на всех последующих занятиях.

Румянец на щеках мальчишки. Возмущение аудитории и... сдвиг стрелки ненависти с меня на новоявленного мага. Хм... знаю, что нечестно.

Но мне уже давно все так надоело... Да и поскорее хочется домой — увидеть Грифа. А пареньек явно знает, что творит.

Вваливаюсь в контору, падаю на диван и с ужасом чувствую, как его ножки со скрежетом разъезжаются в стороны. У нас новый диван в гостиной? Зря с разбегу упала. Забыла про свой вес.

— Бура?

Из подпола появляется перемазанная маслом рожа Крута.

Улыбаюсь, пытаюсь махнуть рукой.

— А что так рано? Мы тут решили, что ты опять до утра застряла.

— Нашла "жемчужину" в навозе — молодое дарование — и доверила ему дальнейшие поиски талантов.

Гном хмыкнул.

— Ну-ну. О, кстати! Там журнал лежит, твое произведение про элва напечатали! Эдо, кстати, уже прочел.

Пытаюсь сообразить, о чем это он. Вспоминаю свои писательские экзерсисы... мне дурно.

— И... где элв? — осторожно?

— Где-где? По городу бегает, тебя ищет. Сказал, что за такие художества придушит лично, и вылетел из конторы, потрясая бумажками. Даже не переоделся — как был в пижаме, так и выбежал. Хорошо, ему маг хоть грудь наконец-то убрал.

Крут явно наслаждался. Я молча радуюсь, что не послала в издательство первую часть, про гнома. Отбиться от элва я... как-нибудь сумею. Но, представив бегающего за мной с тесаком Крута, мысленно содрогнулась.

— Крут! — Рев мага из подвала заставил парня извиниться и нырнуть обратно.

Опять что-то химичат. Маг, кстати, был единственным, кто разобрался полностью в моей "магии", но Теням этого не сказал и теперь разрабатывает какой-то улучшенный агрегат, который должен будет еще и записывать транслируемое изображение. Наверное, будет что-то вроде видеокамеры. Крут и Сим сутками сидят с ним в подполе и помогают. Им явно тоже интересно. Эдо лезть туда отказался, ибо грязная это работа, а Гриф... Гриф готовил все к свадьбе и в данный момент отправился на встречу со жрецами в храм.

Прикрыв глаза, откидываюсь назад и улыбаюсь. Едва заметно, но искреннее.

Гриф...

Красивый, сильный, любит та-ак, что самой страшно. И... позволяет мне делать все, что заблагорассудится. Правда, идея с тем, чтобы мне выдали группу магов и заставили торчать дни напролет в душной комнатке, собирая телики, была его. Гм... занять меня хотел, зар-раза. И ведь занял. И, пока он организывает все, что я там навывдумывала про свадьбу... Ладно, не буду злиться. Хотя все еще и рычу понемногу...

Взрыв в подполе заставил диван подпрыгнуть и рухнуть обратно. Не перенеся издевательства, он скончался в муках, рассыпавшись прямо подо мной. Пришлось слезть, встать на четвереньки и подползти к дымящейся дыре в полу.

— Маг? Крут! Си-им...

Кашель. Черная голова Крута возникает из подпола прямо перед моим носом и хватается ртом воздух.

— А... где маг и Сим?

— Помоги, — хрипло. — Надо ребят вытащить... и откачать.

Киваю и прыгаю вниз. Надо — сделаем.

Затем маг лежал на новом диване (принесла сверху) и рассказывал о "прорыве века".

— Видеокамера, как ты ее называешь, деточка, не получилась, — грустно.

Киваю, подливая вино. Маг тоже важно кивнул и залпом выпил, снова откидываясь назад. Мы, все втроем, — сидим рядом на стульях (я — в кресле) и молча его слушаем. От парней разит горелым, а из подпола все еще идет дым. Ну да это мелочи. Ведь что-то же получилось? По крайней мере, маг доволен.

— И... что мы нахимичили? — Крут.

— О! — многозначительно поднимая палец. — Это нечто!

Киваем.

— Это прорыв!

Киваем.

— Такого еще не было.

Скрежет зубов вампира.

— А конкретнее? — снова гном.

— ...ну, это можно назвать...

— Динамит? — я.

— Нет, девочка, это не динамит.

Парни смотрят так, что тут же затыкаюсь.

— Это квинтэссенция радости и счастья... проще говоря — виагра.

Ну... по крайней мере, мой процессор именно так перевел это слово. В шоке смотрю на мага.

— А... — Что бы такого умного сказать? — А... взрывается она до или после использования?

— В процессе, — Крут. Мрачно.

Кашляю в кулак. Старик очень укоризненно на нас посмотрел.

— Она не взрывается, она ра-бо-та-ет.

— А как же камера? — Сим. Угрюмо.
— Ну... немного не рассчитал.
Бывает.
— Так чего он все-таки взорвался? — Крут упорно не верит в теорию мага.
— Побочный эффект. Видишь ли, если неправильно рассчитать дозу последнего компонента и чуть-чуть переборщить...
— Импотенция обеспечена обоим, — вампир. Радостно улыбаясь.
Крут показывает ему кулак и хмурится. Сим фыркает, но молчит. Маг большими глотками пьет вино, размышляя над проблемой.
— Ну... в целом — да, — тихо.
Блин. Ну вас на фиг.
Ухожу на кухню — готовить ужин. Магия магией, а кушать хочется. Эти же трое, оставшись в гостиной, продолжили обсуждение нового изобретения. Отрывочные слова, что я уловила в их разговоре, были: "два часа", "Тени", "деньги" и "миллионеры".
Ну-ну, ребята. Ну-ну.
Виагра вошла в массовое производство ровно на неделю. Потом кого-то взорвало, и покупать перестали.
А я предупреждала!
Беспрестанно делаем и делаем телевизоры — заказов море. Радуюсь.
Гриф, кстати, все подготовил к свадьбе, о чем радостно всем сообщил.
Хотя... я и вправду рада.
Единственный минус — жрецы согласны на бракосочетание только через полгода. Раньше — никак, ибо существует предварительная запись. Драться же со служителями храма — себе дороже (проклянут на всю жизнь и затравят народными силами. Не хочу).
Но... все равно рада.
А пока, дабы я опять куда не влипла, любимый выдал новую идею: отправить меня учиться! В академию для "не-магов"! Есть и такая. Там изучают те разделы магии, что доступны даже простым смертным. Сказал, что и сам за меня будет переживать меньше, да и я наконец-то пойму, что творю, и не буду пугать магистров своими "научными" пояснениями типа: "А эту хрень цепляем сюда — и шандарахаем голубенькой силой психоза", — которые вызывают угрюмые взгляды злых магов в ответ.
Так что кранты, ребята. Это кранты.

ГЛАВА 35

Ненавижу лекции. Вот сидишь, лектор что-то бурчит, глаза закрываются (ведь вчера всю ночь резалась с гномом в карты и таки выиграла), а записывать... легче покончить жизнь самоубийством, чем слово.

"Конгруэнтные поля вышестоящих функций интегрируются методами Жикамо-Пуртензия тремя различными способами. Способ первый: сибвилистический..." — бубнит на одной ноте лектор.

Дальше — куча формул и тоскливый взгляд товарищей по несчастью, вынужденных это записать. Правда, есть индивидуумы. Есть. Вон на первый парте: встрепанный, глаза горят, на лице — напряг, то и дело влезает и поправляет уже начинающего нервничать старичка. Лектор благодарит, в сотый раз стирает написанное на доске, путается, сердится, повышает голос...

Я, практически лежа на парте, старательно держу глаза открытыми. Но выражение осмысленности упорно слезает с лица, даже и не думая там задерживаться. Рядышком — храпят Рёва с Фефом. Они тоже вчера участвовали в карточных боях — Рёва подсказывал мне, что за карты у Крута, а Феофан сидел у уха и пытался давить мне на совесть, разыскивая оную. Не нашел. Крут теперь мне должен три уборки комнаты и бутылку своей настойки.

"И если детерминанту приравнять к синапсическим трансконгруальным интервертам, то легко понять, — эта фраза меня всегда убивала, — что неожиданный логарифм Лапласа закручивается вокруг графика общности и расставляет константы на уровнях значимости системы Синергии ахронитизированного силуэта будущих событий..."

Ага. Я — на лекции по разгадыванию грядущих событий. И убейте меня тапком, но теперь я хожу еще на пять предметов плюс семинары. А все маг! Восхитившись моей задумкой с телевизорами, сказал Грифу, что "девочке надо образовываться", и меня заслали в универ не-магов. То есть место, где, даже если у тебя нет магических сил, ты можешь все изучить в теории и упорно что-то творить с помощью магических вещей.

Короче... парни поддержали, а Гриф так и вовсе сидит на задней парте и контролирует, чтобы я не прогуливала занятия и хоть как-то, но училась. Мра-ак.

Рисую на листе жирную рожицу с перекошенным ртом. Гриф спит за мной, прикрывшись курткой. Зараза. Он — не студент, он так... присматривает, чтобы я чего не натворила. И вообще очень доволен, что года на три я от заказов вообще отстранена, так как денег за те тэвэшки мы выручили столько, что обеспечены чуть ли не до конца жизни... ну, если без излишеств. (А без излишеств мы не можем.) Короче. Тоже спать хочу. И терпеть не могу учиться.

Анрелочек всхрипнул, Рёва дернул его за крыло, которое сжимал во сне, и повернулся на другой бок. Кладу голову рядом и закрываю глаза. Мне все равно... ну о-очень хочу спать.

— Девушка! — визгливый голос над ухом заставил открыть глаза и скосить их в сторону.

— А?

— Вы спите! На лекции!! На моей лекции!!!

Что ж так орать?

— Нет.

Сажусь и мило улыбаюсь, стараясь не зевнуть. Сзади зашевелилась куртка, из-под нее показалась голова хмурого Грифа.

— Да?! Что ж, — поправляя очки. — Тогда воспроизведите, что именно я говорил пять минут назад.

В голове прокручивается пленка, я открываю рот и совершенно спокойно, его же голосом, выдаю всю ту ахинею, что он нес пять минут и одну секунду назад.

Все замирают. У лектора открывается рот, он ищет сердце.

— Маг! В моей группе маг! Кто позволил?! Кто...

Мужик убегает.

Поворачиваюсь к Грифу, но тот уже снова закапывается в куртку, плюнув на все.

Зар-раза.

Меня отвели к ректору, заставили прокрутить запись еще раз. Феф и Рёва — сонные — лежат в капюшоне моей куртки и громким шепотом уговаривают меня говорить потише, а то я им спать мешаю...

— Так. Но в заявлении не указано, что вы владеете... мм... даром. Это такая редкость. Вас в академии магии с руками оторвут. Мм... что вы забыли тут? — вещает тем временем представительный ректор в новом костюме и с золотыми часами в кармане жилетки.

Мучительно вспоминаю два часа страшно занудной лекции. Такие же шесть часов до этого — с понедельника по среду... и уверения Грифа, что все это нужно в первую очередь мне...

— Сама не знаю, — пожимая плечами. — А что вы думаете?

Ректор с тяжелым вздохом указывает мне на дверь. Довольная, я выхожу, стараясь не улыбаться слишком явно. А в коридоре уже ждет сонный Гриф, сложивший руки на груди и прислонившийся к колонне. Черные глаза спокойно смотрят на меня.

— Не поверишь. Выгнали, — стараясь выглядеть хотя бы грустно.

На несчастное выражение лица меня уже не хватит.

— Не верь, — Феф. Мрачно. Выползая из капюшона на плечо.

— Н-да? — Гриф.

Киваю.

После чего он отходит от колонны и спокойно идет в кабинет ректора, отодвигая меня в сторону. Задержать его я не успела. Думала — просто хотел взять меня за руку.

Пришлось бежать следом и все объяснять...

Блин! Ну ведь если не хочу, то и не буду учиться дальше! И он меня не заставит. Да?

"И в преобразовании охрянуса мы вырисовываем красивую систематическую зависимость функций от их входных параметров, что дает нам.." — Мрачно глядя на доску, не пытаясь даже вникнуть, я опять буквально валяюсь в аудитории.

Гриф бывает на редкость убедительным. Особенно если дело касается меня. (Я успела-таки спасти жизнь ректору, отчего чувствовала себя совсем не героически. И мне ее теперь еще три года спасать. Бли-и-ин...)

Опускаю голову на парту и, стиснув зубы, отключаю слух. Акт протеста, так сказать. И вообще: все отстаньте, я спать буду.

Гриф, сидя позади, молча смотрит, едва заметно усмехаясь краешком губ. Для него главное — что любимая в безопасности. Все остальное волнует парня мало. В том числе — и восхищение в глазах женской части группы, которого он не видит в упор. Впрочем, как и всегда.

ГЛАВА 36

Вы были когда-нибудь влюблены? Чтобы до боли, до слез, до ужаса...

А я — влюбилась. Просто проснулась однажды утром рядом с ним и поняла... что влюбилась. Он лежал рядом, повернув ко мне лицо, теплое дыхание чуть щекотало нос, а тени от длинных ресниц ложились на щеки тонкими полукружьями. Странно... для меня это так странно — просыпаться с кем-то вместе и чувствовать покой и мир в душе.

— Не спишь? — не открывая глаз.

Киваю, забыв, что он не видит меня, так глаза его закрыты. Но Гриф понял.

— Готова?

— К свадьбе? — Мороз пробегает по коже льдистыми мурашками и замирает где-то в глубине.

Я снова вспомнила, что церемония бракосочетания назначена на сегодня.

Он открывает глаза и внимательно смотрит в перепуганные мои.

— Чего ты боишься?

Мучительно размышляю, пытаюсь не отползть от него так явно. Но за руку поймали и придвинули обратно, заставив ойкнуть и насупиться.

— Чего. Ты. Боишься?

Замираю и смотрю на него. Ему действительно важно знать? И ведь не отстанет. По глазам вижу.

— Я тебе не верю, — на выдохе. И уже зажмурившись: — Я не верю, что ты меня любишь. Я — кукла! А ты теперь живой. И... и скоро найдешь свою тырганку или кого-нибудь еще, поймешь, что такая, как я, тебе не нужна, уйдешь и...

Хватка на руке стала жестче, я ойкнула. Рискнула приоткрыть глаза — с такой яростью и бешенством он на меня еще никогда не смотрел.

— И что я должен сделать, чтобы ты мне поверила? — в голосе — лютый холод. Почти лед.

Судорожно вдыхаю, забыв выдохнуть и не сводя с него глаз.

А действительно... что? Что он может, если даже зеркалу, которое мне его "подарило", я не верю. Ничему не верю. И никому. По крайней мере настолько, чтобы позволить себе... любить.

Сердце заходится в груди. От его близости снова мир качается перед глазами, и хочется

коснуться кончиками пальцев виска, провести по смуглой щеке...

— Бура!

Смотрю на него и пытаюсь улыбнуться. Не получается.

— Подари мне... дракончика, — неожиданно даже для себя самой. Первое, что приходит в голову.

Его взгляд застывает.

Это ж невозможно? Вспоминаю последний свой полет на "динозавре"... н-да-а...

Вот сейчас он сядет, да и пошлег меня к...

Гриф садится, берет рубашку, набрасывает ее и встает с кровати, продолжая невозмутимо одеваться.

Недоуменно слежу за ним, хмуря брови.

— Ты куда?

Он накидывает куртку, бросает на меня совершенно ледяной взгляд.

Сажу, смотрю на него и тоже молчу. Меня бросили?

Шорох куртки, сжатые на подбородке пальцы, глубокий, нежный поцелуй и тихий шепот на ухо:

— Свадьба вечером.

После чего он отрывается от меня, делает шаг назад. И, отвернувшись, быстро выходит за дверь, громко хлопнув ею.

Сажу. Тупо смотрю ему вслед, чувствуя, что только что сделала что-то непоправимое, но еще не понимая — что.

А в голове система нудным голосом уже секунд пять снова и снова повторяет совет "перезагрузить мозги".

Дверь открывается, и влетают довольные духи.

— Ну как? Ты уже оделась? Где подвенечное платье? О, вот оно. Вставай! Ща маг пришлет каких-то... Эй, ты чего? — Рёва удивленно завис перед моим носом, пока Феф пытался отдышаться. Явно все утро где-то носились.

— А я Грифа отшила, — мертвым голосом.

Тишина.

Круглые глаза застывшего в дверях мага и рухнувший на постель Рёва.

Крут с элвом из коридора попросили мага все-таки зайти, а то им торт нести неудобно.

Маг зашел, торт внесли. У меня спросили: "Ну как?" — демонстрируя роскошный свадебный торт.

Оглядываю белую гору из сливок и крема с марципановой фигуркой (надо же — моей!) наверху. У фигурки вместо рук — пушки, и целится она в стоящего перед ней на коленях мужика, закрывшего лицо ладошками.

— Свадьба отменяется, — сообщил маг.

Торт осторожно поставили на пол и собрались вокруг меня. А мне... так плохо. Кто бы знал!

— Как отменяется? — Крут, — Я всю ночь торт пек!

— Она его послала, — маг.

— Куда? — элв. Облизывая пальцы.

— За драконом, — я. Не глядя на торт.

Стон Фефа и ржач Иревиля были мне ответом.

— Хм... а если серьезно? — Крут явно не верил, что я серьезна как никогда.

— Я сказала, что не поверю в его чувства, пока он не принесет мне дракончика.

Все переглядываются, гном крутит пальцем у виска.

— То-то, я смотрю, он невменяемый выбежал, да еще и мечи прихватил.

С ужасом смотрю на мага. После чего вскакиваю и бросаюсь одеваться, судорожно разыскивая свои вещи... Вещей нет. Есть только свадебное платье!

Угрюмо смотрю на Рёву. Тот ткнул пальцем в Фефа.

— Он сказал, что только так тебя можно в него одеть.

— Раздевайся, — поворачиваюсь к гному.

Тот поднял брови и улыбнулся, открывая рот.

Наставляю пушку, уже заменившую кисть, и повторяю просьбу:

— Раздевайся.

Рёва позади меня загадочно хмыкнул и щелчком пальцев врезал мне в затылок пару шаровых молний.

В голове замкнуло.

Падаю, куда-то стреляю и отключаюсь. Последнее, что помню: ругающийся гном, держащий на руках дымящегося элва.

Маг вроде бы обещал всех вылечить.

Очнулась я в седле. Меня держал за талию Сим, а гном, элв и маг — скакали рядом, громко перекрикиваясь и ловко уворачиваясь от веток.

На мне, под теплой накидкой, было надето белое свадебное платье. Волосы-до боли стянуты в тугий пучок, а в ушах — болтаются огромные серьги. Ах, да. Еще от меня разлило духами.

Смотрю задумчиво на коня, смутно вспоминая, что так просто скакать со мной на спине мало кто может. У него светились глаза, он кашлял огнем и не менее злобно, чем вся наша компания, смотрел вперед, спеша изо всех сил.

— Маг! — перекрикиваю свист ветра, кое-как выпрямляясь в седле.

Сим с облегчением отпустил мою талию и сжал поводья обеими руками.

Маг повернул голову, волосы его развевались, а глаза горели. Впечатление было то еще.

— Что?

— Куда мы несемся?!

— За Грифом, — рявкнул гном, пытаясь направить своего коня ко мне.

И где они только их взяли? Каждый такой скакун на вес золота в городе.

За пазухой закопошились, и из выреза платья появилась встрепанная голова Иривиля. Дух подмигнул мне, важно показал большой палец, кивнул и снова скрылся.

Ничего не понимаю.

Но... узнаю дорогу, ведущую в горы! И вспоминаю, как мы туда совсем недавно ходили за яйцом драконши. Мне становится плохо. Гриф действительно туда полез? Да мне в общем-то для подтверждения чувств достаточно было только его намерения отправиться на битву с хищником! И если бы он просто сказал, что согласен на подвиг, и чмокнул в нос — я бы уже вышла замуж! А он, гад, помчался все же за рептилией — доказывать свои чувства. А невеста вынуждена теперь в свадебном платье и в компании друзей нестись как сумасшедшая следом, чтобы сказать ему, что передумала! И без всяких там разных дракончиков и так на все согласная. Бред какой-то!

И ведь можем не успеть!

Смотрю на коня. Кладу на его шею руку, сощуриваюсь и пропускаю между пальцев ток. Конь мотает головой, дико ржет, сверкает глазами и... ускоряется в три раза.

Маг, элв и гном ошарашенно что-то орут позади. Сим, лежа на крупе, пытается сесть. Я же, пригнувшись к шее коня, напряженно смотрю вперед и до боли сжимаю кулаки. Лишь бы успеть...

Не успели.

У подножия горы мы обнаружили рухнувшее гнездо, скорлупу и труп дракона. Грифа... не было.

— Он, наверное... — маг закашлялся, хватаясь за грудь, — обратно поехал?

Сим сидел позади меня зеленый, встрепанный, с крепко сжатыми зубами. Его уже дважды рвало, но вампир держался.

Поворачиваю коня и снова прикладываю ладонь к шее животного, требуя ускорить бег. Вампир застонал и крепче сжал руки на моей талии.

Конь взбрыкнул, захрипел и с места прыгнул так, что даже я чуть не вылетела из седла.

Маг крикнул, что догонит. Я кивнула. Гном и элв проводили нас угрюмыми взглядами. Как я или маг ускорять коней они не могли. Из-за чего сильно переживали. Но это все неважно. Важно то, что солнце — уже в зените, а свадьба назначена на пять... надо успеть.

В храм я ворвалась поздно вечером, верхом на изрыгающем пламя чудовище, одетая в белое подвенечное платье невесты и... с вампиром за спиной.

Копыта коня проламывали плиты пола, словно фарфор, а горящие зеленою глаза с ненавистью смотрели на разбегающихся жрецов.

Оглядевшись и спрыгнув, я подошла к алтарю и встала напротив стоящего на возвышении главного жреца.

Он хмурился и сжимал в руках небольшую книжку с символами. Нам тут явно были не рады.

— Гриф здесь был? — подхожу, глядя в водянистые старческие глаза и сжимая кулаки.

— Вы о парне с маленьким дракончиком? — холодно. Учтиво.

Потерянно киваю.

— Был. И ушел. И я очень надеюсь, что вы также...

— Давно? — сердце вот-вот выпрыгнет, меня трясет, и только с большим трудом я удерживаюсь от слез.

А в груди — словно дыра. Огромная и неудобная. Больно так...

— Давно. На закате. Сегодня должно было состояться венчание и...

Ноги подкашиваются, и я падаю на ступени, упираясь в пол рукой и тряхнув головой. Дрожь становится сильнее. Что-то холодное и мокрое стекает по щекам и падает на пол. Слезы? Машины ведь не плачут...

Гриф... Гриф...

В храм влетают запыхавшиеся гном и элв. Вампир, сидя на скамье, машет им рукой и вводит в курс дела. Маг где-то пропал. А жрец все просит меня встать и покинуть зал, а заодно увести коня и прочих живых существ.

Киваю и потерянно смотрю прямо перед собой. Ничего уже не могу. Даже думать. А угро... когда он лежал рядом со мной, такой родной и близкий, — хочется стереть из памяти раз и навсегда. Чтобы не было так больно.

Внезапно гомон, вопли жрецов и зудящий над ухом голос стихли. Слышен стал только перестук копыт и тяжелое дыхание присутствующих.

Кто-то взвизгнул. Неприятно так, словно ножом по нервам, и по залу прокатилась волна жара.

Поднимаю взор и вижу черные, чуть сощуренные, любимые глаза.

Замираю.

Он стоит рядом с магом. На пороге. В пыльной куртке, встрепанный, усталый и... с маленьким золотым дракончиком на руках.

Дракоша пищал, вырывался и плевался огнем. Злые алые глазки угрюмо разглядывали лица застывших людей, словно выбирая себе жертву.

А я... я все никак не могла встать.

— Гриф, — потерянно и тихо. Тербя край платья и все еще хлюпая носом.

Он подошел, протянул руку, взяв мою ладонь, и рывком поставил меня на ноги.

В грудь ткнулась шершавая мордочка, алые глазки мрачно заглянули в мои. Осторожно глажу бугристую головку дракоши, не решаясь снова взглянуть на любимого.

— Теперь веришь? — шепот.

Ласковое прикосновение к подбородку и поднятое кончиками пальцев мое лицо.

Киваю, неуверенно улыбаясь и чувствуя, как меня целуют. Жадно, требовательно, сжимая в объятиях и не обращая внимания на возмущенный писк и рев мелкого монстра, зажатого между нами. Все, что могу, — радостно ответить на поцелуй, зажимываясь и впиваясь пальцами в его плечи.

— Никогда... больше не уходи, — на миг оторвавшись.

Затем снова утыкаюсь ему в плечо.

Гриф только вздохнул и зарылся лицом в мои волосы, и не думая отпустить.

А дракоша смирился, высунув свою головку, он прицельно плюнул огнем в мантию жреца. Довольно наблюдая за тем, как тот бежит, кричит, а после ждет, пока еще трое служителей выльют на него ведро воды. Это показалось чешуйчатому забавным, и он снова начал вертеть головой по сторонам.

В тот же вечер нас поженили. Гриф настоял (мощно так настоял, даже я бы не рискнула отказать существу с та-аким взглядом).

— Согласны ли вы, Бура, взять в вечные сожители это существо?

Я в шоке от формулировки, но жрецы все делают по протоколу. И если не человек, то — существо, а если замуж, то — в вечные сожители. Мрак.

Еще платье это... чувствую себя как в кремовом торте: сплошные обorkи, рюшечки, тридцать юбок, фестончики и кружева. (Все сказали, что это — красиво.) И ворох завитых волос на голове, скрывающий плечи. У меня все чешется, везде жмет, новые туфли натерли ноги.

— А вы, существо по имени Гриф! Согласны ли взять...

Дальше не слушаю, пытаюсь почесать ногу об ногу.

Ой. Туфля укатилась.

— Рёва, — страшным шепотом.

Нечистик вздрогнул и осторожно на меня покосился.

— Чего?

Хорошо, что я все еще вижу их. Духам сказали, что за мной нужен присмотр.

— Туфля укатилась, — шиплю и смотрю вниз.

Мое шипение сбивает служителя с мысли, заставив замолкнуть. В полной тишине слышен надсадный хрип:

— Туфля-а!!!

Все смотрят на мои ноги.

— Продолжайте, ваше святейшество, — Гриф. Играя желваками.

Делаю вид, что мне стыдно.

Рёва и Феф скрываются под юбкой. Ощупываю ножкой пространство вокруг, пытаюсь найти обувь. Еще и эта шпилька... сантиметров двенадцать, не меньше. А я на таких никогда не стояла. И не простою. Долго.

— Нашел? — глядя на пол.

Стон в моей голове — Рёва перешел на телепатию.

— Ну ты и поте-ешь...

Краснею.

— Не слушай его, Илечка, твои ноги отлично пахнут.

Слабо улыбаюсь. Феф — в своем репертуаре.

— Тогда сам туфлю и тащи, — мрачно.

— Но... — Растерянно.

— А я мелкий и противогаз забыл.

— Рёва! — укоризненно.

Хрип, писк, выбравшийся из-под юбки синеющий анрел. Ржач Рёвы.

— Слабак.

Туфлю мне все-таки притащили. И даже надели. После чего залезли обратно на плечо и мрачно показали большой палец. Я благодарно кивнула. Но тут треснул каблук правой туфли, и я рухнула на спину, придавив счастливого Рёву. Феофан, вовремя отлетевший, с ужасом на нас посмотрел. Гриф — рванул поднимать свое "счастье", ругаясь сквозь зубы. Жрец закрыл лицо рукой и тихо что-то шептал под нос.

Меня подняли. Рёва, все еще показывая большой палец, застыл на полу ярким пятнышком, глядя куда-то вверх. Феофан бросился ему на помощь, крикнув, чтобы я не отвлекалась, а то и так полгода ждали.

— Вы закончили? — желчно. Главный жрец.

Киваю. Гриф щурится.

— Отлично, — перехватив взгляд черных глаз и слегка снизив тон, — что ж, тогда объявляю вас... парой, благословленной Создателем! Можете поцеловать невесту.

Гриф улыбнулся, посмотрел на меня и под радостные крики гостей крепко поцеловал, сжимая в объятиях.

Чувствуя, как подгибаются колени, и слушая радостные возгласы друзей, я поняла, что очень счастлива, как никогда в жизни: здесь и сейчас, в его объятиях, в окружении лучших друзей.

Маг, гном, вампир и эльф всю церемонию торжественно стояли позади нас, радостно наблюдая за процессом и тихо перешептываясь в особо ответственные моменты. А оба духа, довольные и умиротворенные, снова сидели на моем плече, держась за ручки, улыбаясь и не мешая таинству. Феофану удалось-таки заставить Рёву молчать — вплоть до последних слов главного жреца: "А теперь, жених, вы можете поцеловать невесту..."

Вокруг горели сотни свечей. С чистого неба лился свет полной луны, освещая тонкую стройную фигурку смущенной невесты и высокого сильного мужчину, с нежностью смотрящего на нее.

И вы можете мне не верить, но в тот момент, когда на палец девушки скользнуло тонкое золотое кольцо, — лунный свет за окном мигнул. И на небе зажглась еще одна новая звездочка.

А если зажигаются звезды... значит, чьи-то души опять получают шанс на еще одну — новую жизнь.

Эпилог

Потом — контора "Нечисть и Ко" закрылась дня на три. И все три дня мы все сидели за праздничным столом, пили и ели в свое удовольствие и обсуждали все то, что было, есть и еще будет в жизни нашей взбалмошной группы.

Иревиль и Феофан каким-то образом стали видимыми для всех, и Крута пришлось довольно долго убеждать, что это не "зеленые похмельные человечки" и не глюки, а вполне даже реальные духи. Гном в итоге им даже руки пожал, крайне осторожно и все еще не совсем себе доверяя.

Крут исполнил балладу, дорвавшись до инструмента, подозрительно напоминавшего если не гитару, то лютню точно. Получилось неплохо. Кто-то даже всплакнул при описании битвы в ущелье Мрака. Там пали тысячи, сам исполнитель, если верить песне, получил аж шесть смертельных ран (!), но продолжил валить нечисть направо и налево еще... дней пять, кажется. Что не могло не восхитить благодарных слушателей.

Сим, кстати, на радостях даже предложил укусить каждого "на счастье" и превратить в вампира с гарантией вечной жизни. Все вежливо отказались, а самого вампира на всякий случай напоили так, что он не то что кусаться, а даже и встать со стула не мог.

Эдо тоже порывался что-нибудь спеть, но так и не смог. Потому рассказал стишок, с восхищением разглядывая Фефа и декламируя, кажется, только ему. Феф, стоя перед его тарелкой, кротко внимал, закатив от восторга голубые глазки (пока Иревиль нагло хлебал из бокала эльфа его эльвийский эль — нам всем, кстати, тоже наливали, и могу заверить, что это очень вкусно).

А Гриф, сидя во главе стола и держа меня на коленях, смотрел при этом на меня так, что я даже перестала расстраиваться из-за того, что теперь являюсь просто слабой девушкой, а не мощной кибернетической машиной...

Хотя... у меня почему-то все еще есть кое-какие познания в программировании, да и способности в магии немного прорезались. И, кстати, я сдала первые экзамены в универе! И теперь могу предсказать будущее по чиханию: через сложные графики и страшную нервотрепку. Так что... комплексовать нечего.

Тем более что Гриф по-прежнему смотрит только на меня, заглядывая в душу черными

как ночь глазами. И улыбается так... что сердце начинает бешено бултыхаться в груди, а пульс зашкаливает.

Любит, точно знаю. И вижу. И ведь сама смотрю только на него, смущаясь и ловя лишь едва заметную улыбку в уголках его рта, чувствуя, как сильные руки крепко обнимают за талию. А дыхание обжигает шею...

— Да слезь ты с его колен, Бура, — Крут. Как всегда, не вовремя. — Вот сейчас я расскажу про битву у северных преде-элов...

Стоны аудитории, бульканье Сима в салате.

— Не актуально, — Рёва, с видом профессионала. — Вот я могу поведать вам о последней битвы небес и о...

— Да что вы все о битвах да о битвах? — Маг, подняв вверх палец. — Такой праздник! Предлагаю выпить!

А потом меня опять поцеловали, отвлекая от мысли о том, что элв тоже наливает себе бокал и поднимается с более чем угрожающим видом. А значит — это надолго...

От нежного и долгого поцелуя я словно впала в полную протрацию и уже не способна была что-либо слышать или видеть — растворяясь в ощущении полного счастья...

Я даже не услышала, как в дверь постучали и Крут впустил Симку и с ним еще двенадцать кошек из его родни, прибывших меня поздравить и тут же включившихся в общее веселье.

Все, что я чувствовала, это как часто и сильно бьется сердце в груди любимого, как его губы обжигают, заставляя забывать обо всем.

— Гриф...

Кажется, это я успела шепнуть. И услышала в ответ собственное имя, которое, оторвавшись на мгновение от моих губ, он ласково прошептал мне на ушко. Заставляя глупо улыбаться и чувствовать, как сотни бабочек порхают где-то внутри и дарят незабываемые ощущения. Любви. Надежности и счастья.

— ...Вот за это и выпьем! — Эдо, говоривший что-то (что, я не расслышала, отвечая на долгий поцелуй Грифа), довольно всех оглядел.

И все радостно подняли бокалы.

Спрашивать, за что именно мы снова пьем, не решилась. Да и какая, собственно, разница?